

СВЕТАНА ЗАЛАТА

**ОТРАЖЕНИЯ
ОДИНОЧЕСТВА**

История со "Свободой" и ее планами позади. Саша Неродова продолжает обучение в Ордене, желая стать полноправным магом. Впереди ее ждут расследование под прикрытием в детском лагере, изучение странностей на живой ролевой игре и визит в город из прошлого в поисках ответов на множество вопросов. А еще приключения, новые знакомства, не все из которых можно назвать удачными, и прикосновение к истории, что не всегда и не ко всем добра.

Инга вертела в руках DVD-диск. Из последних что отдал ей Марк. «Звездные войны» финальный эпизод. Она не то чтобы осталась в восторге от фильма, просмотренного на ноутбуке Марины, пока та красилась перед дискотекой, но обсудить было что.

Кажется, с собой на смену Марк привез бесконечный запас этих дисков. И откуда только взял? Уже пару лет как они были почти не в ходу, проще было на флешку скинуть или и вовсе смотреть онлайн. Но в их медвежьем углу не было никакого интернета. А флешки... Марк считал, что они быстро теряются.

— Я рад, что ты предпочла меня этим гулянкам, — Марк появился на их излюбленном месте в своей обычной манере, с треском продираясь сквозь кусты и нещадно пыхтя.

Он был полноват, и по мнению Марины, являлся, как сестра сказала, «лохом педальным». Но Инга плевать хотела на ее мнение. Пускай вон со своим Вертихвостовым милуется. Фамилия-то под стать роже этого Сергея. Много Марина вообще понимает в мальчиках.

— Там мне нечего делать.

— Вожатая не будет искать?

— Не, — Инга помотала головой, слушая отдаленные «тыщ-тыщ» доносившиеся с танцплощадки около жилого корпуса, — я притворилась спящей, осталась у себя и сбежала потом через окно. А она на дискотеке с остальным пляшет.

— Везет, — протянул Марк, — мне своего «гражданина начальника» пришлось подкупать. Отдал ему коллекционное издание «Темного Рыцаря» с дополнительными материалами. Как от сердца оторвал.

— Где ты эти диски берешь?

— Отец в дорогу мне сумку доверху почти заполнил. Знает, что я кино люблю. А что проигрыватель надо было новый класть, а не старый с убитый батареей — не знает.

— Я удивлена, честно говоря, что твой проигрыватель вообще еще работает. Такая древность. Даже не ноут, а dvd с экраном.

— Древность. Но что поделать. Если бы на него еще очередь не стояла, где я в самом конце, — вздыхает Марк, — законы общежития, что б их. И что отцу понадобилось меня сюда отправлять... Зато с тобой познакомился. И как тебе фильм?

Инга улыбается и начинает рассказ. Слово за слово, и, как всегда, они проводят не меньше часа просто общаясь. От последнего эпизода к предыдущим, к истории «Звездных войн» вообще, потом Марк сыплет какими-то фактами о кинематографе, а она просто кивает.

Они держатся за руки. И общаются. Даже не целуются — но Инга этого и не хочет. Ей двенадцать — еще успеется. Это Маринка пусть целуется — ей тринадцать, в ее возрасте уже пора. А у нее еще год. Марк ведь, как оказалось, из ее города, даже живет через квартал. Как закончится эта дурацкая смена — вернуться домой и нормально болтать будут, а не у костра украдкой.

«Ну а теперь — последний танец сегодняшней дискотеки!» — проревел диджей.

— Вот блин, мне пора, — разочарованно протягивает Марк, — я только с дискотеки отпросился, и все — на соннике надо быть как штык. И ведь «Бэтмена» же попросил... Жадюга.

— Ладно, увидимся. Держи, — Инга протягивает диск Марку.

— Не, у себя оставь, мне все равно перед сонником его деть некуда, а парни увидят — опять проигрыватель отберут, будут на сончасу смотреть, шуметь, а потом на меня все свалят. Пусть у тебя будет, завтра заберу. Все равно Захару неинтересно кино.

— Ты что мне никак своего друга не покажешь? Может, пообщались бы вместе? Если он на тебя похож, то будет что обсудить.

— Не хочет он, — Марк чуть пожимает плечами, — пацан хороший, только чудной. Сын нашей кухарки. Наверное тяжело ему так — мама вроде и рядом, а вроде и далеко, занята ведь все время.

— Ты его так скрываешь, словно и есть «Ночной Пионер».

Марк только рассмеялся.

— Это страшилки все для детей, Ин. Захар нормальный, вы наверняка поладите. Завтра предложу ему встретиться втроем, сама увидишь. И приноси диск в столовую утром, поменяемся, лады?

«Дискотека объявляется законченной!»

— Я побежал, Ин. Спасибо за компанию!

Быстрый, яркий, внезапный поцелуй в щеку. И стремительный побег сквозь кусты.

— И тебе спасибо, — Инга прикладывает на секунду ладонь к щеке.

Ну что ж, она все-таки не слишком маленькая, чтобы целоваться. Пусть и так. Для начала.

На соннике Маринка всю хихикает над чем-то в компании подруг. Ну и плевать. У нее этот Вертихвост, фьют — и улетит. А Марк... он — Марк. Они всего две недели знают друг друга, а кажется — целую вечность.

И он всегда будет рядом.

**

В столовой поутру Марка Инга не находит.

Он не сидит на своем месте в углу, не моет после еды руки в одиночестве, даже из его отряда ребята ни в кого не кидаются салфетками.

На обеде его тоже нет. Как и на ужине.

Инга набирается смелости и подходит к Анатолию, самому старшему из отряда Марка. Но он лишь отмахивается, словно не понимая, кого ищет Инга.

Как отмахивается на такой же вопрос и вожатый Марка, сухопарый подтянутый Давид.

Марк не приходит к их месту у костра, куда Инга прибегает и днем во время сончасы, и вечером, потихоньку слиняв со скучного концерта. На котором Марка тоже нет.

После отбоя она, с замиранием сердца, боясь встретить Ночного Пионера, пробирается в лазарет — но и там, в царстве полной медсестры с суровым взглядом нету никакого Марка.

Видимо, что-то случилось и он уехал, не предупредив. Жалко. Но что делать — встретятся в городе, благо адресами-то успели обменяться.

Уже собирая вещи в ожидании, когда папа приедет за ней и за Мариной, Инга ловит взгляд сестры, упавший на диск со «Звездными войнами».

— Откуда это у тебя?

— Марк оставил. Обещал забрать, но его, похоже, предки домой срочно забрали, и мы так и не поменялись.

— Что за Марк? Колись давай, сетренка.

— Марин, ну не шути. Не смешно.

— А я и не смеюсь. Зачем мне смеяться? Показывай давай, кого себе в пару нашла. Я оценю.

— Пф. Ты его толстяком называла и дразнилась потом. Хватит с меня.

— Да не было такого. Показывай.

— Отстань, — отмахивается Инга, — не смешно.

Марина фыркает и возвращается к своим вещам.

Разбирая сумку по приезду домой, Инга находит в ней диск со «Звездными войнами». И записку с адресом. Кажется, диск нужно вернуть по этому адресу. В один из последних летних деньков, перед самой школой она решает избавиться от долга и идет на указанную в бумажке улицу. Находит нужный дом, подъезд и квартиру. Только дверь ей открывает незнакомый мужчина, который точно не знает, откуда его адрес взялся у Инги. И его жена тоже не знает.

Инга пожимает плечами — и возвращается домой. Только диск себе оставляет.

Ей кажется, что этот диск немного теплый, словно бы пропитанный солнцем и костром, впитавший в себя кусочек уходящего лета и чего-то еще важного, но безвозвратно утерянного.

Утерянного навсегда.

Она смотрит фильм вместе с Мариной — но с ней совсем неинтересно его обсуждать. И «Звездные войны» после просто пылятся на дальней полке. Их Инга точно не будет тащить с собой, когда отправиться в институтское общежитие. И откуда у нее этот пылесборник?..

Кораблик детства. Глава 1

— Итак, господа адепты. К сожалению, я вынужден констатировать прискорбный факт: вы оборзели.

Саша вздрогнула, услышав слова начальника. Больше от невероятно спокойного тона, чем от содержания речи. Говорить так Михаил Ефимович мог что угодно, и все равно было понятно, что ничего хорошего сегодня никого из них не ждет.

— После того как ваши наставники отправились в международную командировку, вы потеряли последние остатки совести. За неделю на вас приходит три служебных записки. Три. Итак, начнем. Магия на костюмированном детском празднике. Что, Екатерина, так хотелось побыть фокусницей, не желая ничего учить по-человечески? Отлично, Закон кто соблюдать будет?

— Они ничего...

— Молчать. И слушать. Все трое. Вы плевали на Закон, развлекая детишек магией. Дважды, продолжив даже после того, как Станислав Алексеевич провел с вами воспитательную работу и мягко намекнул, что так делать больше не нужно. Вы плевали на Закон, ввязавшись в драку с байкерами и применив магию к людям.

— Там был оборотень.

— Да. Там был оборотень. Один-единственный оборотень, который не применял своих способностей к вам, и определенно, не заслужил отправиться вплавь по Кубани, куда вы отправили всех четверых противников, предварительно почесав кулаки и эго, вдоволь используя волшебство. И все еще притом, что оборотень никак не применял свои способности против вас. Подло, не находите? Один соблюдает Закон, а трое других нет.

— Они оскорбили Катю...

— Неродова, — Михаил Ефимович буквально замораживает ее взглядом, — я умею читать, спасибо. И я видел ваши объяснительные и все бляенья по поводу «сам первый начал». У тебя опять проблемы с самоконтролем и ты несешься сломя голову в потасовку, заслышав любую пару неприличных слов? В потасовку, которую вы, господа, без магии вчистую проигрывали, и остались в итоге без переломов только нарушив Закон. Захотелось, чтобы кому-нибудь кастетом голову проббили? Или сила не дает покоя, есть желание нести всем справедливость и исправлять заблудшие души? И это я молчу про остальные алкогольные похождения, о которых мне прекрасно известно. Перекрашенный недострой у Карасунов. Та стая собак, что вы приноровились натравливать на забулдыг, через пустырь проходящих, «отучая» их от пьянства. Погром в квартире твоего, Екатерина, бывшего ухажера. И это еще не полный список — за месяц, прошедший с начала каникул. Которые даны вам чтобы заняться своей жизнью, читать книги и отдыхать, и в октябре продолжить учебу. Но вы дуреете от безделья и подружившись с алкоголем окончательно раздружились с головой. Никакого особого отношения ни к кому из вас нет, не стоит питать иллюзий.

Последние слова были адресованы к Саше. Она только сильнее опустила голову. Прямо как директор школы нерадивых учеников отчитывает. Впрочем, в некотором роде так оно и было.

В кабинете Главы Ордена Юга России, их непосредственного начальника, устанавливается тишина. Долгая и тяжелая.

— Нечего сказать в свое оправдание, господа адепты?

У Саши было что сказать. Но злить Михаила Ефимовича она не собиралась.

— Ваши наставники далековато сейчас для того, чтобы вправлять вам мозги. Они заняты делом, в отличие от вас. Но по взаимному согласованию мы пришли к компромиссу. Я не буду одевать на вас браслеты, работающие на территории города и запрещать вам уезжать, как хотел изначально. Более того — вы отправитесь наслаждаться отдыхом на природе.

Саша с некоторым недоверием бросает взгляд на начальника.

— В перерывах между работой, разумеется. Читайте, — через стол ко всем трем прилетело по одинаковой картонной папке, — каникулы закончились, адепты. Вы ищите применения собственным талантам, и я вам его обеспечу. И не в архиве, как намеревался изначально.

Предполагалось, что этот жест стоило оценить. Возможно и стоило. Но у Саши еще звучали в разуме резкие, хлесткие фразы, которыми отчитывал ее вчера по телефону наставник. Разница часовых поясов и расстояние несколько не помещало ему высказать все недовольство.

Не то чтобы пробудилась совесть... Но выволочка ее отрезвила. Им втроем было весело — но они и правда нарушали единый для всех Закон. Тот, который остальные Затронутые соблюдали, не устраивая... Ничего такого не устраивая.

Но как бы то ни был — сделанного не воротишь. Теперь нужно было понять, что хотел от них шеф.

Саша развернула папку.

Внутри обнаружилась вырезка из какой-то захолустной газеты, неожиданно явно скопированная из интернет-статьи и распечатанная на обычной белой бумаге. Вырезка была из колонки вроде «Очевидное — невероятное» и повествовала о расследованиях какого-то пожилого энтузиаста, утверждавшего, что в расположенном на территории края санатории «Дубы» пропадают люди. Статья была весьма объемной, автор приводил какие-то довольные бредовые доказательства причастности ко всему этому инопланетян, избравший «расположенный на пересечении геомагнитных линий» санаторий своими кормовыми угодами или площадкой для экспериментов.

Автор, сам явно имевший какое-то касательство к работе «Дубов», считал, что исчезновения начались еще тогда, когда на месте санатория находился детский дом, а было это в довоенные дни. По мнению энтузиаста-следователя, изначально взеземные цивилизации захватывали для исследования детей каждую весну с момента возведения здания, теперь принадлежащего санаторию. Как именно это происходило, некий Валентин Викторович Оладько не пояснял, но указывал на то, что память о «похищенных» исчезала у всех, кто их знал при жизни, а любые бумажные свидетельства существования пропавших быстро оказывались в самых дальних частях архива, терялись, сгорали в пожарах и всячески уничтожались природными и не очень событиями. Хотя личные вещи таких вот «изъятых ради опытов» оставались, окружающие или выкидывали их, или присваивали, не помня, кому эти предметы принадлежали на самом деле.

Исчезновения, по мнению автора, продолжались и после войны, когда на месте интерната существовала больница, и позже, когда ее капитально перестроили и придали ей сначала статус санатория для «детей, пострадавших от тяжелых условий послевоенного времени», а после и просто санатория для работников промышленности и их семей. Продолжались они и во время перестройки, прекратившись только в девяностые, когда из-за

нехватки денег санаторий пустовал почти десятилетия, и продолжились в новое время, когда его вновь открыли. Но правительство и администрация коварно молчали, не желая признавать реальность существования внеземных цивилизаций.

— Бред параноика, — пробормотал Коля, досмотрев до конца статью, — видно же, что он больной. Таких вот «открывателей инопланетян» десятки нелеченых.

— Возможно, — кивает Михаил Ефимович.

Кивает — и протягивает им троим еще одну папку. На сей раз с одним-единственным документом.

Это выписка из какого-то полицейского протокола об осмотре квартиры скончавшегося Оладько В.В. Опись имущества, найденного в доме. Никаких отрубленных рук и голов в банке. Лишь десятки, сотни вещей из самых разных десятилетий, непонятно кому принадлежащих и как оказавшихся в квартире пенсионера. От пионерских галстуков до комсомольских значков, от более-менее современных курток взрослых размеров до детского нижнего белья, пошитого в сороковых годах прошлого века.

— А этот старьевщик неплохо подкрепил свои измышления. Насобирать столько барахла за годы жизни... Ничего удивительного, что местных это впечатлило.

— Возможно. Этого мы не узнаем — жил этот Валентин в одиночестве, друзей и близких у него не было, и что на деле стояло за расследованием, — мистификация или попытка человеческого разума справиться с необъяснимым, — пока мы не знаем.

— Этот Оладько не был Затронутым? — Саша кивает на описание вещей.

— Нет. Он был человеком. Протокол обыска попал в нашу базу стараниями одного из работающих в органах оборотня, сбрасывающего в Орден все «странное». Местные маги проверили санаторий. Неофициально — по моей просьбе. Ничего. Как и вокруг. Никакой избыточной магической активности. Было это еще до смерти Оладько, так что тогда у нас не было оснований хоть как-то больше интересоваться результатами его расследования. А теперь вы отправитесь в «Дубы» и своими глазами посмотрите на то, что там и как.

— Что нужно сделать? — в глазах Кати зажегся явный интерес.

— Работать. Через три дня в Дубках начнется довольно крупная фестивальная смена. Почти весь санаторий будет занят детьми. Так бывало и раньше, насколько мы смогли выяснить. Вы отправитесь на эту смену водителями. Пообщаетесь с работниками, посмотрите на месте, как обстоят дела. И постараетесь выяснить что-то о похищениях, чего мы не знаем.

— Например — были ли они? — скептически поднимает бровь Коля.

— Например, — кивает Михаил Ефимович. — С нынешними данными нам нечего расследовать. Ваша задача или найти что-то более конкретное по этому делу. Доказательства того, что исчезновения действительно имеют место. Информацию, с которой мы можем работать. Или не найти ничего и подтвердить факт, что вся эта история не стоит внимания Ордена. Заметьте — я не прошу вас ловить того, кто может быть в этом замешан. Наша проверка не нашла в санатории и рядом никаких следов Затронутых, но если они все же там есть — ваша задача не в драку лезть, а получить информацию, не вступая в конфронтацию. Вообще не высовываясь — если так понятнее. Более того, — он достает из ящика стола три тонких шнура с медными круглыми амулетами, — вы поедете туда как самые обычные люди. Если там и есть Затронутые — это скроет вас от их внимания до тех пор, пока вы не начнете косвенно взаимодействовать с Гранью. Это не мешает творить магию, если понадобится, но любого заклинания маскировку уже не получится восстановить.

— А напрямую, без заклинания и форму, что-то делать можно?

— Считывать информацию — да. Шагать — нет, Александра. К тому же я предполагаю, что если вы что-то обнаружите, то позвоните сразу. Или мне, или Станиславу Алексеевичу, или своим наставникам, если получится. Сразу же. Никаких попыток лезть на рожон. Ваша задача — сбор информации и разведка, а не расследование. Доступно?

Все трое кивают.

— Сказать если мы что-то найдем, — Коля рассматривает амулет, — а если нет?

— Тогда вы, вдоволь пообщавшись с подрастающим поколением и поразвлекав его, закончите работу на смене и вернетесь из уголка дикой природы к нам, в душный город, проведя три недели в близости с обычными людьми и без применения магии. Если сожжете маскировочные амулеты без причины — я узнаю. И вы отправитесь в архив до начала занятий, и после них тоже. Доступно?

Саша кивает.

— И последнее, — Михаил Ефимович обводит их глазами, — я продвигу вашу радость от отдыха на природе и предупреждаю сразу. Не обольщайтесь — вы туда отправляетесь в первую очередь работать. Как люди. Работать — и если администрация лагеря пожалуется на вас, то архив будет ожидать вас во время каждого свободного часа на протяжении ближайшего года. Вы от и до подчиняетесь местному начальству и забываете о том, что магия даровала вам, господа. Смиряете свои амбиции — и работаете так, как последний незатронутый. Старшая вожатая в «Дубах» — Марина Владимировна, человек, не посвященный в дела Ордена. Хоть один случай неподчинения — и вы трое нескоро найдете время даже посмотреть в сторону спиртного. И наручники поселются на ваших руках надолго. За нарушения Закона нужно нести ответственность. У вас два дня на сборы — в санатории надо быть послезавтра. Свободны, господа.

— Гитару брать? — Катя задумчиво рассматривала весьма запыленный чехол, стоявший в углу комнаты.

Саша, развалившаяся в мягком кресле-груше, только покачала головой.

— А как же это все вот — костер, пионеры, романтика? — Коля, занявший диван и потягивавший сок прямо из картонной коробки, пошловато хохотнул.

Саша возвела глаза к небу. Сама она свои вещи собрала еще с утра, и на предложение зайти в гости к Кате ответила согласием. К тому же подруга пообещала, что к ней зайдет и ее мама, готовая присмотреть за Боней три недели ровно так же, как и за Катиним Вельзевулом, черным хорьком с совершенно неумным характером. Как правда животины будут жить здесь вместе — Саша не представляла. Боню хорь уже загнал под шкаф, и судя по важному виду, на достигнутом останавливаться не намеревался.

Катя собиралась. А Коля, похоже, у нее в квартире и вовсе чувствовал себя как дома, мешал.

Саша оборвала собственные мысли. Из них двоих была прекрасная пара, и проводить время вместе было действительно интересно. Но Коля, несмотря на то что был ее сверстником, временами казался легкомысленным мальчишкой. Не то что бы это было плохо, но иногда раздражала. Кто бы говорил, конечно. Но все же сама Саша по крайней мере в своих глазах казалась себе куда более спокойной и уравновешенной. Хотя бы потому что в драку с байкерами первым именно Коля полез, выпив и решив защищать «честь прекрасной дамы». Да и Катю в ее идеях иногда нужно было останавливать, а Николай делал это ну очень редко. И сейчас он, кажется, принципиально противоречил Саше по любому озвученному вопросу. Это... Утомляло.

А еще если бы не Катин энтузиазм — Саша давно сидела бы дома, никуда не влазила и предоставила этих двоих самим разбираться со всем. Но подруга особенно после всей той истории с ее «помощью в секретном деле» явно задалась целью присматривать за Сашей и постоянно звала куда-то, так часто, что отвечать отказом каждый раз было просто неудобно. Не кто-то ли из близняшек ее просил...

Саша усмехнулась про себя. Так она сама станет параноиком почище этого Оладько В.В. Просто Катя разом хотела общаться и с ней, и с Колей, вот и все. А получалось — что получалось. Тем более что она сама не без удовольствия во всех не совсем законных затеях участвовала.

— Костер будет. Как и пионеры. А из всей романтики — постоянный присмотр и за пионерами, и за костром, — Саша обрубаёт полет фантазии парня.

— Пусть друг за другом присматривают, делов-то, — Коля фыркает.

— Саш, ты ведь работала уже в лагере? — Катя разглядывает гору одежды, вываленную из шкафа, — что из этого может пригодиться?

— Ничего. Или все разом, — Саша пожимает плечами.

— Бери вот это, — Коля указывает пальцем на длинное черное облегающее платье. Саша и не знала, что у Кати есть что-то подобное.

— И зачем? На дискотеки ходить?

— Именно.

— В форме придется туда ходить, — Саша осматривает одежду, — бери что удобное и

стирается легко. И что гладить не надо.

— Почему?

— Времени не будет на глажку. Или сил. А скорее всего — и того и другого.

— Ты так говоришь, словно мы едем не в лагерь работать, а на плантации, — Коля делает еще несколько глотков сока, — расслабься.

— Расслаблюсь. Когда мы найдем там что-нибудь толковое в первые пару дней и свалим обратно, передав дело оперативникам, а детей — сменщикам. Не раньше.

— Не смейся меня. Начальство просто от нас избавилось, отправив на этот глухарь.

— Думаешь? — Катя рассматривает какой-то пеньюар противного розового цвета.

— Уверен. Нету там ничего, такую статью я за день накатаю, еще и свидетелей найду сколько хочешь. Тот кто ее написал — просто больной, я это точно говорю. У меня папа — психиатр, я в психах разбираюсь. А эту прекрасную одежду — бери с собой, — Коля отпивает еще сока и подмигивает, — пригодиться.

— Я ничего не хочу знать о том, в чем именно. Но учтите — если мы будем работать одни на отрядах, а скорее всего это будет так, времени и сил ночью не останется ни на что.

— Пф. А кофе зачем? И час послеобеденного детского сна? Ты драматизируешь, Саша. Три недели абсолютно законных игр и развлечений с детьми в окружении леса, гор и речек. И за все это нам еще и заплатит обещали, между прочим.

— А ты в курсе, что вожатые вообще-то не аниматоры, а воспитатели в первую очередь? — Саша не сдержала раздражения. Она представляла, какой вожатый будет из Коли. И заранее негодовала. Знала она таких «игрунов», которые развлекались вместе с детьми, превращаясь в тридцать первого ребенка в отряде и отказываясь брать на себя всякую ответственность. Знала — и работала пару раз с такими в напарничестве. Хуже не придумаешь, лучше уж в одиночестве работать.

— Значит — воспитаем, — отмахивается Коля. — И вообще, поездка вожатыми в лагерь, или санаторий, как его там, — это не конец света, а ты сидишь так, словно мы к черту в пасть собираемся. Отработает да домой поедет. Ну или выкинут нашу троицу оттуда — и дальше что? Во-первых — это им самим не нужно, где они там замену нам найдут? А пока не нужно — жаловаться не будут. А во-вторых — ну отправят нас домой, и что? Посидим в архиве, делов-то. Не кисни.

Саша только кивает.

Она отработала в детских лагерях два лета — девять смен. Пусть почти все они были короткими, в две недели, но все же с вожатской кухней она была знакома не понаслышке. И точно не собиралась еще раз ехать туда, где из взрослых выжимают все соки, пока дети живут по установленным лекалам круглые сутки, пытаясь усвоить только то, что «воспитатели» считают правильным. Она до сих пор помнила, с каким энтузиазмом ее отряд снимал на конкурс мини-фильм о вампирах, с какими горящими глазами его представлял, — и как весь педсостав отчитывал ее и напарницу за «пропаганду жестокости и насилия», а бессмысленный ура-ролик без темы и идеи о том, какой хороший у них лагерь, хвалили на все лады. Все награды их небольшого фестиваля и получили «ура-патриоты». Тогда как ее девочкам достался один поощрительный приз несмотря на огромную работу. И так — всегда.

И что-то подсказывало, что в этих «Дубах» будет не лучше.

Еще и пропадающие дети.

— Так все-таки — брать гитару?

— Бери, — Саша только мельком ловит удивленный взгляд Коли, — хуже не будет. Сыграешь что-нибудь.

Лагерь. Песни у костра заданного репертуара. Строй, одобренные развлечения и попытки вожатых хоть чему-то на свой лад научить подопечных. Или просто следить за тем, чтобы последние не нашли себе лишних приключений.

Саша зареклась работать в этой системе. После той самой кинофестивальной смены с конкурсом, ставшим последней каплей. Вечное недопонимание с административным персоналом, огромные требования и мизерные зарплаты. Да и она сама какую-то нужную наивность для этой работы утратила.

Но что ж, за их предыдущие развлечения приходилось платить. Три недели в «Дубках» — все же лучше, чем три месяца без магии, которые минимально по Закону положенные за все, что они наворотили.

Справится она. Куда денется-то? В конечном счете дети — самое лучшее, что было в вожатской работе. И дети не виноваты, что их воспитателей сплавляли на эту работу насильно. И ради них Саша будет стараться так, как может. Вот и все. Справится.

— И здесь мы будем жить? Уму непостижимо.

— А ты пятизвездочный отель хотела? — Саша кинула сумку на верх двухъярусной кровати, — скажи спасибо, что мы жить вдвоем будем, а не вчетвером.

— Но тут один шкаф, — Катя явно была в растерянности. — И две тумбочки. Места нет даже вдвоем, а ты говоришь...

— Комната на четверых рассчитана. Но, благо, вроде как подселить никого не будут — все вожатые уже приехали, мы последние были. Так что считай, что нам повезло.

— Кажется, ты права, — Катя бросает взгляд на телефон и разворачивает его к Саше экраном. — Глянь, как Коля живет.

Такая же крохотная комнатка с окном посередине между двумя двухъярусными кроватями, шкафом около входа и парой разваливающихся тумбочек. Только здесь на фото было уже трое — Коля и двое незнакомых ребят.

— Говорит, что еще один приехать должен. Кошмар!

— Привыкай. Все лучшее — детям.

— Ну ладно. Всегда могло быть хуже, — без особой уверенности говорит Катя. — Только вещи где сушить? Места нет, и веревок нигде нет, балконов в корпусе я не видела.

— Вообще тут вроде как внизу прачечная есть. Ну или в душе стирай и суши на втором ярусе, если получится, конечно, помыться попасть.

— А с этим могут быть проблемы? — в голосе Кати послышался неприкрытый ужас.

Саша фыркнула.

— В моем первом лагере, тоже, кстати, работавшем на базе санатория, только для детей из космической отрасли, воду горячую отключали в час ночи и включали в шесть утра. А планерка обычно заканчивалась в полвторого. А в палаточном лагере, где работала потом, помыться взрослому можно было только пока дети на мероприятии. А так как вожатые с ними обычно на том же мероприятии — то никогда, считай. Ну или в пять утра приходи и свети прелестями с такими же ранними пташками из детей.

— Кошмар.

— Ладно, может тут и лучше будет. Есть ведь кулеры с горячей водой в холле, так что хотя бы с ней не будет проблем. Главное детей отгонять.

— Зачем?

— Чтобы доширака не налопались до расстройство живота, — со знанием дела говорит Саша. — А потом их родители всех собак на вожатого не вешали. Ты ведь социолог вроде как, неужели вы на педагогическую практику не ездили?

— Я не ездила. Меня привлекли к одному общеуниверситетскому опросу и обработке полученных данных в тот год в обмен на автомат. Работать пришлось немало, но, кажется, я еще легко отделалась.

Саша вздыхает, мысленно надеясь, что их не поставят на один отряд. Трусливо, но надеется-то ей никто не мешает.

— Ну вас готовили хотя бы? Игры на знакомство, игры на доверие, развлечение в свободное время, вот это все. Возрастная психология, периоды смены, КТД, вот это все хоть немного знаешь?

— КТД — это Коротко Трехчастное Движение из курса магической диагностики? А оно

зачем, нам же вроде без магии с детьми работать нужно?

Саша делает глубокий вдох — и выдох. Если бы знала — она бы чертовым фокусником стала за полчаса без всяких иллюзий. И в Кубань бы сама нырнула с головой.

Ей на секунду кажется, что она видит Михаила Ефимовича — и его довольную усмешку. Но только на секунду.

Саша поворачивается к товарищу по несчастью. Катя сидит на кровати, наполовину вывалив вещи из сумки, с крайне несчастным видом.

— Я ничего не знаю. Я не подумала, что как-то готовиться надо, нам ведь не сказали ничего.

Потому что, кажется, это я должна была вам все рассказывать. Как самая опытная.

— Ладно, Катя. Не кисни. У нас есть еще четыре часа до планерки, я тебя сейчас пришлю несколько статей — прочтешь и задашь вопросы, какие будут. И пришлю ссылки — там сайты неплохие, с них можно будет потом информацию брать.

За последующие четыре часа они выясняют следующие вещи. Когда надо, Катя быстро читает. И она, и Коля были детьми в лагере и даже помнят, как играть в «Летели лебеди», «Ниндзю» и «Снежный ком». Саша тоже помнит о последнем и со страшным лицом запрещает даже название этой игры упоминать. Зато достает из памяти тройку простеньких игр на знакомство. На доверие играть забавно и со взрослыми, особенно когда она старается показать «Точку баланса», взяв за руки Колю и пытаясь заставить его расслабиться, несмотря на явную разницу в габаритах, которая для этой игры кажется критической, Саша ощущает разом от Изнанки детский восторг товарища и внимание, смешанное с ревностью, давимой Катей. А сама-то не захотела делать, побоялась. Выясняется, что за десять минут Саша ухитряется рассказать особенности работы с детьми от возраста семи до семнадцати лет так, словно всю жизнь провела детском лагере и всю жизнь готовила вожатых, а за двадцать — придумать на ходу три сценария огонька на разные периоды смены и даже художественно объяснить, зачем они нужны.

— В одном нам повезло. Вам в особенности, — Саша говорит это уже вечером, когда, почти охрипнув от длительных объяснений последних часов, они втроем отправляются по заросшей деревьями аллее санатория в соседний корпус, где должно пройти планерка.

— А? В чем? У меня голова пухнет от всего. И это кажется только краткий курс. Нам на ритуалистике столько не объясняли за раз, при том что тогда я думал что ничего не понимаю в мире, — Коля хмур.

— Тише, — Катя глазами показывает на чуть отставшую от них группу ребят-студентов, тоже идущих к нужному им корпусу. — Не стоит привлекать внимание к нам. Так в чем повезло, Саш?

— Есть железный закон — тот, кто хоть одну смену отработал, может из ненужного, но наличного, сделать нужное, но отсутствующее. Иными словами — кто работал вожатым, тот может все.

— Звучит обнадеживающе.

— И пугающе.

— Так и есть, — посмеивается Саша, — так и есть.

Мариной Владимировной оказалась молодая, чуть полноватая женщина едва ли на пять лет старше самой Саша. Требовала она себя называть по имени-отчеству и всячески подчеркивала всю серьезность предстоящей смены, и важность выполнения целой кучи всяких разных требований.

Планерка, проводившаяся в каком-то полуподвальном зале собраний, не слишком хорошо проветриваемом, но зато со внушительной школьной доской и жесткими, не давшими и попытаться расслабиться, стульями, шла уже третий час, и Сашу начинало клонить в сон. Не из-за позднего времени, хотя начали они обсуждать дела только в восемь, и прервались почти на час для того чтобы выслушать нуднейшую лекцию сморщенного старичка, чьего имени никто не запомнил, о технике безопасности, а из-за обилия информации и невозможности даже немного подвигаться или вставить хоть слово.

Марина Владимировна говорила. И говорила. И говорила...

— Хотя у нас и фестивальная смена, я думаю, вы понимаете, что детям нужно не только выступать на сцене и участвовать в конкурсе. К тому же, как вы понимаете, конкурсных процедур немного, а времени свободного куда больше, да и отвлекаться от соревнований необходимо. Дети разного возраста в коллективах, так что не все из них и задействованы в каждый день будут. Как вы понимаете, каждый день по нынешней погоде мы будем выходить на речку, там оборудованы места для купания. Отряды у нас небольшие, места всем хватит. Но как вы понимаете — вожатые вместе с детьми купаются, и никак иначе. Напарник один в воде, один на берегу сидит. И все в головных уборах, обязательно. Руки тянуть не надо, барышни — вы понимаете, что с напарником поговорите — и все разрешите. Один в воде, один на берегу. И как вы понимаете — зарядка обязательна, и вы главный пример для своего отряда. В свободное время все дети с вами, все заняты, вы знаете — чем и где каждый занят, что делает. Завтра они приедут к обеду, и как вы понимаете — нам нужно подготовить встречу. Места отрядные украсить. Как вы понимаете...

Саша устала от бесконечного «вы понимаете» еще в первые сорок минут. Многих вещей она, к тому же, не понимала. Ни когда раньше работала, ни сейчас. Например, зачем ей, никогда в жизни, что было проверено десятками попыток, не попадающей ни в один ритм, было обязательно учить танцы и выходить на растанцовку, когда только позориться будет? Зачем непременно купание в реке каждый день по два раза? Какой бы чистой и теплой сейчас вода в ней была, детям все равно приестся, а два раза ходить — приестся в два раза быстрее. Зачем вожатым по нынешней жаре запретили носить сандалии с фиксированной пяткой, и почему форма была белого цвета — что бы испачкать единственную футболку в первый же день?

К тому же, как Саша поняла из пространных объяснений, смена была фестивальной в том смысле, что все отряды представляли собой разновозрастные танцевальные коллективы, и приехали в «Дубки» соревноваться в мастерстве. Это было плюсом. А минусом — то, что помимо соревнований администрация санатория в этом году, кажется, не стала придумывать никакую программу по принципу: «Вожатые разберутся». План-сетка смены пестрела огромными дырами после утренних танцевальных занятий и вечерних конкурсных, которые, к тому же, еще и не каждый день были, и дыры эти предстояло занимать самим вожатым. Или КТД, или подготовкой к выступлениям на праздниках: «День талантов», «Экватор», «День королей», «День национальностей» и прочая ерунда. Хотя общая идея у смены была, как и несколько мероприятий по профориентации и планирующиеся дни самоуправления. И все же, все же...

Саша рассматривала предлагаемые ориентиры программы. «Раскрытие не только творческого, но и личностного потенциала каждого участника смены». И образцы предлагаемых КТД вроде «Смотра талантов», «Театральных подмостков» и «Вечера костюмов». Аляповатый разнобой. Идея-то была интересная и довольно привычная —

каждому занятию найти. Вон даже чемпионат по футболу для мальчиков и по пионерболу или волейболу, в зависимости от команд, для девочек планируется. Но на деле... На деле почти все общелагерные мероприятия разрабатывать и воплощать будут «ответственные группы вожатых». То есть надо было не только работать с детьми, соблюдать распорядок дня и проводить все отрядные дела, но и создавать общелагерные активности, видимо, ночью или на сончасу. И это при том что, кажется, у остальных ребят вообще не было никакого опыта работы.

Саша обвела глазами будущих коллег. Кроме их троицы на планерке была как раз замеченная на подходах группа студентов — десять человек с грустными и усталыми лицами. Интересно, за что их сюда в такое время отправили? Явно косяк должен был быть ну очень крупным.

А еще их всего было тринадцать человек. Вряд ли кто-то пойдет работать в тройках. И, значит, кому-то не повезет быть без напарника.

— Неродова. Александра, так?

— Это я, — Саша подняла руку.

Она отвлеклась и пропустила окончание речи Марины Владимировны, и теперь несколько вопросительно смотрела на начальницу.

— Ты, — Саша поморщилась от неприятно резанувшего слух фамильярного тона, — раньше работала вожатой.

Это было вопросом, а утверждением.

— Да. Несколько смен.

— Значит у меня верные данные. Как ты понимаешь, только тебе я могу поручить седьмой отряд. Он самый маленький, но, увы, вас нечетное количество человек, и работать ты будешь без напарника. Уверена, что ты справишься.

А куда я денусь?

Но Саша только кивает.

— Вот и отлично, у вас будет время познакомиться получше со своими напарниками. А сейчас все встаем, будем с вами репетировать вожатский танец.

— Сейчас? Так поздно? — с растерянностью спрашивает какая-то блондинка из студентов.

— Ну разумеется. Как вы понимаете, завтра вы будете с утра готовить на вечер вожатскую визитку, огоньки, приветственные подарки детям, а к половине двенадцатого уже приедут первые автобусы, и вы будете сопровождать приехавших на медосмотр и заселять в корпуса. Кто где живет я вам список пришлю. И пока будет время — подумайте над своими мероприятиями, там в план-сетке указано, что кто делает.

Саша скосила взгляд на план-сетку. Седьмой отряд. Ей нужно было сделать «Веревочный курс». Игра по станциям на доверие. И на двадцатый день «Смотр достижений», он же — праздничный концерт.

Ладно, могло быть и хуже.

— Встаем, встаем. Итак, дамы и господа, — Марина Владимировна старается перекричать шум: — стулья убираем. Девочки вперед, в линию, мальчики назад. Итак, наш педагогический отряд, пусть и не самый постоянный, имеет название «Молодая поросль». И как вы понимаете, и своя музыка, и свой танец, который вы будете танцевать в начале всех мероприятий, чтобы детей привлечь, зажечь и дать им от лишней энергии избавиться, у нас есть. И сейчас мы его с вами разучим, да так, что фестиваль сами сможем выиграть.

Визитку, девиз и остальное вы сами сможете придумать на свою смену, а вот танец — неизменен. Смотрите и повторяйте за мной!

Саша, как всегда, не попадает в ритм. Раз, другой, третий... На десятый раз сложно сказать, кто больше злится — старшая вожатая на ее неуклюжесть или она сама на необходимость участия в дурацком танце.

Когда спустя вечность ее мучения заканчиваются, Марина Владимировна одаривает Сашу взглядом, ничего хорошего не сулящим.

— Неродова, мне все равно, как ты раньше работала. Здесь делай как все и не смей самодельничать.

Саша только кивает. Спорить и доказывать что-то нет никакого желания. Хотелось лишь выспаться перед завтрашним днем, пусть Катя с Колей явно намеревались пойти к студентам и познакомиться поближе с ними и с принесенной в санаторий контрабандой спиртным.

Это, определенно, будут нелегкие три недели.

Саша сидела в беседке. В благословлённые полтретьего ночи тут было пусто, и несмотря на подкрадывающиеся первые осенние холода — довольно тепло. Интересно, не планируется ли к концу смены отказаться от дурацких купаний? Вода-то прилично похолодает.

Или так и будут ходить к реке «принимать солнечные ванны»?

Сегодняшний день был суетным. Не просто суетным — выматывающим. Выматывающими настолько, что сейчас она сидела здесь, держа в руках кружку с остывшим чаем, а не лежала в постели. Пора было спать, но сон в ближайшее время ей не грозил — слишком много собственных впечатлений. И желающая поделиться своими эмоциями за сегодняшний день Катя. Все время, прошедшее с закончившийся в час планерки она без умолку рассказывала обо всем — о детях, об огоньке, о напарнике, о столовской еде и возможных трудностях. И ей, и пришедшему «в гости и на обсуждение стратегических планов, о которых людям знать необязательно» Коле.

Саша честно слушала час, отвечала и старалась поддержать во всех начинаниях. А потом, пока Катя была в душе — позорно сбежала. Не то что бы... подруга? Знакомая? Саша так пока не определилась, как относиться той, с кем жила вместе здесь и с кем развлекалась в городе. Аню она посчитала было подругой... и чем все закончилось? Не то что бы Катя раздражала ее. Точнее — не то что бы именно Катя раздражала ее. Сейчас ее просто раздражало все. Больше всего хотелось одиночества. А еще больше уехать отсюда прямо сейчас.

Вовсе не потому, что ее отряд оказался проблемным — дети как дети, наивные и по-своему мудрые. Фамилии, да и, чего греха таить, и имена каждого в отряде она пока не запомнила, хотя всех и уже знала в лицо, и даже сумела немало выяснить об их характере, просто рассматривая детей с Изнанки. Иронично — бытие волшебником никак не отменяло напряжения от необходимости постоянно находиться с кучей людей рядом, но анализировать и узнавать многое о каждом человеке было легче легкого. К тому же — дети ей нравились. И смысленный не по годам Илья, которого скорее всего выберут лидером завтра, и молчаливый Василий, спортсмен и музыкант, и близняшки Хасавьюртовы, держащиеся друг за друга как за спасительные круги, и замечающая малейшее изменение в поведении окружающих Софа, и даже держащийся особняком старожилка «Дубов» Леша — все они были... Своими. Один день — но они были своими. Четырнадцать мальчишек и девчонок.

В лагере ты быстро привыкаешь ко всему. Нет выбора. Ты постоянно с отрядом, отряд постоянно с тобой. Это нормально. В таком ритме жить три недели, и вожатый для детей — проводник, опора и образец в новой маленьком мире, которым и является каждая лагерная смена.

А вожатому опираться только на себя. На практике. Саша привыкла, но по своей воле все же никогда больше не взялась за такую работу.

Она устала. Мысли, эмоции, впечатления, ситуации, знакомство не только со своими детьми, но и с медсестрами, поварами, остальными участниками смены. Решение десятков вопросов от «где столовая» и «как нас расселят» до «на речку не пойду», «здесь есть не буду» и «не отдам ничего из того, что мама дала с собой, и плевать что мы на поезде сутки

ехали».

Все привычно. Все знакомо. Но от того не менее хлопотно.

Встретить, познакомиться, отвести на медосмотр, заселить, провести по территории, сходить на обед, ответить на множество вопросов... Выяснить, что друг с другом дети знакомы, хотя и не так хорошо, как думают, поиграть в несколько игр и научиться нескольким их развлечениям. Ужин. Вечерние визитки делегаций и вожатское выступление. Первый сбор у костра. Хорошо хоть на территории «Дубов» были именно костровые места, а не какие-нибудь убогие закутки, где только свечку и жги. Потом — сонник, который достался и Саше, больше из удачи, Софа отказалась и отдала свою порцию, а так-то вожатым не полагалось ничего. Уложить всех спать, сходить на планерку, послушав, как они всем вожатским коллективом не дотягивают до высоких стандартов, выслушать Катю...

И дела это только с полудня. А сколько всего было до...

Кажется, с утра прошла вечность. И сейчас эмоции успокаивались медленно, еще и потому, что сегодня Саша всю пользовалась возможностью прикоснуться к Изнанке, рассматривая и детей, и взрослых, и приезжих, и местный персонал. Теперь она знала обо всех увиденных больше, чем хотела бы, пусть и не все могла выразить словами. Но точно была уверена — среди них Затронутых не было.

Катя и Коля тоже никого не нашли. Так что возможно они и правда застряли тут на три недели. Ну или похищения и исчезновения были связаны с кем-то или чем-то за пределами санатория, которого Саша по привычке называла «лагерем».

Первые дни — самый трудные. Как и последние. Надо задать образец, следить за исполнением правил жизни здесь, поддерживать иерархию, привыкать... Как поведётся сейчас, так потом и будет. Во всем — будут ли ее слушать, будут ли ей доверять, будут ли общаться друг с другом за рамками обычных ролей. Вон хоть и коллектив, а кто-то из отряда впервые на фестивале, кто-то впервые на фестивале здесь, кто-то уже много где бывал сам или с родителями... Все разные. А лагерь, быт смены высвечивает очень и очень многое.

Саша повела плечами. Ей всегда нужно было время что бы «переварить», усвоить впечатления. Время в одиночестве. Лучшим была последняя поездка в палаточный лагерь, когда она привезла свою палатку и разом и настроение вверх пошло, и простуды отступили, да и сил больше появилось.

Серафим прозвал это «чувствительностью». Саша предполагала что речь идет о каких-то особенностях нервной системы. Она всегда легко включалась в любую деятельность, и, увы, всегда быстро уставала от нее. И как мудро заметил наставник: «Если тебе хочется побыть в одиночестве — иди и побудь в одиночестве. Исполнять свои желания в рамках разумного — лучшая возможность поддерживать свое тело и разум».

Саша сделала большой глоток чая. Кулер был прекрасной идеей. Правда прекрасной, ведь мало где у вожатых был доступ к горячей питьевой воде. Идеальная возможность пить чай в одиночестве, пока Катя делиться эмоциями с Колей, наверняка сидящем в их комнате.

Впереди на аллее мелькнула тень. Саша нахмурилась. Тень, кажется, была детской. Но кто не спит в такое время? Она оглянулась на корпус, где жили участники смены, — все до одного окна на детских этажах были погашены. В их «взрослой» двухэтажной постройке, древней, пусть и с небольшим ремонтном, и куда менее удобной, свет горел. Но дети-то там не жили, даже дети сопровождающих.

Тень тем временем приблизилась — шла она прямо к беседке.

Не то что бы Саша хотела чужого общества... Но это был ребенок. А для вожатого

чужих детей не бывает. Может это и идеализм... Но так ее научили, и этого правила она всегда старалась придерживаться.

В круге света стало понятно, что приближался к ее «укрытию», никого вокруг не замечая, невысокий очень худой рыжеволосый парень лет одиннадцати, в выдавших виды брюках и несколько старомодной белой рубашке, под воротом которой была узкая полоска какой-то ткани, похожая не то на узелок на память, не то на истреппавшийся щегольский галстук.

— Извини, — Саша поднялась со своего места, когда мальчик поравнялся с ней, — ты откуда?

Парень вздрогнул и остановился, поднимая на ее глаза.

Саша с некоторым удивлением рассмотрела определённо незнакомое лицо. Угрюмый сероглазый подросток с веснушками на все лицо. Дети всего полдня были здесь, но Саша могла поручиться — рыжеволосых среди участников смены не было. На ужине, по крайней мере. Приехал поздним вечером, что ли?

Она машинально коснулась Изнанки — и не смогла сдержать удивления. Ничего. Этот пацан не просто был ребенком — он был совершенно спокойным ребенком, в три часа ночи гуляющим по закрытой территории и застуканный взрослым. Обычно это вызывало хоть какую-то реакцию. На секунду Саше даже показалось, что за спокойствием есть что-то еще... Но это ощущение исчезло так быстро, как и появилось.

— Откуда надо. Тебе-то что?

— Я вожатая. Александра. Тебя как звать?

— Василий, — по-прежнему угрюмо ответил парень, — какая разница?

— Василий, — Саша призвала все свое терпение. — Если ты оттуда, — она кивнула на детский корпус, — то знаешь, что отбой давно был и что после него на улицу нельзя выходить.

— А тебе что? Я ведь в любом случае не из твоего отряда.

Саша вздохнула про себя. Обращение на «ты» ее не коробило — все равно при «выканье» она чувствовала себя древней старухой, пусть большинству детей куда проще было обращаться на «вы» ко всем взрослым. Кажется, в этом она начинала понимать наставника. Не то что бы ее радовала возможность сейчас разбираться с чужим ребенком, но все вожатые должны были следовать единым стандартам поведения. И точка. Все равно, с кем именно из педколлектива будет взаимодействовать ребенок, ведь по действиям одного он будет судить о всех. И намного проще работать, если каждый починается тем же правилам, которые они сами втолковывали детям и без которых в «общезитии» воцарился бы полный хаос.

— Чужих детей не бывает, — Саша чуть улыбается. — Я думаю, что тебе рассказывали про отбой. С какого ты отряда?

Несколько секунд парень ее еще изучает. Потом его лицо чуть смягчается.

— Не из какого. Сын поварихи я, если это важно.

— И ты гуляешь сам в такое время?

— Гуляю. Мать разрешает, — сказано это было с вызовом.

Саша помедлила. Она не видела всех поваров, да и их детей. Конечно, пацан мог залезть сюда... Только зачем? Да и... Это просто мальчик. И хотя это не ее дело — это мальчик, который не спит в полтретьего ночи.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Помочь? Зачем?

— Незачем. Просто. Могу?

Серые глаза на секунду стали почти прозрачными. Судя по взгляду — у парня едва ли была легкая жизнь.

— Неа. Хотя... Конфету дашь?

Саша только сейчас поняла, что все еще держала в руке здоровую шоколадную конфету с сегодняшнего сонника, которой поделилась Катя. У нее в отряде берегущих фигуру девушек оказалось больше одной.

— Держи.

— Спасибо.

Кажется, парень хотел сказать что-то еще. Но не стал.

— Я пойду.

— Иди. И, — Саша поколебалась. Что-то было в этом пацане... Может, взрослый взгляд? Такого не бывает у детей его возраста, не столкнувшихся еще с трудностями. — Я иногда буду здесь. Если захочешь поговорить — приходи.

Парень фыркает, а потом осматривает ее еще раз таким же колючим взглядом.

— Ладно.

И разворачивается, удаляясь куда-то по своим делам.

Что ж, кто-то едет в санатории отдыхать, а кто-то, видимо, тут живет. И ездит за столько, километров за двадцать в ближайшую школу? Этот парень ведь не из участников смены, которым каникулы, по сути, продлились. Ему учиться надо. Но родителей не выбирают, что поделаться.

Саша повела плечами. Пора было спать. Сегодняшний день был длинным и нелегким. Посмотрим, каким будет завтрашний.

Саша умолкла, закончив песню, всегда сопровождавшую «Легенду о Круге». С небольшими изменениями это орлятское изобретение рассказывали много где. Везде, где работали те, кто хоть раз побывал в «Орленке». Да и легенда, чуть измененная, ей нравилась. К тому же Круг — хорошая отрядная традиция.

Благо, «Мы пройдем сквозь земной простор» знала не только она, а то с оттоптаным медведем ушами в один голос было петь еще тем позорищем.

Саша первой села обратно на бревно и подкинула веток в костер. Сегодняшний огонек прошел хорошо и быстро. Как и дневной командный сбор, на котором и имя отряду выбрали — «Несломимые», и капитана назначили, и девиз придумали, и все остальные роли распределили.

А теперь, у костра, было время знакомиться и это тоже прошло быстро. Но знакомиться можно было и с людьми, и с легендами. И закончив с первой частью, Саша перешла ко второй.

— Вот такая история, — она подкинула еще дров, — а теперь может кто-то еще знает какую-нибудь легенду или историю, с которой готов нас познакомить? У нас не так много времени, но на один рассказ точно хватит.

Несколько секунд все молчали. А потом Леша, сторожил и тот еще сорванец, сегодня отказавшийся быть капитаном потому, что «безответственный слишком», хотя ему другие ребята и предлагали, подал голос.

— Я вот знаю легенду прямо про это место. Она, правда, не такая веселая. Страшная. Не крутая, да и мы тут ведь все уже второй день как, надо знать. Рассказать? — Леша обратился явно к Саше, спрашивая разрешения.

Остальной отряд притих. Даже те, кто приехали в «Дубы» не в первый раз и наверняка знали эту историю, все равно не были против услышать ее еще раз — Саша видела это по глазам. К тому же все опасались, что вместо рассказа может начаться какое-нибудь скучное обсуждение чего-нибудь, которое может легко перерасти в обсуждение всех провинностей и головной боли для особо ретивых.

— Рассказывай, — Саша поджала под себя ноги, — я здесь в первый раз и с удовольствием послушаю легенду про это место.

Вообще-то рассказывать страшные истории — это не то чтобы педагогично. Да и не то чтобы хорошо для неокрепших умов младших членов отряда — потому будут еще плохо спать и своей тени боятся. Но момент все-таки стоило поддержать. Когда еще эти мальчишки и девчонки соберутся у костра и когда еще заводила и задира Леша сможет побыть в центре внимания не благодаря очередной выходке? Он уже за столь малое время с начала смены успел и подраться, и тарелки в столовой побить, и с территории попытаться сбежать. А так хоть пусть в мирное русло свои таланты направит.

И к тому же... Саша ведь сюда приехала не только ради работы вожатой. Конечно, это байка, но все же... а вдруг?

— Хорошо. Но потом не жалуйтесь что было страшно.

— Не будем, — уверенно басит мощный Илья Комаров, совсем недавно ставший капитаном отряда. — Давай, не тяни.

Леша только улыбается. Его глаза чуть поблескивают в отблесках костра. Вылитый

инкуб перед трапезой... Вот только он самый обычный человек. Как и все остальные.

— Все это давно началось. Еще до того, как тут лагерь появился. Это теперь здесь санаторий, все эти КПП да пропуски на вход и выход, безопасность, — Леша поморщился, явно вспоминая свой побег, — а раньше здесь очень давно было вроде как сначала чье-то имение, какого-то богача, а потом его отобрали, и переделали в загородный интернат. Дети тут жили, в общем, те, что без родителей. Жили они круглый год, и зимой и летом. И никуда не уезжали, те что по старше становились нанимались работать в соседние колхозы и совхозы. Знакомились там с местными частенько, дружили. И повадился из одного совхоза, деревни, что неподалеку была, сюда в интернат мальчишка бегать. Подросток, худощавый, молчаливый. Скучно ему было, играть было не с кем у себя, дружить тоже, вот и ходил в гости к интернатовским. Ночью обычно, когда свою работу в своей деревне заканчивал. И при галстукке всегда был, чтобы в интернат пускали, местные-то все тоже ходили, гордились многие. Да и вообще интернатовским положено в них тогда было быть, пионеры же, это тогда важно было. И тот пацан тоже приходил с галстукком, был правда пионером или нет — никто и не знает. Общался он с местными, дружбу близкой не водил, правда, нелюдимым был и замкнутым. Просто крутился рядом, его многие знали, играли порой, но и только. И однажды в его родной деревне голод начался. Тогда ж это никак сейчас было, магазинов-то не было на каждом углу, да и денег не было почти. Нечего было есть. Парень тот помаялся, помаялся, и пошел просить еды в интернат. А здесь и для своих-то не хватало, а куда чужих кормить. Раз пришел. Два пришел. На третий старшие ребята собрались да вытолкали взащей, тумачков надавали и наказали больше не появляться. Он и не появился.

Леша взял паузу, пошевелив ветками в костре. Все молчали. Даже Комаров.

— Это, так сказать, присказка, — Леша продолжил, — начало истории. Мальчик тот больше не приходил в интернат. Неделю не было его, две, месяц... Даже имя его позабылось за всяческими заботами. Через три месяца все и забыли, что тут такой был. А ребята постарше, что работали, рассказывали что в каких-то из окрестных деревень и правда неурожай да крысы все запасы погрызли, но что и как — не знал никто особо. Тогда времена другие были, и даже взрослые о многом молчали или ввали, и детям-то подавно мало что известно было. В интернате не очень кормили, что правда, то правда, но местным не привыкать было. А до чужих бед им не было дела. И когда через полгода по осени опять начали говорить, что появился ночью на территории интерната мальчишка в пионерском галстукке, кто порадовался за него, кто разозлился, что опять пришел. Но удивительное дело — как не хотели его вечером ребята найти, так никак не могли. Но слухи ходили, что приходит ночью «пионер», вроде и видел его кто. А потом, — Леша опять замолчал, и понизив голос, продолжил рассказ тихо и вкрадчиво: — дети пропадать начали. То один исчезнет, то другой. И вот в чем странность — не просто исчезнет ребенок, но и забудут все про него. Был человек — и нету. Только друзья помнят, и то недолго. Так одна девочка запомнила, что видела свою подружку ночью с мальчишкой в пионерском галстукке. А утром проснулась — нет подруги. И не помнит никто о том, что она вообще была, ни воспитатели, ни остальные ребята. Ну она и рассказала друзьям, только ей никто и не поверил, пересказывали только как байку. А потом год прошел, другой — и она и сама пропала. И о ней такую же историю рассказывали. Из уст в уста передавали, что здесь Ночного пионера увидеть можно. Его и потом видели, после войны, когда не интернат уже был. И еще позже. И когда санаторий появился, он по-прежнему появлялся. Ходит по ночам по территории, в корпуса не заходит никогда. Молчит, а с кем заговорит — того к себе заберет, и скоро.

Навечно. И все о нем забудут, и искать не будут. Можете не верить — но до сих пор люди пропадают. И дети, и взрослые — и не докажешь ничего. Вот так вот.

Несколько минут тишина перемежалась только треском костра.

— Да ты гонишь, — пробасил Комаров, поняв, что продолжения не будет. — Не может так быть. Кто-то бы точно что-нибудь бы знал. Как кто-нибудь может без следа исчезнуть?

— В том-то и соль. Как искать, если даже не помнишь — кого? И никакие полицейские не помогут, — Лена Хасавьюртова казалось напуганной. — Леш, а ты сам видел этого... Ночного Пионера?

— Нет, конечно, — отмахнулся парень. — Я бы тогда тут не сидел. Пионер ведь приходит только к тем, кого с собой увести хочет. Потому в него не все и верят, а когда верить начинают — поздно уже.

— Грустная история, — София смотрит в костер. — Он ведь, выходит, умер, наверное. И теперь один, ищет кого-то. Может девочка у него тут была.

— Ага, скажи это тем кого он с собой забрал, — отмахивается Комаров. — Если верить всему этому. И вообще... Я вот не верю ни во что. И если надо будет, ночью ходить буду не оглядываясь на всяких «Ночных пионеров».

Нестройный хохот был ему ответом.

— Как хочешь, — Леша пожал плечами. — Я предупредил.

— А ты кого-нибудь знаешь, кого он с собой увел? — Лена не унималась.

— Может и знаю, — Леша повел плечами. — Только не помню. Иногда смотрю на несколько дисков дома и не знаю, откуда они у меня. Или на ветровку на пару размеров больше, чем у меня. Но с этим ведь в полицию не пойдешь.

— Не пойдешь, — София тяжело вздохнула. — И все равно... жалко. Пионер этот ведь тоже человек. Ну или был им.

У Саши завибрировал телефон. Старшая вожатая.

Сообщение было лаконичным: «7 отряд, опаздываете на сонник!»

Она выругалась про себя.

— Что ж, хорошего понемножку. Я уверена, что вам всем здесь ничего не грозит. Особенно если мы сейчас подкрепимся сонником и отправимся спать, и после отбоя никуда не выйдем из корпуса. Вперёд, Илья, веди отряд на сонник, я подойду как костер затушу.

— Хорошо, — Комаров поднялся. — За мной.

Саша улыбнулась про себя, наблюдая, как новоиспеченный командир организывает притихших ребят. Он явно не казался напуганным. Стоило всем разойтись, пока Саша ворошила угли, как Леша принес ведро с водой, без всяких просьб.

— Хорошо рассказываешь. Талантливо, — улыбнулась она. — Не хочешь потом актером стать?

— Спасибо. Не знаю пока.

— Признавайся, — Саша затушила костер и направилась к выходу из лесочка, — про куртку ты для нагнетания добавил?

Леша только головой покачал

— Историю я от старших ребят еще в первый заезд слышал. И я ни в чем не соврал. Ни одним словом. И куртка, и диски и правда есть.

— Ладно, идем на сонник, пока есть что есть, — чуть более легкомысленно, чем надо, отозвалась Саша.

Непохоже, что парень врал. Он действительно был уверен во всем, о чем рассказал. И

про куртку в том числе. Может быть это ровно тем следом, что не нашли ордены раньше?

С одной стороны — тут ведь профессионалы работали. А с другой — и как бы они эту историю узнали? Расспрашивали бы детей о местных страшилках? Может и не стали. Не захотели, или не сумели подход найти.

Да и одна история, рассказанная детьми у костра — слишком мало для отчета и начала полномасштабного расследования. Но достаточно для того, чтобы поверить в его необходимость.

Саша даже не удивилась, обнаружив Васю в беседке. Почему-то она знала, что найдет его тут. Уже третью ночь она приходила сюда побыть перед сном почти в одиночестве, а парень... За чем-то еще. Хотя его присутствие, на удивление, не раздражало. Вася умел быть незаметным, да и, откровенно говоря, почему-то она хотела ему помочь.

— Тебе спать не пора? — она устало вытянула ноги, сжимая руками кружку с чаем. Несмотря на длинный суматошный день, спать не хотелось. Не говоря уже о том, что Катя опять собиралась до ночи миловаться с Колей.

Не то чтобы ее это раздражало... Но черт побери, хотелось растянуться на кровати и не думать о постоянно находящемся в комнате парне и о том, не торчит ли ничего лишнего из шкафа или о том, как незаметно достать сменные трусы из прикроватной тумбочки. В конечном счете — нашли, блин, место. И что, что у него еще три соседа? Она так-то тоже в комнате живет...

И вроде как и не выскажешь ничего. Ясно, что так им проще со всем справиться. Нагрузка все-таки немалая. И что она и потерпит, все-таки не чужие люди.

Вася пожимает плечами.

— А вам?

— Отвечать вопросом на вопрос невежливо, между прочим, — строгости в Сашинем голосе нет ничуть. — Будешь кефир? Свежий.

— Давайте.

— И вафлю держи, — Саша положила рядом с собой сонник, который Вася пожирал глазами. — Вкусные. Тебя мать не кормит что ли? Кожа да кости.

— Кормит, — Вася пожимает плечами и принимается за еду. — Просто конституция такая.

— Был бы девушкой — сказала бы, что повезло. Впрочем, и парную есть и не толстеть — приятный бонус, что уж.

Василий только хмыкнул.

— Да ладно тебе. Ты часто сюда приходишь? — ей и правда было любопытно.

— Иногда. Когда день сложный — мне эта беседка нравится.

— Понимаю. И мне.

— Тоже сложный день?

— Ага, — на педсовете очередная выволочка была еще глобальнее предыдущей. Кажется, Саша принципиально все делала не так. По мнению старшей вожатой. В особенности не так танцевала и разговаривала с начальством, — но я переживу. А ты, если хочешь — рассказывай.

— Это нечестно.

— Что именно?

— Ты предлагаешь мне рассказать. А сама не хочешь.

Саша чуть улыбается, видя насуспенный лоб мальчишки.

— Предполагается, что взрослые могут пережить сами свои трудности и при том помогать детям. Кстати — врут, — Саша устала и откровенничала больше, чем хотела. — Но я и правда могу пережить все. Просто рабочие трудности и сложный день. Завтра я проснусь с новыми силами буду все разрешать. И послезавтра. И до тех пор, пока будет нужно.

— И как ты это делаешь?

— Что?

Вася определённо ставил ее в тупик своими вопросами как никто другой.

— Верить в то, что завтра проснешься с новыми силами, — поясняет парень. —

Прости, что лезу не в свое дело, мне любопытно. Знаешь... Ну, у матери такого не спросишь.

— А. Пустое, если я не захочу отвечать — то не отвечу. Ну нужно просто во что-то верить. Я в это верю, а иначе грустно становится.

— И тебе никто не помогает?

Саша чуть пожимает плечами.

— Воспоминания иногда помогают, если о чем-то хорошем помнить. А так — только я сама себе помочь могу. Ну или кого-то попросить, но это не значит, что кто-то другой мне помогать должен. В этом и смысл быть взрослым. Но в этом есть и удовольствие, на самом деле.

— Удовольствие?

— Ага. Ты сам все можешь. Сам. Не нужно ни от кого зависеть. Можешь делать что хочешь — если последствия устраивают.

Вася молчит, допивая кефир.

— Так ты не расскажешь, что такого привело тебя сюда?

Парень чуть пожимает плечами.

— Знаешь, иногда ты на кого-то надеешься, а это не оправдывается. И это...

— Ранит.

— Хорошее слово, — Саша чуть улыбается.

Не по годам смысленный парень был ей симпатичен. Она много общалась с подростками, и многие из них были куда лучше, чем взрослые. Чище и искреннее. Что-то было в нем такого... Как будто он сам был не от мира сего.

Из окна корпуса послышались хихиканья. Саша обреченно подняла голову. Так и есть, комната ее девочек.

— Знаешь, я бы сказала, что все будет хорошо и ты со всеми поладишь — если бы ты был в моем отряде.

Вася фыркает.

— Но я не там.

— Ага. Поэтому скажу: хорошо, когда можно на кого-то надеется и кого-то о чем-то попросить. Но и когда на просьбу не отвечают — это тоже часть жизни. Ты со всем справишься. Рано или поздно, так или иначе.

— Спасибо за честность.

— Да не за что.

Хихиканье девочек повторилось.

— Мне пора идти. Боюсь, мой рабочий день еще не закончился.

— Хотел бы я быть в твоём отряде, — негромко говорит Вася. — Доброй ночи.

— Доброй, — Саша поднимается с лавки и отправляется успокаивать девочек.

И что им нейдет?

— Дамы и господа, — ноль реакции. Ладно. — Хорошо. Кто меня слышит — хлопните раз.

Раздается всего пара хлопков, но этого достаточно, чтобы отвлечь остальных от разговоров.

— Хорошо. Кто меня слышит — хлопните два раза.

Теперь хлопки куда четче и куда более слаженные.

— Отлично. Итак, дамы и господа, — Саша обвела глазами отряд. Все пятнадцать человек уставились на нее. — Мы с вами собрались здесь и потому, что до выхода на речку есть полчаса времени, и потому, что с завтрашнего дня начинается образовательная программа нашей смены. Вы читали объявления?

— О курсах? — пробасил Илья.

— О них самых, — Саша кивает. — Я надеюсь, что вы ознакомились с тем, что вывесили для вас в холле корпуса. Если нет, то после того, как мы вернемся с купания, прочтите обязательно. Там вывешен список образовательных курсов. Образовательных — не значит скучных. Занятия будут проходить всю следующую неделю после сончаса, по часу в день, до купания. Курсы самые разные, от чеканки мяча до готовки или стихосложения. Словом, ничего общего со школьной программой, зато то, что наверняка пригодиться.

— А если я ни на что идти не хочу? — Леша, как всегда, взъерошил волосы, и теперь смотрел вызывающе — я все видел и уже во всем поучаствовал.

— Едва ли во всем.

— Да я тут уже шестой раз. Все одно и то же, только учителя разные. Ну или то, что мне не пригодится. Ну не хочу я фенечки плести, вот совсем.

— Образовательные курсы обязательны, — Саша покачала головой. По отряду пронесся тяжелый стон. — Это возможность для вас научиться чему-то новому.

— Но я все знаю. Чему меня тут научат?

— Прямо все? — Саша продолжала подначивать парня.

— Сто процентов. Хотите — мы с вами подойдем к этому стенду сейчас, вы любой курс выберете, а я скажу, чему там учат? Или сам был, или друзья рассказывали.

Саша склонила голову, размышляя. Старожилы — всегда сложно. Но не гнать же парня просто так туда, где ему скучно будет? Есть у нее пара идей. Эксперимент? Эта Марина Владимировна точно ничего не одобрит. Правила и все такое. Но шанс-то реальный дать ребятам сделать что-то свое. Новое. Попробовать себя в новой деятельности. Где еще, если не здесь?

— Я думаю, мы это можем решить, — Саша обвела глазами отряд, — но без прогулов. Есть идея.

Совсем детьми ее подопечных на этой смене нельзя было назвать. Разве что тихого, застенчивого Женю, который приехал позже других и так ни с кем и не общался пока. Только он был щуплым и на вид выглядел лет на двенадцать. Остальным было уже по четырнадцать, а Леше-буяну — все шестнадцать. Ну какие дети? Взрослые. Только опыта жизни пока маловато.

Даже в одиннадцать можно уже и ребенком-то не быть. Почему-то Вася вспомнился с его не по годам взрослыми рассуждениями...

— Если вы все знаете и не хотите учиться ничему из того, что вам предлагают, то значит будете учить сами. Это будет вашим заданием. Если нет желания ничего брать, то тогда задумайтесь о том, что бы что-то отдавать.

Саша несколько секунд колебалась. Конечно, она превышает свои полномочия. Но, с другой стороны — они правда взрослые. Даже шестой отряд был куда моложе, им было по тринадцать. Конечно, ее ребятам в смешанных группах будет тяжело и скучно.

— После купания на речке вы пойдете в холл и посмотрите список курсов. Прочитаете все, что там написано. И если, я подчеркиваю, если вы решите что вам ничего не интересно, вот совсем, тогда я жду от вас собственный курс. Или занятие. Я согласую все, и тогда вы или будете обучать остальных наравне со взрослыми преподавателями из вожатых, или мы будем работать внутри нашего отряда, обучая друг друга.

Оставалось только порадоваться, что ее саму не привлекли к преподаванию образовательной программы. В итоге на остальных отрядах по одному напарнику просто в обязательку должны были выбрать из списка курсов тот, что могут провести, представить программу и, собственно, по этой программе и провести цикл занятий. Ее сия чаша минула — из-за того, что она была одна.

Интересно, выходных ей тоже не положено? Или будет подмена? Про это пока не заикались даже на планерке. И так вечно кто-то косячил. То дети без присмотра остались и все разносят, то на репетицию опоздали, то кто-то, даже не Леша, подрался, и все это на планерке прям со вкусом обсуждалось. И осуждалось.

— Вы это серьезно? — Лена подняла голову, встречаясь с ней взглядом, — нам нужно будет самим проводить занятия, что-то... что-то рассказывать?

— Рассказывать. Или показывать, — Саша пожимает плечами. — Вам в любом случае в жизни рано или поздно придется это делать. Не в школе, так в университете и уж точно хотя бы несколько раз на работе и много раз тогда, когда сами станете родителями. Да и к тому же на этой смене, вполне возможно, будет день самоуправления, и там вы сможете еще раз чем-то поделиться с другими и сами получить реальную. Да и если кто-то из вас хочет быть учителем, актером, политиком или вообще с людьми хочет работать, то попробовать себя здесь, в лагере, со своими сверстниками — то это отличный шанс. Даже если у вас не получится так, как вы задумаете, то все равно это будет отличным опытом. Ладно, думайте пока над этим предложением, а пока — идем на речку.

Сборы и обсуждения занимают немало времени, и в итоге к реке они спускаются последними.

Саша ловит на себе взгляд Константина Михайловича, дородного физрука, следящего за купанием.

— Вы опоздали. Двадцать отжиманий. Всем, — выносит приговор ответственный за купание.

По отряду прокатываются разочарованные вздохи. Но что делать — отжимания были любимым занятием Константина Михайловича. За любую провинность, от опоздания на купание до случайной порчи волейбольного мяча, он назначал их десятками с видимым удовольствием.

Иногда Саше казалось, что из физрука вышел бы прекрасный инкуб. Кажется, Константин Михайлович просто упивался недовольством ребят и тем, как девочки и мальчики выполняют упражнения. Особенно девочки, она это прекрасно ощущала в Отражении. Но, увы — он был человеком. А жаль. Физрук не делал ничего, за что Саше

могла бы приструнить, а за взгляды и мысли никаких мер ни к кому применять не будут, да и не докажешь ничего. Хотя находится рядом с ним было физически неприятно. И сколько таких физруков еще?

— Все, молодцы, — Саша хорошо ощущала разочарование мужчины окончанием наказания. Но только в Отражении, так он хорошо скрывал эмоции. — А теперь переодевайтесь, и в воду, время ваше как раз.

Переодеваются они быстро, Леша отбирает у кого-то из выходящих ребят младших отрядов мяч, и в итоге в воду заходят все, кроме пары девочек. Правда, играют в вышибалу одни парни да Лена, и все. Девочки что-то обсуждают в своем кругу, а Женя и вовсе в одиночестве бродит у берега в поисках раков и мидий. Вода пока теплая, и Саша, дурачась, пару раз даже плескается с ребятами, пытаюсь забрызгать всех, до кого может дотянуться.

Пока тепло. Пока солнце.

Даже времени в воде на первых порах не хватает, чтобы накупаться вдоволь. Как всегда в начале смены. Когда резкий свисток физрука заставляет их отряд выйти, мало кто доволен этим. Пусть и не море, но все же речка здесь широкая, дно в огороженном месте расчищено, да и новизна ощущений не исчерпала себя.

На берегу Сашин отряд разбивается на небольшие группы. Вполне понятно и вполне знакомо. Девочки о чем-то щебечут под навесом. Несколько парней просто загорают, Илья и его друзья громко спорят о какой-то онлайн-игре, Леша старательно обкладывает широкими, плоскими и теплыми камнями совершенно не сопротивляющуюся и вполне довольную этим Софию. Словом, все при деле. Кроме сидящего в одиночестве Жени.

Саша так и не успела с ним пообщаться. Он приехал позже всех и держался особняком от других ребят, да и те его не очень замечали, на самом деле. С его тезкой, Евгением Вавиловым, одним из друзей Ильи, не было никаких сложностей. А вот этот новый Женя казался вещью в себе.

Надо будет попробовать хоть немного его разговорить.

— Ты чего в стороне от всех? — Саша садится рядом с мерно строящим какую-то башню парнем, — все нормально?

— Ага, — Женя кивает, — просто мне с собой интереснее, чем с ними.

— А ты хоть пробовал общаться-то? — Саша не могла вспомнить момента, когда видела Женю просто разговаривающим с кем-то. Хоть раз. — Ты ведь их, кажется, не слишком знаешь, и не очень хочешь контактировать.

— У них — коллектив, — по слогам произнёс Женя с явной иронией. — А я там лишний. Вот и все. Им и без меня хорошо.

— Я могу понять, — Саша, несмотря на нынешнюю работу, была не самым общительным человеком, — но может хоть дашь им шанс?

— Да зачем? Девочки обсуждают помады, прически, макияжи и то, как на них посмотрел Илья, Алексей или Рома из шестого. Парни хвастаются бицепсами и меряются достижениями — в играх, спорте или кто во что горазд. Или ищут девчонок и на них смотрят. А я не в макияже ни смыслю, ни в контру не играю, ни в футбол, да и распускать перья ради мимолетной улыбки и томных вздохов не хочу. Все нормально, — Женя пожал плечами. — Мне и себя достаточно.

— Тебе с собой проще, и это нормально, — замечает Саша. — Но нам всем нужно с кем-то общаться, с кем-то делиться своими мыслями. Не о футболе или о контре, так о чем-то другом. Что ты любишь? Книжки? Фильмы? Что-то еще?

— Звезды, — сказано это было серьезно и мечтательно разом.

— Астрономию?

— Звезды. И те, о которых в книгах пишут, и о которых мечтают, и те, что в телескоп увидеть можно. Это мало кому интересно.

— Но ты мог бы рассказать остальным. Попробовать. Да и — почему не интересно? Вон фильмов немало популярных. Звездные войны те же.

— Там воют не звезды, а люди. Да и к тому же — пустое это кино. А вот «Солярис» или «Страну багровых туч» вряд ли кто-то читал и кто-то обсудить готов.

— Ты ведь ни у кого не спрашивал — может и готовы.

Женя только пожимает плечами.

— Александра Николаевна! Александра Николаевна!

Саше потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Илья звал ее. При том что она сидела буквально в десятке метров.

— Что такое? — она поднялась и подошла к уже выстроившемуся в ожидании чего-то отряду.

— Так мы купаться идем? Вон наша очередь, — Илья показал на физрука, явно раздраженного нерасторопностью ее ребят. — А вы пропали куда-то.

— Так я рядом была, — с удивлением ответила Саша. — Ладно, идем воду.

— Ура!

Ребята за ее короткий разговор с Женей кажется, уже успели изрядно поджариться на солнце, и в воду бухнулись с энтузиазмом.

Женя ходил по берегу в одиночестве.

Звезды... Впрочем, если ему в таком возрасте нравится «Солярис», так что нечему удивляться.

Саше, кстати, эта книга тоже нравилась в этом же возрасте. И также не нравился пустой треп со сверстниками. И — выросла же. Но все-таки... Надо присматривать за парнем. Он умен, возможно, получится ему занятие по душе найти. Жаль, что сопровождающая предпочитает только на занятия для подготовке к фестивальному выступлению, и ничего у нее толком не узнать про Женю и его интересы, как и про остальных. Все равно, что-нибудь можно будет придумать. Показать парню, что и в общении, в дружбе есть свои плюсы и свои приятные стороны.

А если нет... Что ж. Она выросла, и не самым вроде плохим человеком. И Женя вырастет. Пусть и в одиночестве.

— И что мы имеем? — протянул развалившийся на кровати Кати Коля — Ничего. Херня вся эта история, из-за которой нас сюда сбагрили.

— Ну почему это — Саша грызла сухарики, растянувшись на собственной постели прямо в одежде и кроссовках.

Тот час, пока детки готовились к конкурсным выступлениям фестивальной программы, что должны были начаться уже завтра, был для вожатых поистине счастливым. После окончания организационного периода смены было дружно решено, что в это время за детьми смотрят сопровождающие, они же — педагоги их творческих коллективов, а вожатые отдыхают.

Для их тройки это было единственное время, когда можно было посоветоваться о «миссии» без вечерней усталости и с более-менее ясной головой. Правда, толку от этих собраний было немного. Расследование застопорилось, едва начавшись.

— Да потому, — Коля потягивал любимый яблочный сок, — что пусто тут. Ни Затронутых, ни проклятых мест, ничего. Совсем ничего — мы все втроем, по-моему, осмотрели вообще все уголки и корпуса.

— Ну легенды-то на пустом месте не берутся.

— Пф, — Коля отмахнулся, — это детские сказки. Придумали, что б страшнее было. Вон раньше — Черная Рука, Гроб на Колесиках, сейчас Слейдермены эти все. А тут этот самый Ночной пионер. Да, мне тоже про него пацан, который тут во второй раз, рассказывал. Кто-то придумал когда-то, и теперь все повторяют и повторяют. Да и к тому же — идеальная история же, как хочешь, а не подкопаешься и не поспоришь. Пропавших почему нет? Потому, что все о них забыли, так что кто пропал, тот пропал. И этот старик, что заметку наката, наверняка легенду услышал да и решил присочинить. Или и правда поверил. Я ж говорю — больной.

— И как-то все подозрительно похоже — дети рассказывают страшилку о мальчике, который забирает с собой кого-то, о ком забывают, и репортер пишет о случаях исчезновения здесь, и потом в его доме находят кучу старых вещей непонятно откуда.

— Изнанка чиста, Саша. Чиста. Ты сама это видишь. Да, тут куча детских эмоций и страхов, но и только. Мистификация. Или семья маньяков может быть, но это точно не наш профиль.

— Или Тульпа, — задумчиво говорит Катя, приобнимаемая парня.

— Что? — Коля, явно не ожидавший, что его девушка его не поддержит, оборачивается с каким-то детским удивлением.

— Тульпа. Дети верят в Пионера — Пионер приходит. Они же дети, они ближе к Грани желаниями и чувствами.

— Насколько я помню, чтобы тульпу создать нужно сознательное усилие мага. Мага, Катя.

— Но мы не знаем, не было ли тут магов раньше, — Катя по-прежнему рассматривала кровать над собой. — Детей могли Становить и маленькими. Или кто-то из взрослых постарался, кто тут не работает. Да и к тому же ведь считается, что дети и правда могут материализовать свои желания. Кто-то из подростков-волшебников приехал, впечатлялся историей про Пионера, что-то вообразил, поверил в нее всем сердцем — и вот основа. А

остальные уже подкрепили тульпу силами.

— Да ну. И почему мы ее не видели тогда?

— Потому что не верим и не боимся — Катя пожимает плечами — Пионер ведь приходит и с собой забирает. Его боятся и от него убегают. А мы здесь его найти поскорее хотим, так что эмоционального резонанса точно не будет. Если я права — то тульпа слаба, так что мы ее и не увидим.

— Тогда какая разница? Слабая-то она безвредна. Ерунда это все.

— А может и нет, — Саша перебирала в голове все, что помнила об этом явлении. — Для тех, кто поверит, тульпа опасна.

— А может и нет, — передразнивает Коля.

— Есть один способ проверить — Катя резко села на кровати, выпутываясь из объятий к неудовольствию Коли, — нам нужно зайти с другой стороны. Надо понять, действительно ли кто-то исчез, или нет.

— И как мы это сделаем?

— Да просто, — Катя обворожительно улыбнулась. — Я тут посплетничала с Ниной Васильевной, медсестрой, когда ребетенка водила к ней. Она поговорить не дура. Ну я и сказала, что отец мой тут мог отдохнуть, а у меня ни карточек его, ни документов, только фотография старая, и что мол как жаль, что точно нельзя ничего узнать. Ну она и проговорила, что вообще-то все документы в административном корпусе хранятся, вот только несколько лет как в архиве пожар был от проводки неисправной, и не осталось ничего. А вот старые медицинские карты по-прежнему хранятся в медкорпусе. Может видели помещение с ними — за дверью с решеткой на первом этаже. И там не горело ничего.

— И? — Коля повернулся к Кате, — как мы что-нибудь пойдем?

— Они там будут, в отличие от тех, что выдали на руки. Или, если на руки ничего не выдавали, то в картах пропавших не будет выездного осмотра, — задумчиво проговорила Саша. — А это мысль.

— Какого осмотра?

— Выездного. Я не знаю, как тут принято сейчас и как раньше было, но по идее карту должны или уезжающему на руки отдать, или записать по крайней мере данные его на отъезде, чтобы если не дай бог что случиться в поезде, там отравится, например, или температура поднимется, то сказать можно было что, мол, когда уезжал — все в порядке было. Даже с температурой повышенной могут не выпустить сейчас, кстати. Так что если кто-то приезжал в лагерь и не уезжал — значит их медкарты должны быть без выездного осмотра. Или быть вообще, тогда как остальные карты со смены на руки раздали. Это все-таки документы, не думаю что кто-то их выкинул специально. Если о них просто забыли, значит стоят где-то еще там в дальнем углу. Вот только — как мы туда попадем?

Коля пожал плечами.

— Мы — маги. Придумаем что-нибудь.

— Маги без магии, — Саша ткнула себя в висящий на груди амулет. — Мне кажется, что писать в объяснительной «нарушила Закон чтобы расплавить замок ради проникновения в медицинский архив» будет не лучшей идеей. Мы сами в наш архив на годы засядем.

— Расслабься, — Катя подняла вверх руку с зажатыми в ней ключами, на кольце которых висело несколько длинных тонких предметов, явно ключами не являвшихся. — Замок — не проблема.

— Серьезно?

— Разумеется. Наставница научила, сказала что пригодиться. А я была и не против.

— Опасная женщина — пробормотал Коля.

— Ага, — Катя его прекрасно слышала, — когда идем?

— А что тянуть? — Саша глянула в окно на сероватый продолговатый силуэт медицинского корпуса — сегодня и пойдем после планерки.

— Может завтра? — протянул Коля. — Мне с Марианной еще дело готовить ночью.

— А мне готовить свое дело завтрашней ночью, — Катя морщится. — Не будет идеального дня. Быстрее сходим — быстрее узнаем, может и не придется мучиться остальную смену.

— Ладно, — проворчал Коля — договорюсь тогда с напарницей. Попробую по крайней мере.

— Договаривайся. Встречаемся после планерки?

— Ага. Подождем как все улягутся — и пойдем.

Зазвонил будильник, оповещающий о приближении конца передышки.

— За работу, товарищи, — Саша поднялась на ноги. — Творить великие дела и учить детей разумному, светлому и вечному не жалея сил.

Ответом ей был синхронный вздох.

День был длинным. И продолжался и продолжался. Даже после отбоя работа не оставляла Сашу. Теперь до похода в архив предстояло пережить еще и планерку.

— Итак, как вы понимаете, у нас началась образовательная программа.

Саша отбивала пальцами ритм под столом, как и всегда на вечерних планерках. Марина Владимировна умела говорить как-то так, что хотелось спать. Просто спать, уткнуться лицом в стол и спать. Наверное, ей когда-нибудь предлагали стать суккубой. Или вампиром. Энергетическим, пусть в реальности таких и не бывает.

Саша терпеть не могла планерки. Главным образом потому, что в них не было толка, никакого. Все отлично, дети в порядке, понравилось то и это — и так по кругу. И потом длинное разглагольствование самой старшей вожатой о том, что кто не так что сделал и как надо делать. Потом план на завтра — для тех, кто, видимо, не умел читать. И опять куча «надо». Не то чтобы Саша имела что-то против дисциплины, она была необходима. Но, на деле, если бы они просто разбирали план на день и уходили спать, то было потрачено меньше нервов и осталось бы больше времени для сна. Марина Владимировна обожала рассказывать, что они — педотряд, а не просто согнанные сюда для работы от безысходности юноши и девушки, радующиеся, как Саша надеялась, детям, и устающие от всего остального.

Педотряд. Ну-ну. Она не помнила, как звали половину студентов-коллег — особо не представилось случая спросить, а никаких дел они, кроме тех несчастных танцев, тяжело рождавшейся визитки и вот этих вот планерок вместе и не делали.

— Таким образом, как вы понимаете, необходимо обеспечивать полное присутствие всех ваших детей на занятиях. Сегодня я, обходя творческие мастерские, насчитала из седьмого отряда только пятерых. Где были остальные, Неродная?

— Курс взросления проходят, Марина Владимировна.

— Что?

— На самообучении, — Саша так и чувствовала, что этот вопрос всплывет.

После того, как только пять ее ребят решило пойти на общие курсы, остальные, посоветовавшись, предоставили ей планы занятий, которые собирались проводить столько же

раз, сколько и основные курсы. Пять разных занятий, все от ребят из ее отряда для своих же товарищей. Сестры Коваленко собирались рассказать о простых правилах выбора одежды, Илья с Олегом, чей отец работал в агентстве подбора персонала, решили провести небольшую игровую встречу, посвященную резюме и типичным ошибкам на собеседовании, Лена с подругой Варей намеревались рассказать о типах темперамента и провести пару простеньких тестов на его определения, Леонид с Соней планировали поделиться несколькими лайфхаками при обучении английскому, а Леша в гордом одиночестве нацелился на мастер-класс по распознаванию лжи.

Весь тихий час ребята потратили на примерные планы занятий, и, определенно, Саша не намеривалась им это запрещать. К тому же прошедшая лекция-беседа насчет одежды и стиля в целом ей понравилась, пусть явно была заметна неопытность ведущих. Но с другой стороны — а где им еще себя пробовать, кроме как не здесь и не сейчас?

— Я запретила эту вашу самодеятельность.

— Мы действуем в рамках устремления к целям смены — Саша уже наперед заготовила аргументы.

Не уволит ведь она ее в самом деле. Вчера после планерки она пришла со всеми планами занятий и своими пояснениями, но старшая вожатая и слушать ничего не захотела, сказав только что делать все надо так же, как и все, и не считать себя лучше других.

Саша и не считала. Но ребята хотели, и отказывать им она не видела смысла. Она вообще была удивлена, что подростки решились на такое — обычно стоит только предложить что-то сами сделать, как сразу тонна отказов. А тут поразительно — дети хотят, а взрослые им не дают.

— Это каких же?

— Раскрытие не только творческого, но и личностного потенциала каждого участника смены. Где еще ребята смогут попробовать?

— Неродова, как ты считаешь, что случится, если все наши сто тридцать пять ребят решат, что им, как и десятке самых умных из седьмого отряда, можно самим придумывать себе образовательные занятия?

— Они получают опыт придумывания образовательных занятий? — некоторую издевку в голосе скрыть не удалось.

По-своему, конечно, переделенная правда в словах Марины Владимировны бала.

— Неродова, ты понимаешь, что дисциплина — залог порядка, при котором дети будут развиваться морально и физически? Дисциплина. Подчинение единым правилам.

— Но повторяя одно и то же — развития не будет. Ребята обосновали свое нежелание учиться тому, чему им предлагают, и согласились не только заниматься у сверстников, но и самим примерить на себя роль лекторов. Все необходимое для этого есть, я нахожусь с ними. В чем трудность?

— В том, что вам это было запрещено.

— И почему? Я была на занятии, и всех приглашаю. Ребята стараются, все достойно. Если понадобится — мы представим результаты с остальными группами или проведем повторные открытые уроки для всех желающих. Детям — развитие, ведущим остальных курсов — снижение нагрузки благодаря уменьшению количества слушателей. И все в плюсе.

Несколько секунд взбешенная старшая вожатая смотрела Саше в глаза. Она, однако, отступить не собиралась, несмотря ни на что. Забавно, что большинство вожатых наблюдало за их перепалкой, не вмешиваясь.

— Предоставите результаты вместе со всеми, — наконец сдалась Марина Владимировна. — И коль седьмой отряд столь самостоятелен, что сам решает, чему учиться, то я рассчитываю, что на Дне Самоуправления они покажут свои знания и остальным детям, а также возьмут на себя нелегкую роль управления своими сверстниками, и будут своим стремлением к потаканию амбициям подавать конструктивный, а не деструктивный, пример всем остальным.

— Все будет сделано в лучшем виде, — Саша улыбается, чувствуя внутреннюю усталость. Еще и день Самоуправления теперь на ней

— Было бы жестко по отношению к детям, которым уже разрешили реализовать себя, отменять все, несмотря на неправильность данного разрешения. Но это не значит что кто-то еще впредь по своему разумению сможет изменить программу смены для себя или прикрываясь нуждами детей. А Неродова остается без премии за нарушение план-сетки смены.

Саша фыркает про себя. Как будто там эта премия большая была.

— Увы, лишать детей вожатого в этот период смены — не лучшая идея, — Марина Владимировна говорит это с явным значением, сверля Сашу взглядом. — Но это — первый и последний разговор на данную тему. Итак, перейдем к завтрашнему плану на день. Как вы понимаете...

Саша фыркает про себя еще раз, чувствуя скользящие по ней взгляды остальных собравшихся. Злые, восхищенные, заинтересованные, раздраженные... Самые разные. Пускай смотрят. Может поймут что. Она углубляется в свои записи, вполуха слушая старшую вожатую. Понимает она только то, что после этого нудного собрания они, вполне возможно, смогут наконец найти в архиве хоть что-нибудь стоящее о пропажах здесь. Хоть какое-то разнообразие.

Это и есть ее настоящая работа. А эта Марина Владимировна пусть ее вообще без зарплаты оставляет — все равно. Пока Саша может дать детям шанс на что-то полезное и интересное — она его даст, и никакие выволочки от начальства не остановят.

Проникнуть в архив оказалось не сильно сложно. Было бы еще проще, если у Кати не потели руки и отмычки один раз с грохотом не упали бы вниз. Но Коля, стоявший у входа и по общей договоренности взявший на себя обязанность изображать недужного, если кто войдет, и отводить медсестер подальше от архива, только покачал головой, вглядываясь в Изнанку.

Тихо. Дежурный врач, судя по всему, дремала в своем кабинете в самом дальнем конце коридора, а здесь даже освещение работало плохо. Впрочем, и неудивительно — никому не нужна была подсветка места, в который никто и не забредал.

Сложнее всего было дойти сюда, не попадаясь никому на глаза, и зайти в корпус так, чтобы никто их не видел. А дальше — дело техники. Помещение с рядами стеллажей и длинных коробок внушало уважение слоями пыли и монументальностью кип бумаги, висевших со всех сторон.

Саша вошла первая, подсвечивая себе путь фонариком с телефона.

— Что мы ищем? — Катя заглянула через плечо, рассматривая вынуженное из дальней коробки досье на некоего Василия Вайторовского. — Бесхозные документы?

— Ага. Надо только найти детские карточки.

— Вот они, — Катя обратила внимание на стоящие у глаз коробки. — Первая смена, тысяча девятисот девяносто девятый год.

— Так, вот глянь, здесь выездные данные, — Саша ткнула пальцем на последний листок осмотра, прикрепленный к папке степлером. — Нам повезло, на руки не выдавали. Значит ищем те, что без такого листка.

Через час копания в пыли Саша, в очередной раз сдерживая богатырский чих, помахала карточкой.

— Этот подходит.

— И у меня есть, — Катя кивнула.

— Это еще ничего не доказывает, — негромко говорит Коля от двери, продолжая поглядывать за движением в здании.

— Увы, — Саша не может согласиться. — Но уже что-то. Ладно, ищем дальше.

Через полчаса копания в пыли и пожелтевших от времени страницах она сама разрывает тишину, до того наполненную только шуршанием страниц.

— Вы тут без меня закончите?

— Ага, — пробормотала Катя, просматривая очередную кипу документов. — А что?

— У меня есть одна идея, у кого спросить можно про исчезновения, — шепотом говорит Саша. — Я до того только при старшей вожатой упоминала, и она явно ничего не знает. Вызверилась на меня.

— Медсестры тоже, — подхватывает Катя, и поясняет: — я успела посплетничать почти со всеми.

— Физрук тут первый год работает, — Коля, по-прежнему рассматривающий Отражения в поисках угрозы, рассеяно покачал головой, — как и дворники.

— У меня в общем есть идея, и я хочу ее проверить.

— Сейчас?

— Ага, — по идее Вася не должен был никуда уйти еще из беседки, — сейчас, потом

может поздно будет. К тому же следующий чих из-за пыли я могу не успеть сдержать.

— Ладно. Встретимся тогда у нас в комнате, как закончишь. Вроде немного осталось, если что потом еще раз придем.

— Хорошо, — Саша протиснулась мимо полок, уворачиваясь от торчащих пыльных коробок, и направилась к выходу.

На самом деле идея к ней пришла буквально минуту назад. Простая идея, которая почему-то до того на горизонте не появлялась. Еще в самом начале смены они втроем постарались максимально аккуратно расспросить местных работников о подоплеках детской легенды. Действовать приходилось осторожно, не до всех можно было дотянуться, да и, чего греха таить — сама Саша в этом почти не участвовала. Времени не было, сил — работать без напарника было непросто, да и откровенно говоря, она была не лучшим человеком для таких расспросов. По крайней мере, если они не хотели пока привлекать внимание к расследованию.

Но один информатор, с которым точно можно было поговорить, у нее был. И как она сразу об этом не подумала?

Вася сидел в беседке. Саша порадовалась, что захватила с собой печенье с сонника — насколько она могла судить, парень был постоянно голодным.

— Привет. Я думал — ты не придешь.

— Были дела. Печенье будешь?

— Давай. А что за дела?

— Секрет взрослый, — Саша на секунду улыбнулась. Потом отмахнулась. — Работа, что б ее. Работа.

— Слушай, — Вася тут же зашелестел оберткой, — я спросить хотел.

— Спрашивай.

— Ну это личное.

Саша кинула острый взгляд на парня. Еще подростковых влюбленностей ей не хватало.

— Валяй.

— Я тут давно. Много вожатых видел. И хотел вопрос задать, да никак — вот зачем это все?

— Что — все? — вопрос поставил Сашу в тупик.

— Ну ты вот зачем этим занимаешься? Платят вам мало. Как я не вижу тебя — усталая, как собака. Дети потом уедут и забудут, а тебе все равно другую работу искать, не всю же жизнь так. Вот зачем?

Потому что иначе меня лишат магических сил неизвестно насколько за глупости...

Хотя... Работала-то она раньше. И ушла не потому, что выгнали, а потому что во всем разочаровалась. Ни во всем даже — в системе. Устала. В детях она не разочаровывалась, это было попросту невозможно.

— Потому что могу.

— Что можешь?

— Смею надеяться — могу помочь ребятам из отряда прожить смену с пользой для себя. Или хотя бы без большого вреда. Передать то, что для меня важно — и об это «важно» изменятся те, кто окажутся рядом. И пойдут своей дорогой, — Саша чуть пожимает плечами. — Нам всем хочется быть нужными. Я не исключение.

— Нужными — эхом откликается Вася. С грустью.

— Увы, мы не всегда можем дать то, кому-то то, в чем он нуждается. Мир

несовершенен. Мы предлагаем что имеем — но иногда этого недостаточно, — осторожно говорит Саша. Если она права насчет семьи пацана... Может, это хоть немного примирит его с реальностью. — Я просто надеюсь что то, что я могу дать, будет нужно ребятам, хоть в какой-то мере. И только.

— А тебе в этом что?

Саша поводит плечом.

— Это неважно. На самом деле неважно.

Ей — ничего. Или по крайней мере, если что-то и было — то явно недостаточно. Поэтому она и не стала работать вожатой больше, пока сюда не пришлось ехать.

— Вопрос за вопрос, — она кидает взгляд на парня, — тоже давно спросить хотела.

— Валяй, — Вася хрустел печеньем. До сих пор, пусть печенюшки было и всего две. Он всегда так ел, словно наслаждаясь каждой крошкой. Видимо, с матерью у него были ну совсем не лучшие отношения.

— Ты здесь давно живешь?

— Давненько. Мать не первый год работает.

— Значит наверняка слышал легенду о «Ночном Пионере»?

Вася едва не поперхнулся от неожиданности.

— Слышал конечно. Неужели и ты в это веришь? Это ведь детские сказки.

— Разумеется. А что такого в них, что тебя пугает?

— Да ничего. Просто рассказы малышни.

— Но иногда сказки базируется на правде, знаешь ли. Вот я и хочу узнать — может, ты слышал о том, что бы здесь кто-то исчезал? Или о телах или смертях?

— Не, — Вася помотал головой для пущей убедительности. — Ничего такого. Ладно, спасибо за угощение, пойду я. Доброй ночи.

— Доброй.

И что он так напрягся? А Вася напрягся, или Саша совсем чувствительность потеряла. Ладно. Что делать — надо идти к себе.

В комнате уже ждали Катя и Коля, порядком встревоженные. Впрочем, при ее появлении оба расслабились.

— Что такое? У меня рога выросли? — Саша плюхнулась на свою кровать.

— Да не, — Коля на часы показывает. — Мы думали, тебя уже сцапал кто или еще чего. Думали уже искать идти.

Прошел почти час с момента, когда она вышла из архива. Час. Какого черта? Разговор с Васей занял сколько — десять минут? Двадцать?

— Все нормально. Но, увы, ничего нового я не узнала. К сожалению.

— А у кого спрашивала-то? — Катя с интересом рассматривает ее.

— Та пацан есть один, сын поварихи. Но он говорит, что не в курсе. Но напрягся знатно и сбежал, едва пятками не сверкая, как я его спросила.

— Боится? Или что-то знает?

— Не боится, но напрягается точно, — Саша покачала головой. — А насчет «знает» — понятия не имею. Может просто не любит все эти легенды.

— Я попробую его попытать, — Катя улыбнулась. — Как выглядит?

— Рыжий такой. И худой.

— И вообще — с поварами поговорить надо обстоятельно, со всеми еще раз, — Коля бросает на стол три смятых листка, найденных в архиве. — Может они что-то знают об этой

Алле Поляковой хотя бы? Если вспомнят — то точно пустышка.

— А если нет — это ничего не докажет, — со вздохом констатирует Саша. — Как древние записи о Яне Павловом и этом Арсении Костюшко. Почти двадцать лет прошло. Если их не вспомнят — это все равно ничего не доказывает.

— Увы.

— И мы опять знаем, что ничего не знаем. Ладно — пора спать, — Катя спихивает Колю с ее кровати. — иди к себе. Мне завтра работать.

— Нам всем.

— Иди давай.

— Ладно, ладно. Доброй ночи, дамы.

Глава 10

— Вы прекрасно выступили сегодня, — Саша улыбается, подбрасывая дрова в костер. — Поздравляю с заслуженной победой!

Шелест потираемых ладоней, заменяющих аплодисменты, был сегодня как никогда громким.

— Давайте споем! — Леша на сегодняшний огонек принес незнакомую никому гитару — я играть умею.

Надя Назарова покосилась на парня.

— Ты гитару откуда взял? Не у вожатых же. У Феди из пятого, что ли?

— Ну да. А почему нет?

— Та он эту гитару весь день ищет, словно подругу потерял, — по отряду прокатились смешки. Но Лешу это определённо не смутило.

— Ну и пусть ищет. А вечером найдет. Она вообще мне нужнее, этот Федя даже играть на ней не умеет и хранит под кроватью, она пылью покрылось. А мы все без гитары так и смена пройдет.

— Александра Николаевна, скажите ему!

Саша вздохнула. Обижать Лешу не хотелось, но и потакать такому порыву тоже нельзя было.

— Леша, владелец гитары разрешил тебе на ней играть?

— Ну он сам-то не играет! И вообще — это не Федина гитара, он ее нашел просто, и все. Спрашивал всех — никто не знает, чья. Вот и хранит у себя.

— Я так понимаю — она не твоя, так что имя предыдущего владельца неважно. Тебе понравится, если завтра ты не найдешь любимые штаны, а кто-то другой в них ходить будет, верно?

— Да пусть ходит, мне не жалко!

— Ничего не жалко? Никакой вещи? Позволишь ребятам из всех отрядов взять все что хотят без спроса, чтобы потом как-нибудь вернули?

Леша насупился.

— Сегодня будем просто петь. А завтра, если тебе владелец гитары разрешит — сыграешь обязательно. Договорились?

— Ну вы все равно по-другому не позволите — явно расстроился парень.

— Увы. Брать без спроса чужое нехорошо.

— Ладно, ладно, понял, отдам этому жирдюю гитару, пусть спит в обнимку с ней, — с досадой Леша плюнул на землю. И протянул гитару Саше так, словно она ему руки жгла. — Пусть у вас пока побудет, после огонька зайду и отдам.

— Хорошо, — Саша кивает и принимает инструмент, ставя его на свободное место позади себя. И замечая с любовно выведенные на боку гитары буквы, складывающиеся в нехитрые слова. «Алене от Виталика. 09.09.2001»

Не могла же гитара храниться в санатории больше пятнадцати лет, верно? Или кто-то в сердцах мог оставить столь важный для себя инструмент здесь?

Но поразмыслить об этом Саше не дали.

— Пора, собирайтесь скорее,

Мы что-то бездарно стареем,

Пора разобраться по реям

И рвать якоря.

Затянула Соня высоким, красивым голосом, мигом меня настроение вечера.

— *Чтоб снова пройти нам ребята*

Речные судьбы-перекаты

Покатим туда, где по небу

Восходит заря.

Саша эту песню знала. И Леша, внезапно, тоже знал, подтягиваясь третьим.

— *Мы время свое не забыли,*

Нам ветры побудку трубили,

Нас женщины в шутку любили,

А мы их всерьез.

Оставим на завтра заботы,

Оплатим все сплетни и счета

И вновь ощущение полета

И высохших слез.

Постепенно песню подхватывали и остальные. Даже Женя — тихо, почти про себя, но его голос Саша слышала. Едва закончили эту — как затянули другую, теперь ее начал мощный бас Ильи.

— *Все расстояния когда-нибудь в круг замыкаются...*

Саша подпевала, рассматривая в отблесках костра лица ребят. Сегодня был финал конкурсной программы, пусть до конца смены было еще далеко. Но все же — в этом тоже был определенный итог. Пока — итог не смены, а их фестивальной жизни. И пусть завтра все определенно расслабятся и будут нарушать режим, подбивать всех остальных на то же самое, опаздывать и отказываться купаться без мяча и ныряния с головой, пока физрук отвернулся — это не имеет значения. Сегодня они прекрасно поработали.

Изнанка пульсировала ровными, яркими цветами, лучилась счастьем, переливалась наслаждением и радостью. Даже рядом с вечно сдержанным Женей, что танцевал в последнем ряду и имел столь флегматичный нрав и худощавое телосложение, что казался незаметным и на танцевальной сцене, и на общих посиделках. Но теперь он присоединился к веселью, пусть сдержанно — но и это было немаленьким шагом вперед. До того он даже не пытался петь вместе со всеми.

Седьмой отряд, вы нам мешаете!

Саша фыркнула, прочитав сообщения. От Тамары, вожатой четвертого, чье костровое было недалеко от них. Сегодня ее ребята были вторыми и громко возмущались, обвиняя жюри в нечестном судействе. Дети.

Но шуметь и правда не стоило.

— *Эта ночь легла как тот перевал, за которым исполнение надежд,* — негромко начинает Саша. В ноты она редко попадает, но это сейчас и не страшно.

— *Все нам вспомнится на страшном суде,* — Леша поет тоже негромко, с чувством. И Женя — вместе с ним.

Остальные молчат — не то не знают, не то не хотят мешать. Так они и заканчивают — втроем.

— Увы, из меня не лучший исполнитель, — чуть извиняясь, говорит Саша. — И кому-то эта песня может показаться грустной. Но я, приехав первый раз вожатой, ее услышала в свой

первый вечер у костра, и мне тогда казалось, что вот это мой перевал. И мне хотелось, чтобы она прозвучала здесь. Было много ночей и много перевалов — и еще будет. Сегодня вы выиграли. И важно не то, как оценило вас жюри и что скажут другие, а то, что вы сегодня превзошли сами себя. Стали чуть лучше, чем были. Вы вышли на сцену, не позволив волнению и страху остановить вас, и сделали все прекрасно — и ради своей радости, и ради радости других. Я мало что понимаю в танцах, но это было захватывающе. И я верю, что сегодня — еще один перевал. Вы вместе создали прекрасный рисунок, историю в движении, которую не создать одному. У вас будет много выступлений и конкурсов, и я желаю, чтобы вы помнили — важнее всего победа над собой. Важнее всего то, что вы создаете, что творите в самом широком смысле и ради собственного удовлетворения и для тех, кто оказывается рядом. Что бы это ни было — искусство, наука, спорт, общение, отношение. Все едино. Будьте счастливы и творите!

Ответом ей была секунда тишины — и громкое шуршание аплодисментов.

Радость витала в Отражении, и Саша позволила себе слиться с ней, отдавая свои чувства и присоединяясь к чувствам других.

— Кораблик детства, уплывает в детство,

Белые большие трубы скошены назад.

Дайте наглядеться, на прощанье наглядеться,

Дайте мне послушаться, как они гудят.

Телефон опять завибрировал и Саша даже отсюда чувствовала раздражение Тамары, вложенное в очередное сообщение. Ну и пусть. Оно не имело никакого значения. Здесь и сейчас у костра она и ребята были счастливы. И остальное не было важным.

— Ты в последнее стала раньше ложиться спать, — замечает Катя, когда Саша, уже который день подряд не обнаружив Василия в беседке или рядом с ней, возвращается в комнату.

Подруга сидит на кровати одетая даже не на работу, а на выход в свет. Коли нет, хотя следы его недавнего присутствия в комнате ощутить может, кажется, любой способный прикасаться к Грани. Как и то, что бежал Коля отсюда едва одевшись.

— Правда?

— Ага.

Саша чуть пожимает плечами.

— Мой знакомый местный паренек после расспросов об исчезновениях сам исчез, и, похоже, появляться вновь не собирается.

— Подожди, так ты все это время общалась с ребенком что ли вечерами, а не на свидания ходила?

Саша фыркает.

— Конечно. Только свиданий здесь мне не хватало. У меня не то чтобы есть хоть малейшее желание общаться с этими студентами-качками без капли разума больше, чем приходится по работе.

— Да? Зря. Они неплохие парни, пусть и своеобразные. И нас, кстати, всех троих звали отдохнуть вечером в кафешке, что в поселке рядом. У Вани Митина день рождения. Я тебе написала, но ты как всегда ничего не читаешь.

— Ты говоришь так, словно я этого Ваню Митина знаю, — беспечно отмахивается Саша, — и до поселка полчаса только в одну сторону топать, а в местном кафе обшарпанном, догадываюсь, будет одна водка... В общем — я буду спать.

— Туда все пойдут.

— Ну и пусть идут. Мне как бы завтра с утра работать. Как и вам, кстати. И без репетиций теперь детей будем развлекать своими заготовками еще больше чем раньше.

— Пф. Саш, тут три дня осталось. Всего три дня, к тому же вон уже часть завтра-то и уедут, кого родители заберут. У меня двое, например. Три дня — это фигня.

— Это заключительный период смены, Кать. Не только вожатые, но и тоже чувствуют что скоро конец и начинают на ушах ходить.

— Скучная ты. Пойдем, хоть с кем-нибудь пообщаешься, а то сидишь вечно нахохлившись что в столовой, что на планерке, одна работа, ни с кем словом не перемолвишься.

— Катя, — усталость давала о себе знать, и в голос Саши прорвалось раздражение, — давай договоримся — что и как делать я сама решу. У тебя есть ко мне вопросы по работе? Претензии по тому, как мы ведем расследование?

— Нет. Да и расследования нет никакого, ничего по тем медкартам не нашли. Пусто все и тихо. Нас просто сюда сослали, смиришься и получай удовольствие от происходящего. Пошли, развеемся.

— Катя, нет. И мне все равно, что скажут остальные. Я устала, и я буду спать. Можешь съесть мою порцию и передать этому Минину искренние поздравления.

— Митину.

— Хоть Пожарскому.

Саша отвернулась к окну, привлеченная едва заметным движением около любимой беседки. Кажется, там кто-то был. Вася все-таки пришел, может удастся с ним поговорить? Почему он перестал появляться?

Дверь открылась.

— Коля, хоть ты на нее повлияй!

— Что? Зачем? — непонимающе спросил появившийся на пороге парень.

— Саша намеревается киснуть тут в одиночестве.

— Катя, отстань ты от человека — Саша легко ощутила расходящуюся по Отражению радость.

Коля определенно не горел желанием развлекаться в ее компании. Интересно, почему? Раньше вроде не возражал. Спросить, что ли? Вряд ли он сам понимает, что его чувства ощутимы на Изнанке. Вон Катя этой радости и не чувствует явно. Или из них троих вообще только она способна напрямую эмоции понимать? Мда, а ведь и не спросишь же.

Сегодняшний день выдался суетным, а Саша, уже уставшая невероятно, с трудом сдерживала свое раздражение. И эта вот радость ее кольнула больно.

— Коля, ну неправильно это!

— Отстань от него, — Саша повернулась к Кате. — По-моему, твой друг вполне рад тому, что я не буду виться где-то рядом и претендовать на твое внимание. Разве нет?

— Как ты могла такое подумать... — Коля смутился.

— Могла. И думаю все еще — эмоции тебя выдают, я вижу их на Изнанке. Так что, Катя, для всех будет лучше если вы насладитесь на этом празднестве обществом друг друга в полной мере, а я буду наслаждаться тишиной и одиночеством здесь. И все будут в плюсе.

— Саша, это не то, что ты могла подумать, — Коля выглядит сконфуженным.

— Да неважно, что я могла подумать, — отмахивается Саша. — Все пройдет и изгладится. У всех свои тараканы. И мои не хотят никуда идти, только и всего. Это не преступление. Идите, развлекайтесь, пейте и веселитесь. Я вам не мешаю и не запрещаю ничего. Просто меня не трогайте.

Катя несколько секунд явно колебалась, потом все-таки повернулась к Коле.

— Ладно, если ты готов, то идем.

— Удачно отдохнуть.

Катя кивает, выталкивает Колю за дверь, и уже на пороге оборачивается.

— Саш, я тут вспомнила. Я сегодня с последней из работниц кухни поговорила, и только у одной есть ребенок, он живет в поселке с бабушкой, сюда не приходит. И это девочка.

Дверь закрылась, оставляя Сашу в одиночестве — и в недоумении.

Какого черта?

Она не почувствовала никакой лжи в словах Васи. Но и Катя — ей-то врать зачем? И тоже никакой лжи в Отражении.

Из окна Саша наблюдала, как компания вожатых отправилась из корпуса. В беседке все еще кто-то был. Но по аллее удалялись все двенадцать человек вожатых. Кто-то из персонала сидит там?

Вася верил в то, о чем говорил. Мать врала ему о своей работе? Или он сам создал эту легенду, а на деле был детдомовским или сыном алкоголички, вот и решил выдумать «маму»? Вопросы, вопросы. Жизнь-то у парня была нелегкая. Есть все время хотел, взрослый

не по годам. Попрошайка, приходящий по всем окрестным санаториям и деревням и столько раз повторявший, что его мать работает на кухне, что сам в это поверил?

Саша прижалась лицом к окну. Гнев и раздражение выгорели, оставляя в душе какую-то мешанину чувств, ни одно из которых не было светлым. Загадочный подросток, друзья, которые рады ее отсутствию рядом... Разумно было бы предположить, что Коля просто ревнует. Катя старалась и ей уделять внимания, а он явно желал быть единственным претендентом на все свободное время своей подруги.

Как будто Саша в этом виновата. С самого приезда она чувствовала себя третьей лишней, и теперь это чувство вылилось хоть и в приглаженную усталостью, но ссору. Да и не стоило ничего насчет Грани говорить, ей еще общаться с ребятами, с Катей жить. Едва ли им теперь будет комфортно, зная, что она способна ощутить те эмоции, которые люди хотели бы скрыть.

Словно чувствовать или нет было ее каким-то выбором.

Сидящий в беседке человек подвинулся, и Саша даже на таком расстоянии смогла различить проглядывающую сквозь прутья беседки рыжую макушку.

Вася.

Она почти бегом отправилась вниз, едва накинув куртку. Но опоздала. Выходя из холла она заметила, как из беседки быстро вышел худой невысокий парень в белой рубашке, но совершенно точно не рыжий, и отправился в детский корпус. Саша прибавила шагу, но к моменту, когда она поравнялась с любимым местом вечернего отдыха, там было пусто. Вася ушел, и куда ушел — видно не было.

Может о нем что-то расскажет собеседник? И кто вообще в такое время еще не спит из детей? И как выпустили на территорию после отбоя?

Саша отправилась в детский корпус. В холле свет не горел, только за столом вахтера сидела привычно-дородная вахтерша Нина Васильевна и разгадывала кроссворд при свете настольной лампы.

— О, Александра. А твои-то тихие сегодня, видать вымотались со всеми этими игрищами. Ты чего тут? Отбой уже и у вас, спать надо.

— Все в порядке, — Саша улыбается. — Я скоро и пойду к себе. Вы только подскажите, тут сейчас пацан проходил, он...

— Нет.

— Что?

— Не проходил никто. Ни единого человека.

— Такой худой, волосы черные, рубашка еще была белая...

— Александра. Я тут, на этом вот месте сижу уже пять часов. Не сдвигаясь. И никто тут не проходил до тебя, суетная. Ни одного мальчика в рубашке, ни девочки без рубашки.

— А может вы вышли...

— Нет, — Нина Васильевна начала злиться. — Я стара, но не слепа.

— Извините, — Саша пошла на попятную, — мне показалось. Простите, доброй ночи.

Ругаться еще и с вахтером — уже слишком на сегодня.

Но какого же черта? Она парня видела. Что, галлюцинации из-за переутомления? Саша осмотрелась в Отражении, ища спрятавшегося в холле или где-то рядом ребенка. Никого.

Она вышла из корпуса, неспешно возвращаясь к себе. В беседке было пусто.

Наваждение? Но на ней висело немало защит и амулетов помимо того, который блокировал активную магию. Да и тут не было тут ни одного Затронутого. Просмотрели

кого-то? Или тоже такой амулет имеет, и снял на время? Но все равно, будь это магия, она что-нибудь бы почувствовала. Хоть что-то. Нечаянную радость Коли она чувствовала, а магию, объяснившую растворение в воздухе ребенка — нет, что ли? Или и не было никакой магии...

— Вот так и сходят с ума, — пробормотала Саша, возвращаясь к себе в комнату. — Вот так и сходят.

Она подошла к окну и кинула взгляд на беседку. Пусто. Наверное, и правда привиделось с недосыпу.

Надо отдохнуть. Еще три дня — и домой. Домой, где будет Боня, будет ее личное пространство и не будет соседок по комнате, их парней и исчезающих мальчиков-галлюцинаций.

Звонит телефон. Требовательно, нудно и нескончаемо.

Саша переворачивается набок, бросая взгляд на Катины электронные часы. Шесть утра. Она прикрывает глаза, в надежде заснуть вновь, но это совершенно бессмысленно — вибрацию смарта все сложнее игнорировать.

— Господи боже, ну кто может звонить в такую рань?.. — Саша нашаривает телефон в глубине тумбочки.

Катя, кажется, и не собирается просыпаться. Впрочем, если учесть, что ввалилась она сюда в полпятого, громко смеясь и никак не желая спровадить Колю, разбудив Сашу и нарвавшись на пару словесных проклятий, то ничего удивительного. До подъема еще полтора часа, и тот, кто лишил ее этих полутора часов отдыха, определенно, очень нехорошая личность.

Саша наконец нашаривает телефон, разворачивая его экраном вверх, видя звонящего. И ругается про себя.

Начальник. Это не к добру, определенно.

Саша несколько секунд раздумывает о том, чтобы малодушно выбросить телефон в урну и сбежать на другой конец света, хотя никаких косяков вроде за ней и не водится. Но потом берет себя в руки, расставаясь с остатками сна, и принимает вызов.

— Александра. Доброго утра. Сразу к делу — где вы были прошлой ночью? — Михаил Ефимович говорит совершенно спокойно, как и всегда, но это спокойствие таково, что у Саши медленно начинают становиться дыбом волосы на затылке. Но она все же старается не паниковать раньше времени.

— Мы?

— Вы. Втроем.

— Эм... Честно говоря, я не смогу ответить на этот вопрос исчерпывающе. Я была в санатории, где мы и работаем.

— Екатерина и Николай?

— Не знаю. Они день рождения ходили отмечать коллеги.

Спросонок Катю она сдает быстрее, чем понимает, что вообще-то в шесть утра просто так такие вещи не спрашивают. Но слово не воробей. Да и в любом случае если Михаил Ефимович захочет что-то узнать — он узнает. Наверняка... Просто так главой регионального отделения Ордена не становятся.

— Ты была с ними?

— Нет.

— Отрываешься от коллектива. Ладно, Екатерина сейчас с тобой? Дай ей трубку, я очень хочу побеседовать.

Саша сглатывает. По тону мага — ни о чем хорошем этот разговор не будет.

— Секунду, — она подходит к Кате. — Эй, вставай. Вставай.

Ноль реакции.

— Вставай, — Саша чувствительно трясет ее за плечо.

Катя только всхрапывает.

— Михаил Ефимович, возможно ли, что Катя вам перезвонит? Через пару минут.

— Жду.

Маг отключился.

— Катя, подъем, я не знаю, что вы там натворили, но начальство зло.

В ответ — только мычание.

Саша тяжело выдыхает, берет со столика недопитую вчера воду — и выливает Кате прямо на лицо.

Через минуту мата и ругательств соседка садится ровно на своей кровати.

— Какого хрена? — Катя точно не до конца трезва. Еще и синяк под глазом где-то получила.

— С тобой начальник поговорить хочет, — Саша показывает на телефон. — И сейчас.

— Какой-такой начальник?

— Наш начальник, Катя. Михаил Ефимович.

— Да пошел он...

— Вот ему это и скажешь — телефон опять вибрирует — сейчас.

— Я тут спала ночью и ничего не знаю.

— Боюсь уже поздно, — Саша вталкивает в руку Кати мобильник. — Держи.

— Ты меня сдала? Какого черта?

— Врать главе Ордена — плохая идея, — пожимает плечами Саша. — Я не знаю что вы там сделали и почему он звонит мне. Но это и не мое дело.

— А ты руки умыла? Предательница.

Саша только вздыхает — и нажимает вызов, оставляя трубку у Кати.

— Сама натворила — сама со всем и разбирайся.

Саша натягивает куртку и выходит из комнаты прямо в спортивном костюме, в котором спала, прихватывая со столика кружку и чай.

Предательница.

Если посмотреть — пожалуй. С Аней она обошлась по-свински, сейчас... А что сейчас? Она не пошла на гулянку в том числе и потому, что опасалась сама что-нибудь не то сотворить от усталости и алкоголя. Все сложнее и сложнее становилось держать себя в руках. Магия в венах, сила, текущая по телу, позволяла ей все же куда лучше, чем раньше справляться с усталостью, но даже пределы этой силы существовали. Она работала без выходных все три недели, была со своими ребятами на организации «Дня Самоуправления» без всякого злобного указания Марины Владимировны, спала все это время в лучшем случае по четыре часа — и при том была вполне бодра телом. Но усталость разума накапливалась, как и желание решить все проблемы просто выпустив магию на волю. И на празднике ей пришлось бы сидеть в углу и не отвечать, стараясь отгородиться от суеты и портя всем отдых, иначе, выпив, она могла бы утратить и так небольшой остаток самоконтроля.

И теперь Коля с Катей куда-то влезли, а она еще и крайняя. Прекрасно.

Саша наливает кипяток в кружку со старым чайным пакетиком. Кофе хочется, сил нет, но растворимый закончился еще на исходе первой рабочей недели, после того как Коля его «одолжил» и вернул с жалкими остатками на дне банки. А идти в поселок ради него не было сил и желания. Да и времени, откровенно говоря — круглосуточных магазинов там не было, а обращаться к кому-то, кто работал с напарниками на отрядах и мог отлучиться на час ради банки, которая через три дня стараниями парней закончится, не хотелось.

Подходя к беседке Саша поняла, что она не пуста.

Только, к ее удивлению, был там не Вася, а Женя из ее отряда. Такой же худой и невысокий.

Не его ли вчера она видела?

— Доброго утра. Ты чего тут так рано?

— Доброго. Выспался уже, — Женя пожимает плечами.

— Ты один тут давно сидишь?

— Почему один? Я с другом был, он ушел уже. Тоже рано просыпается.

— Я рада, что ты нашел, с кем пообщаться, — Саша улыбается, вполне искренне, — кто-то из отряда, если не секрет? Мне казалось, что ты можешь найти с ними общий язык, несмотря ни на что.

Всю смену Женя тенью следовал за всеми, но ни с кем, кроме нее, не общался и стремился быть как можно дальше от любых контактов — и от физических, и от социальных вообще. Парень был умен не по годам, хотя воспитывала его явно бабушка или пожилая мама. Это чувствовалось — в общении, в речи, в интересах. Даже в любимых книгах, многие из которых у Саши и у него были общими. У них вообще нашлось немало тем для разговора. Выяснилось, что помимо любимых обоими Стругацких, были и другие точки соприкосновения. Вчера, например, все время, что Саша не была в воде с отрядом, они обсуждали концовку Фауста «Гете». Женя тоже считал ее нелогичной и был уверен, что изначальная задумка автора отличалась от итоговой, но сам предполагал иной вариант, чем тот, что считала правильным сама Саша, и спорили они не без обоюдного удовольствия. Было ощущение, что по возрасту Женя старше не только ребят из отряда, но и ее коллег-вожатых.

— Не, это мальчик из другого отряда, — Женя чуть отмахивается. — С ним интересно, правда.

Саша искреннее улыбается.

— Вот видишь, иногда разделить свои увлечения с кем-то — хорошая идея. А то ты всю смену сам и сам.

— Почему сам? Я с вами общаюсь. Или это не считается?

— Считается. Но со сверстниками ведь тоже по-своему интересно.

— Не сказал бы. Мне со взрослыми только общаться нравится.

— Ну это пока тебе с ними неинтересно. Но так не всегда будет. Я тоже общаюсь с людьми старше себя, но им не все и не всегда скажешь, а с ровесниками свои темы и возможности. Это нормально. К тому же со временем ты сам станешь взрослым и поймешь, что взрослых не существует.

— Как это? — кажется, эта фраза Женю почти обидела.

— А так. Страшный секрет — ты вырастешь и останешься собой, как и был, только будет задач побольше и возможностей тоже. Опыта. Книги считаешь, попробуешь много что. Но будешь собой и так же будешь со всем справляться, как и сейчас. Это мало меняется. Поэтому в оставшиеся три дня, потом все равно разъедитесь — общайся как можно больше. Терять нечего все равно.

Женя чуть усмехается.

— Ладно, я не буду тебя смущать, — парень явно был погружен в свои мысли, и не стоило навязываться. — Только это, — Саша чуть колеблется, но все же говорит: — если тебя куда-то пацан рыжий позовет, который Вася, не ходи с ним, ладно? Мне скажи.

— А что? Он плохой?

— Нет, — Саша качает головой. — Почему же? Хороший парень. Пропал только куда-то с половины смены, хочу узнать все ли у него в порядке.

И почему он мне соврал. И не является ли он тем, кто с собой детей забирает...

— Ладно, я скажу вам если увижу.

— Просто не с кем никуда ходить не надо, ни со взрослыми, ни с детьми.

— Знаю, не маленький.

— Определенно, — мягко говорит Саша. — Просто мне будет спокойнее, если я это скажу.

Женя пожимает плечами. Саша поднимается, выходя из беседки. Чай остыл, а перед детским корпусом дежурный сегодня пятый отряд уже устанавливает аппаратуру.

Она очень быстрым шагом припускается к своему корпусу — не хватало еще опоздать на зарядку и дать повод Марине Владимировне для недовольства. И куда время подевалось? Только ж полтора часа до подъема было...

— Следующий знак — Илье, — Саша подбросила дров в костер. Прошла уже половина прощального огонька, и большой поначалу костер сейчас прогорел, освещая только детские лица, сидящие близь него привычным полукругом.

Все шло своим чередом.

Прощальный огонек. Все как в Орленке, разве что без посвящения, а только с подарком из небольшого значка в виде трех дубов, тех же, что и на гербе пансионата. Знак Опоры. Марина Владимировна, явно вдохновлённая при придумывании этого знака орлятскими идеями, рассказывала, что вручать его надо всем, подчеркивая то, в каждом ребенке есть что-то, на что можно опереться. И создавая «положительное подкрепление» любим, даже минимальным успехам ребенка, о которых и требовалось рассказать на огоньке. Все так же, как и в Орленке — два свидетеля, возражения, и вручение знака под общие тихие аплодисменты.

— Илья, чье мнение ты хочешь услышать?

— Я знаю что много у кого мог бы спросить. Но хочу чтобы сказал Алексей. И Лена.

— Хорошо. Кто первый?

— Я, — Леша поднимает руку, — я удивлен, что ты спросил меня. Но, если серьезно — на тебя можно опереться. Во всем. Ты настоящий лидер — и пример, даже для меня. Вот и все, никаких других слов и не надо.

— На тебя можно опереться. Я знаю тебя уже пять лет, — негромко продолжает Лена, — и все это время ты тот, кто стоит как скала, что бы не происходило. И когда мы выигрываем, и когда мы проигрываем, и когда мы празднуем, и когда горюем. И это смена все только подтвердила.

Саша улыбается, разглядывая лица собравшихся в отблесках костра и протягивая Илье небольшой металлический значок.

— У кого-то есть возражения против вручения Илье знака Опоры?

Тишина.

— Отлично. Илья — кто должен тебе прикрепить знак?

— Леша.

— Алексей, прошу, — значок переключал из рук в руки, и под тихое потирание ладоней, вновь заменявшее у костра привычные аплодисменты, совершенно неуместные в такой момент, занял свое место на футболке, около сердца.

Когда так проходит весь круг, заканчиваются и значки, и дрова.

А Саша понимает, подбрасывая в костер последнее полено, что здесь их сидит ровно четырнадцать. А не пятнадцать. Она пробегается по лицам, пытаюсь понять, кого не хватает, и довольно быстро обнаруживает пропажу, удивляясь, как не заметила этого раньше. Жени нет. Любителя звезд, Соляриса и Фауста. Даже странно, что она сразу не поняла — ведь еще во время того, когда старшая вожатая рассказывала о вручении значков, подумала о том, кто и что может сказать ему.

— Так, мы все здесь, или, как мне кажется, кого-то не хватает?

— Да все, — Илья отзывается после некоторой паузы, пересчитав отряд. — Точно все. Никуда никто не убежал. Я следил.

— А Женя?

— Да здесь я.

— Ты-то понятно. А другой?

— В смысле — другой? — в голосе Ильи было слышно изумление. — Путаєте вы что-то.

Вот наш Женя и других нет.

По спине разлилось нехорошее предчувствие. Неужели это оно? Неужели Вася и правда тот самый Пионер, он прицепился к Жене и все подозрения Саши сбылись?

— Извини, я перепутала. Уже поздно, и день был долгим. Но закончим мы его песней. У кого-то есть предложения, какой именно?

— *Мы пройдем сквозь земной простор*, — затянула Лена.

— *По равнинам и перевалам*, — подхватили остальные.

Саша подпевала. Во весь голос, с чувством — но без всякой возможности отделаться от грызущей нутро тревоги. Илья не врал. И недоумение всех остальных от ее вопроса было совершенно искренним. А еще у нее не осталось значков. Она брала по списку. Четырнадцать ровно. Неужели?..

Одна песня. Еще одна. И еще — Огонек, последний в этой смене и почти наверняка последний в ее жизни, закончился. Дети разошлись, радуясь, что забрали сонник заранее и предвкушая «Королевскую ночь».

Саша вынырнула из леса позади своего отряда. Достала мобильник — пока закончили огонек только они, как самый маленький отряд. Время до планерки было. Нужно было действовать, но для этого оставалось разогнать всех по комнатам, с чем Саша успешно справилась.

Жени нигде не было. Теперь, напрягая память, она не была уверена, что помнила, в какой из комнат парней он жил. По утрам они всегда встречались уже на зарядке, даже в первый день, когда он только приехал после всех. Где его комната? Или его поселили с другим отрядом? Все были на местах. Вообще все из ее ребят.

Саша заставила себя сделать два глубоких выдоха, рассматривая территорию санатория из окна в холле на втором этаже. Отсюда можно было даже различить несколько костровых мест, но никто не ходил по аллее.

И что ей делать? Как искать Женю? Когда и куда он ушел — и как его догнать?

Никакой магии вокруг она по-прежнему не чувствовала. Саша обвела глазами погруженный в ночную темноту санаторий. Вот корпус взрослых, вот лечебница — может, туда угодил? И почему ей не сказали? Вот главная аллея. А вот беседка.

Беседка.

Саша могла поклясться, что даже с такого расстояния она видела чей-то силуэт. Были ли волосы рыжими? Или?

Она заставила себя сделать еще три вдоха. Вытащила телефон — и выругалась. Не включался. Разрядился? Зарядка-то в корпусе.

Нет времени.

Лена жила с девочкой из Катиного отряда. Значит, поможет. Катя с того памятного утра после отлучки в деревню с ней не заговорила ни разу. О чем они общались с Михаилом Ефимовичем, Саша понятия не имела. Но если Катя намерена и дальше считать ее "предательницей" — пусть. Плевать. Но сейчас было не до их дурацких обид.

Саша постучалась, и после короткого приглашения зашла в девчачью комнату.

— Вы извините, мы тут шумели, — Лена выглядит несколько виноватой. Хотя Саша ничего и не слышала ни о нее, ни от живущей вместе с ней Софии. Да и неважно это.

— Ничего. Лен, можно просьбу?

— Разумеется, — девочка чуть напряглась.

— Ничего серьезного. Просто мне нужно оставить здесь кое-какие вещи, чтобы ты передала их Кате, вожатой, а то у меня телефон сел. Сделаешь?

— Ага. Вики нет правда, но она придет, и Екатерина Владимировна к ней всегда заходит.

— Хорошо. Листик с ручкой есть?

— Да. Вот.

Саша набрасывает записку, стараясь писать понятно для Кати и непонятно для всех остальных.

Мне нужно отлучиться. Ты была права. Все подтвердилось. Лезу на рожон.

Остается надеется, что Катя поймет ее почерк. Саша складывает записку, пристраивает ее на тумбочку, придавливает телефоном, и, после короткого колебания, кладет рядом кулон с шеи, маскируя его теперь не сдерживаемой артефактом магией. Уж это Катя-то точно заметит.

— Все в порядке, Александра Николаевна?

— Да, Лен. Спасибо что спросила. Доброй ночи.

— Доброй.

Саша едва не вылетает из комнаты, физически чувствуя, как утекает время. Она почти опаздывает. Почти — знакомый силуэт Жени она видит в самом конце аллеи. Значит, хотя бы стражу не пошел за этим Пионером.

Она ускоряет шаг.

— Подожди!

Саша срывается на бег, когда Женя, словно зомби, идущий прямо вперед, проходит мимо КПП и начинает спускаться вниз по дороге от санатория. Она минует охранника, который даже не поднимает на нее глаз, и бежит за мальчиком, выкрикивая его имя. Безрезультатно. Саша ускоряется, но никак не может догнать парня, словно Женя идет все быстрее, быстрее и быстрее по дороге, которая причудливо петляет и кажется совсем незнакомой. Она видит только спину парня, которая не отдаляется, но и не приближается, как Саша не пытается его догнать. Сколько проходит времени в этой погоне? Саша замедляет шаг, только когда совершенно выбивается из сил. И понимает, что теперь неспособна ощутить Изнанку как что-то, отличное от реальности. Казалось, Отражение было повсюду, проникая в мир вместе с молочно-белым туманом, неизвестно откуда пришедшим и окутавшим все вокруг так, что Саша едва видела теперь неподвижный силуэт Жени в нескольких десятках шагов впереди.

Она все же преодолела эти шаги, не слишком понимая, куда он привел ее. И подойдя ближе, поняла, что впереди стоит худой мальчик с рыжими волосами.

— Ну и зачем ты сюда пришла? Хотел ведь по-людски все закончить...

— Мне кажется, это очевидно, — Саша складывает руки на груди. — Вася. Или правильное «Ночной пионер»? Ведь так тебя окрестили местные.

Парень морщится.

— Дурацкое имя. Просто идиотское.

— Отпусти Женю. Он ничего тебе не сделал.

— А если это и не так?

— Так. Когда все случилось? Восемьдесят лет назад? Девяносто? Он тут не при чем, Женя не то что не знает тех детей, что не смогли поделиться тем, чего и так не хватало — он даже о тех временах ничего не знает. Отпусти его. Если тебе кто-то нужен — я здесь.

— Ты хочешь остаться вместо него?

— Да, — Саша кивает. Почему-то это кажется ей правильным. Несмотря ни на что, она не ощущает угрозы от рыжего парня. Только грусть и сожаление о его судьбе.

— И зачем? Ты ведь знаешь, что обо мне рассказывают.

— Знаю. А еще я знаю, что тебе причинили боль не из злого умысла. И что, как бы то ни было, за Женю я отвечаю. Лучше я, чем он.

— Странная ты, — Вася изучает ее недоверчивым взглядом, — он ведь тебе никто. Просто мальчик.

— Я за него отвечаю, — повторяет Саша. — Этого достаточно.

Несколько секунд Вася по-прежнему изучает ее пронзительным взглядом, явно что-то прикидывая.

— Ну раз ты так хочешь, то идем.

— Ты отпустишь Женю?

— Да. Если ты останешься вместо него.

— Обещаешь? — это было как-то по-детски, но Саша ничего не могла с собой поделать. Кем бы ни был этот Вася, он и правда оставался ребенком. По суждениям и поведению.

— Обещаю.

— Хорошо. Идем.

Туман расступился, стоило Саше сделать шаг за своим маленьким провожатым. Они оказались на небольшой площади тихой деревеньки. Часть домов явно были нежилыми, кое-где все поросло бурьяном, но большинство маленьких хаток были обитаемыми. Саша чувствовала это несмотря на неестественную, почти бесконечную тишину, которую здесь нарушали только мычание коров да лай собак, доносившиеся настолько издалека, что, казалось, издававшие звуки звери жили где-то на другой планете. В дальних домах за плетями горел свет, а из труб то тут, то там поднимался дым, создавая весьма сюрреалистичную картину поселения, словно бы застывшего во времени и пространстве. Обитаемого, живого, но при том тихого и неподвижного. Саша не удивилась бы, если бы где-то заметила застывшего у колодца селянина с коромыслом или ребенка, развешивающего белье и так и остановившегося с разведенными в стороны руками и простыней в них.

Вася уверенно вел ее вглубь деревни, виляя между хатами и заборчиками, отгораживающими приусадебные участки, сараи и скотники.

Тихо. Тихо-тихо-тихо.

Почему-то Саше вспомнился лес, камень и волк. Вот только тот лес был ее, а в этом месте она сама была гостьей.

Вася остановился у калитки, искусно врезанной в бревенчатый забор, и чуть повозился, открывая замок. Саша следовала за ним, не раздумывая и не оглядываясь. Оглядываться просто не хотелось вот совершенно. Небольшая тропинка вела к маленькому, словно бы списанному со старых картин о казаках, домику с белыми стенами и чуть покосившейся крышей. Дверь отворилась даже до того, как Вася подошел к крыльцу. Но в сенях никого не было. Парень зашел внутрь и Саша пошла следом за ним, осматривая дом. Внутри он тоже был таким, каким она представляла себе деревенские дома. Как у селян в Свободе, только без полиэтиленовых пакетов и пластиковых бутылок на подоконнике с рассадой. Да и выглядело все куда беднее. Хотя и было чистым. Идеально чистым — и идеально бедным.

Вася прошел из сеней в кухню, или что-то, что тут было вместо нее. Помещение со столом и лавками, в котором почти ничего и не было кроме мебели. Донельзя пустое помещение, хотя что-то подсказывало Саше, что здесь должна быть посуда. Не та, что стояла под окном, пустая и ненужная, а наполненная едой. И люди должны быть, но не было никого. Только тишина.

— Из меня плохой хозяин, — кривится Вася. — Поесть не предложу. Но садись, если хочешь.

Саша опускается на лавку. Здесь есть еще одна дверь, кроме той, через которую они пришли, но она заперта. Саша не очень смыслит в деревенской архитектуре и не уверена, что в сельских казацких домах внутри были стены. И двери. Хотя может — и правду были?

Вася садится напротив нее. Он выглядит несколько растерянным и смущенным. А еще — печальным. Саша понимает это только сейчас, хотя на деле уверена, что ощущала это и раньше. А в воздухе она чувствует Даже не печаль а какую-то бесконечную, осязаемую тоску. Одиночество, которое нельзя разделить ни с кем и никогда.

— Ты здесь один живешь?

— Больше желающих нет, — разводит руками Вася. — Вот ты пришла.

— И Женя. Что ты ему сказал?

— Какая разница?

— Ты опять отвечаешь вопросом на вопрос, — качает головой Саша.

— А тебя это раздражает так, словно я и правда одиннадцатилетний подросток.

— А кто ты, если не он?

— Думаешь, я мог бы создать все это, будучи ребенком?

— Мог бы, — Саша чуть пожимает плечами. — Это ведь твоя память. Воспоминания. Такой мир есть у всех в разуме.

— И все могут туда привести кого-то?

— В некотором роде — да. Есть же книги, фильмы и все остальное.

— Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю. Но тебе решать — кто ты. Я вижу перед собой одинокого человека, вот и все. Живущего в пустом мире воспоминаний и приглашающего в него кого-то еще, чтобы было не так грустно и пусто. Но другие не могут жить здесь. Никто не сможет — кроме тебя.

— Не могут, — кивает Вася. — Их ненадолго хватает. И тебя ненадолго хватит.

— Знаю, — просто отвечает Саша.

Она чувствует, как печаль и грусть этого места медленно, но верно растворяют ее саму. Пожирают, захватывают, и рано или поздно не оставят ничего ни от ее воспоминаний, ни от

характера, ни от воли.

— И ты так спокойно об этом говоришь.

Саша чуть улыбается. От ее слов зависит многое — или ничего. Но она не умеет подбирать нужные слова. Она может только говорить, что думает. Странно, что и страха все еще нет, несмотря на ситуацию. Скорее какое-то... сожаление, что ли.

— Я не знаю, как тебе помочь. Хотела бы — но не знаю как. Я не могу изменить прошлое и не могу заполнить собой настоящее. Но теперь когда я здесь — тебе не так одиноко. Я могу это понять. Мне жаль, что все так сложилось.

— Жаль, — эхом отвечает Вася. — Думаешь, я жалок?

— Нет. Но я сожалею о том, что случилось. Я ничего не могу изменить, но это не значит, что мне все равно. Тогда и говорят «мне жаль».

— Толку с твоей жалости.

— Никакой, — кивает Саша. — Совершенно. Но это все, что я могу. Ну и быть здесь.

— Ты странная. Не такая, как остальные.

— Но я вроде как и не ребенок, знаешь ли.

— Ты думаешь, я обиделся на этих недоумков из интерната и теперь таскаю детей к себе в логово, желая отомстить? Пф, — Вася наконец отходит от окна и садиться на лавку. — Я многих приводил сюда. И детей, и взрослых. Но только тех, кто сами хотели прийти. Никак иначе.

— И Женя сам хотел?

— Он хочет, чтобы кто-то был рядом.

— Это нормально. Мы все хотим. И ты хочешь — иначе бы не делал все это.

— А толку? Никого нет. Никто не может тут быть, что бы не говорил и как бы не распинался в своей «дружбе до гроба». А Женя — он верит взрослым, что они помогут. Зачем-то. Хотя вот я не верил, что ты придешь, а ты пришла. Так что он в итоге прав оказался.

— Я уверена — те взрослые не хотели тебе зла. Они просто не справились со своими задачами. Тяжелые дни.

Вася фыркает.

— Оправдания. И к тому же — это что-то меняет?

Одиночество. И тоска.

— Ничего. И я не прошу их прощать. Просто — они не идеальны. Никто не идеален. У каждого из нас есть такое место, — Саша указывает за окно. — И там нет никого, совсем никого реального, никого другого кроме нас самих... И на деле туда никого нельзя привести навсегда. Только в гости — и то все не будет видно.

— У каждого? — Вася переспрашивает с явным недоверием.

— У каждого.

— И у тебя?

— Да. И у моих товарищей. И у других детей. И у взрослых. У каждого. Иногда там есть чьи-то отголоски, образы. Они, может, даже выглядят как люди, но это лишь воспоминания. В этом мире внутри на деле там нет никого, кроме нас самих.

— Даже если полюбить кого-то?

— Даже. Можно описать другому этот мир. Пригласить кого-то на порог. Но он все равно не увидит так же как и ты. Вот смотри — это ведь твой дом, так? — Саша кивает на комнату.

— Мой.

— И для тебя он полон воспоминаний. Историй, который произошли здесь. Чувств, что ты прожил здесь. А для меня — это просто дом, куда ты привел меня — и только. И так всегда. Если бы я могла показать тебе свой лес, то это тоже был бы только лес для тебя и место с воспоминаниями — для меня.

— Ты сама говорила о книгах. И об этих... фильмах?

— Каждый человек может что-то рассказать о своем мире. Или одному человеку, или многим — воплотив что-то в стихотворениях, картинах или еще как-то. Но это все равно не позволяет привести в этот мир внутри кого-то так, чтобы он поселился в том мире. Это все... как визит в гости. Не более. И даже так гость не войдет во все комнаты и не увидит все так же, как видит хозяин.

Это казалась странным. Сюрреалистичным — она сидела в столовой незнакомого деревенского дома и говорила с его хозяином, умершим сколько — восемьдесят? Девяносто лет назад? Разглагольствовала о философских матерях в мире, пропитанном холодом и одиночеством, настолько вязкими, что можно было пощупать руками.

— Что я могу для тебя сделать, Вася?

Парень, до того о чем-то думавший, поднимает голову. Несколько секунд он изучает ее — а потом совсем по-мальчишески улыбается.

— Останься.

— Я не могу. И мы оба это знаем. Я побуду здесь, а потом уйду дальше, хотя и хочу остаться. Но не могу.

— Останься! Мы будем говорить обо всем. Вот так как сейчас.

— Я рада остаться, Вася. Но не могу. Правда. Я не могу долго находиться здесь — как и все остальные. Спроси что-нибудь другое. Что я смогу сделать — и я сделаю.

— Тогда верни всех.

— Что?

— Верни всех. Верни все обратно. Ты ведь не такая, как обычные люди. Я это вижу. Верни всех. Маму, папу, братьев. Мой дом. Чтобы здесь были звуки. И запахи. И голоса. Верни!

— Вася, — Саша старалась придать голосу мягкости. На деле она не могла говорить ровно, слишком много боли было в этом призыве. Слишком много — для нее, по крайней мере. — Никто не может этого сделать.

Она в несколько вдохов старается ослабить комок в горле. Сколько раз она так просила сама не зная кого?

— Я не могу вернуть их. Я не могу вернуть и свою семью. Мертвые ушли навсегда, и мы сможем увидеть их только пойдя следом. Когда придет время.

— Пустые отговорки. Верни!

— Нет. Я... — на секунду Саша запинается, понимая, что говорит с ребенком. Пусть и прожившем очень много лет, но ребенком. А потом продолжает, пытаясь объяснить то, что объяснить, кажется, невозможно: — я видела. Свою семью — когда была близка к смерти. Они там были. И я верю, что они там... ждут. Но я не могу их вернуть. И я не могу помочь тебе в этом. Никак. Прости — это невозможно. Они ушли навсегда.

— Ты врешь!

Саша только качает головой.

— Хотела бы. Но я говорю правду.

— Да пошла ты! — Вася вскакивает и выбегает в сени. Хлопает дверь.

Саша остается сидеть на лавке. Холод обступает ее со всех сторон. Неуютно донельзя и хочется есть. Очень хочется — но еды нет. Нет — и никогда не будет. Никакой.

— Понятно, он ведь умер от голода — Саша говорит себе под нос, стараясь справиться с нахлынувшими чувствами. Странно, но Изнанки она тут вовсе не чувствует. Впрочем, она ведь в своем лесу не ощущала ее.

Нет Изнанки. Только холод и страх, туманящие остатки здравомыслия.

О голодоморе она знает не так уж и много. Только из статей да пары отчетов, скорее публицистических, чем научных. Но сейчас, сидя там, где некогда принимали пищу, становившуюся все хуже и хуже, а после и вовсе закончившуюся, она чувствует лишь слабые отголоски тех эмоций, что переживали погибшие.

Страх. Желание есть, есть что угодно, хоть бы и человеческую плоть, желание ощутить еду в желудке, ощутить его наполненность, столь сильное, что заслоняет собой весь мир. Сильное — и неутолимое. Потому что еды нет. И не будет.

— Александра Николаевна, — из сеней показывается голова Жени. — Он ушел. Побежали отсюда!

Саша сомневается. Она хочет уйти. Хочет сбежать подальше от боли в желудке, от голода, грызущего кости так сильно, что она готова наброситься даже на этого непосредственного замкнутого мальчика... Но она нужна Васе. Нужна здесь. И к тому же... Она просила отпустить Женю в обмен на себя. Она обещала остаться.

Это было глупо. Безрассудно.

Но несмотря ни на что — она не могла оставить Васю здесь одного с чудовищными воспоминаниями. Все остальное словно притупилось, стерлось. Осталось только голод и желание помочь ребенку, пусть и столь... странному.

Сколько она сама мечтала чтобы хоть кто-нибудь был рядом — когда ушел отец, мать, Виталик?

Как она могла бросить Васю теперь, зная, что он чувствует то же самое, и даже во много раз хуже — ведь его семья погибла на его глазах?

— Беги, Жень. Беги в лагерь. Василий тебя не тронет. Пойдешь по дороге обратно, к реке и там увидишь, куда нужно идти, — она не была уверена в правильности маршрута. Но надеялась, что мальчик поймет, куда нужно идти.

— А вы?

— А я останусь здесь. Все будет хорошо. Беги!

Женя подчиняется. Саша вздыхает с облегчением, когда быстрые шаги уходят прочь, а она остается один на один с чужим голодом, холодом и одиночеством, постепенно словно бы вымывающими из тело остатки тепла.

Будет ли семья зла на нее за тот побег из пещеры? Наверное, она скоро узнает.

— Странная ты, — Вася явно успокаивается, возвращаясь в комнату. — Зачем осталась? Сама же говоришь, что не сможешь здесь быть долго.

— Я умру, — странно, но произнося это сама Саша не особо почему-то верит в сказанное. — Но мы все когда-нибудь умираем. Этого не изменить.

Вася усмехается. Он садится за стол и долго, пристально рассматривает Сашу. Потом все-таки спрашивает

— Ты правда думаешь, что они там... дальше?

— Да.

— И что ты чувствовала, зная, что они далеко и никогда не вернуться?

— Что я ничего не могу изменить. Как бы мне ни было грустно и больно — я ничего не могу изменить. Прошое нельзя исправить, как бы не хотелось. Оно просто есть. Просто когда придет время — я окажусь вместе с ними. Возможно — оно скоро придет.

Вася продолжает на нее смотреть. Глазами разом и мальчика и старого, очень старого и очень странного существа, сотканного, кажется, из боли, голода и бескрайней тоски.

— Здесь осень. Последняя осень перед тем как все началось. Это мой дом, моя деревня, где я вырос. Я столько привел сюда в надежде, что все будет по-старому... Но никто не может сделать все вокруг снова живым. Никто — сколько бы я ни пытался. Кого бы ни приводил. Даже ты — ты ведь на меня похожа. Ты тоже живешь в мире грез и ходишь в долине изменений, воплощая грезы и мечты. Я раньше не встречал никого столь похожего... И, знаешь — так мог бы и я, сложись все иначе. Я должен был поехать в город учиться, но... Но. И как бы я не хотел — ничего не меняется. И вот ты приходишь сюда... И тоже говоришь, что все останется так, как есть. Что ты не можешь вернуть их — и я слышу в твоём голосе печаль и искренность, — Вася переводит взгляд в окно, смотря куда-то в ему только ведомую даль. — Я почему-то верю тебе. Я устал от всего этого. Ты думаешь — они меня ждут?

— Да. Уверенна, — такая грусть звучала в голосе парня, что Саше захотелось его обнять, и только понимание, что это может быть ошибкой, остановило ее. — Они не хотели тебя бросать. Просто не справились.

Что-то происходило. Рядом — в этом месте. С его владельцем, его создателем и узником.

Вася закусывают губу. Потом поднимается.

— Наверное... Мне нужно идти. К тому же за тобой пришли. Тебя ждут — с другой стороны. А мне пора, пожалуй.

— Пойдешь? — Саша рассматривала лицо парня в поисках подсказки. Ответа на вопрос, который не могла, да и не хотела толком, озвучивать.

— Пойду. Спасибо.

— И тебе — Саша неожиданно улыбается, несмотря ни на что.

Вася поднялся со скамьи и пошел в сени, оставив Сашу сидеть за столом. У двери она окликнула парня.

— Василий, ты тут хозяин... Как ты думаешь — Женя доберется до лагеря?

Парень остановился. Вздрогнул — и развернулся, стремительно меняясь, словно бы перетекая из одного тела в другое. Миг — и перед Сашей стоял Женя собственной персоной.

— Я думал, ты уже поняла, — в словах Жени было слышно извинение.

— Увы, — только и могла вымолвить Саша. — Значит ты... вы — одно?

— Да.

— И как же... «Солярис», «Звездные войны»? Откуда ты это знаешь?

— Знаю, — чуть пожимает плечами Женя. — Я много знаю, что они, другие до тебя, знали. И... Я ведь тоже вначале думал, что ты такая же, как и остальные. И хотел... В общем, неважно, что я хотел. Но потом понял, что ошибался, и решил просто исчезнуть. Но Вася, он так просто не отступает. Он был против, он верил, что ты поможешь, и заставил меня показаться тебе перед тем, как уйти. Я надеялся, что ты не заметишь. А ты даже сюда пришла за мной. Просто так. А я ведь тебе никто.

— Ты мой подопечный, — Саша чуть улыбается. — Это вовсе не «никто».

Женя тоже улыбается. Грустно.

— Жаль, что мы не встретились раньше. Я бы очень этого хотел. Но... быть может, нужно было, чтобы мы встретились сейчас. Прощай.

— Прощай.

Глупое «А мы когда-нибудь увидимся?» едва не слетела с языка. Глупое. Неуместное. Саша сама прекрасно знала ответ.

Скрипнула дверь и на секунду Сашу поразило странное желание встать и пойти следом за Женей. Куда-то туда, куда она сама-то толком не могла понять. Но только на секунду. Все закончилось даже быстрее, чем Саша осознала, что именно хотелось сделать.

Скрипнула, сама собой отворяясь, другая дверь, до того закрытая. Оказалось, она вела в общую комнату. Не страшно скрипнула, а приглашающе. Определенно приглашающе. Сидеть в одиночестве за столом смысла не было, и Саша поднялась на ноги и пошла к двери. По пути бросила взгляд на сени, но там теперь царила только полная и неприятная темнота, такая же, какая опустилась и на деревню за окном.

Всматриваться в нее не хотелось.

Саша направилась в общую комнату, изучая вышивку на висящем над печью рушнике — и запнулась о незамеченный порожек, нелепо взмахнула руками — и полетела прямо на пол, пребольно приложившись головой.

В ту же секунду невдалеке послышались шаги. Саша вскочила, не успев толком прогнать звездочки перед глазами — и лицом к лицу столкнулась с пустым взглядом сидящего позади на лавке мертвеца. И еще одного — привалившегося к стене рядом. И еще. И еще. Саша сделала шаг назад — и нога наткнулась на что-то мягкое. Она едва подавила крик, разворачиваясь — и понимая, что вся комната принадлежала мертвецам.

Она отступила еще на шаг. Но бежать было некуда. Там, где была кухня до того, теперь была глухая покосившаяся стена.

Происходящее вокруг напоминало кошмар наяву. Везде в комнате сидели, стояли и лежали мертвецы. Какие-то стали уже скелетами, какие-то, казалось, не так давно начали разлагаться и не потеряли еще остатки мышц и кожи. Запаха Саша не чувствовала — хотя быть может просто из-за неверия в происходящее. Все в этом покосившемся склепе сквозило унынием и безнадежностью, а единственную видимую дверь в дальнем углу комнаты подпирал, словно бессменный часовой, еще один мертвец, кажется, погибший раньше всех прочих. И его высохший череп, лишившийся всех частей кожи и всех черт, что делают живого живым и уникальным почему-то кажется таким знакомым. Очень знакомым.

Дверь открывается быстрее, чем Саша до конца осмыслить, что видит. Свет режет глаза. И она поднимает руку, пытаясь заслониться от яркого солнца. Но почти сразу свет загораживает человеческая фигура.

— Саша! Слава богам.

Голос она узнает сразу. Свет мешает, но вошедший подходит ближе, и она видит знакомую черную футболку. Серафим. Наставник.

— Так, посмотри на меня, — маг подходит ближе и кладет неожиданно теплые руки на виски, фиксируя голову, заставляя посмотреть в глаза.

Саша чувствует в Отражении исходящий от мага одновременно видимый страх и облегчение и замирает, сбитая с толку силой эмоций. Внимательный взгляд, кажется, проникает куда-то в глубины разума, настолько далеко, что она замирает, боясь пошевелиться. Но наваждение длится недолго.

— Слава богам, — еще раз, теперь негромко, повторяет маг и берет ее за плечо, подталкивая к выходу, — пойдём отсюда.

— Женя... — начинает Саша несмело, бросая взгляд в сторону несуществующей двери.

— Идем, — держит ее маг крепко. — Потом все расскажешь.

Сопrotивляться хватке наставника она не может. Только удивляется тому, как спокойно маг переступает через мертвецов. И тому, что за дверью обнаруживается вовсе не тихая, но целая деревня, которую еще недавно можно было увидеть из окна дома.

Они вдвоем оказываются на опушке леса. Закатное солнце освещает деревья и кустарники, что поглотили остовы домов, еще совсем недавно бывших целыми. То там, то там возвышались одни полуразрушенные печи да кое-где видные остатки плетей. Сады стояли неухоженными, огороды давным-давно заросли сорняками, а дороги пали под натиском бурьяна, и только впереди, казалось, в просветах травы и давным-давно повалившихся заборов, когда-то отмечавших чьи-то участки, виднелись многие года не знавшие сохи поля.

— Что... Где мы? — Саша бросает взгляд за спину. Дом с мертвецами никуда не делся, — единственное целое строение во всей округе, лишь покосившееся да овитое льнущими к стенам вьюнами и сорняками.

— Станица Староепатъевская, — откликается Серафим. — Точнее то, что от нее осталось после полного уничтожения всех жителей во время голодомора.

Саша не знает, что ответить и о чем спросить. Она только вновь оглядывается на дом. На мертвецов.

— Что произошло?

— Я могу только предполагать, и, думаю, это ты расскажешь мне, а не наоборот. Но все же предлагаю отложить разговор до того, как мы вернемся. Твои друзья не находят себе места зная, что ты пропала. Да и, откровенно говоря, мне не хочется тут задерживаться.

— Я... пропала?

— Определенно — почти на сутки. Оставив сумбурную записку Кате. Что последнее ты помнишь?

Саша склоняет голову, копаясь в воспоминаниях.

— Я за Женей отправилась. Его увел Вася. Точнее, кажется, он и есть Вася. Или нет... Я не очень точно могу сказать, что случилось.

— Разберемся. Позже. Пойдем, Саш. Тут правда не стоит оставаться. Особенно тебе. Насколько я могу судить, обитатель этого места покинул его, но все же не стоит попусту беречь местных демонов. Идем.

Маг берет ее за руку, словно боится, что Саша убежит, и направляет по одной из неожиданно сохранившихся не до конца заросших тропинок. Куда-то прочь от дома Васи, прочь от разрушений, мимо развалин и разрухи к полям и виднеющемуся в отдалении на пригорке зданию санатория.

Саша молчит. Слов нет — ни на вопросы, ни на ответы, ни на оправдания.

Тела все еще стоят перед ее глазами. Та комната... И люди — самые разные. Дети, взрослые, в военной форме и в пионерских галстуках, в спортивных костюмах и комбинезонах малых детей. Мертвые люди лежат там.

С каждым шагом она вслед за наставником отдаляется от этого места и ощущает, как слабеет доселе захватившее весь разум странное, неестественное напряжение, чужой голод и чужой страх. Не сразу, но Саша понимает, что и Изнанка вокруг, ощущаемая теперь за привычным барьером, беспокойно движется, словно бы переваривая что-то, оставшееся позади. Что-то, что по-прежнему беспокойно ворочается, постепенно затихая и погружаясь куда-то в глубины Отражения.

А еще чем дальше они удаляются от дома, тем сильнее она ощущает, как наставник снимает с себя слой за слоем куски навешенной защиты. И чуть с запозданием Саша понимает, что такие же щиты он убирает и с нее. Щиты, ни смысла, ни природы которых Саша не понимает совершенно.

Вопрос формируется, уже когда они подходят к тропинке, ведущей к основному подъезду в лагерь.

— Вы... ты ведь был в командировке, — с некоторым недоверием спрашивает она, словно предполагая, что Серафим разом вновь изменится лицом, как Василий, и станет кем-то другим.

— Был, — лаконично откликается маг. — Но как только смог я приехал сюда.

Зачем? — хотела было спросить Саша. Но не стала.

— Спасибо.

— Да не за что. Я пришел тогда, когда это мало что решало.

Саша только качает головой. Она не может описать, почему так уверена в том, что Серафим неправ. Но он неправ.

— Не возражай. Ты справилась сама. Я не то что не сражался со скиа — я даже не видел его.

— Но он видел тебя, — негромко отзывается Саша. — Он сказал, что за мной придут. Вася... Женя. Кем бы он не был — он не хотел драться. Он... Мне кажется он ничего не

хотел. Просто запутавшийся ребенок.

Серафим фыркает.

— Саша, скиа — кто угодно, но только не запутавшиеся дети. Они опасны, невероятно сильны и далеки от реального мира. И питаются, как ты могла заметить, живыми. Этот свил себе хорошее гнездо, настолько хорошее, что его ни одна проверка бы не заметила. Обычно они нападают хаотично, не скрывают своих следов и выбирают в жертву затронутых, чьи души и разум для них что яркий маяк. Так что скиа тут никто и не искал.

— Он просто хотел быть с кем-то. Утолить голод по общению. Но... они не выдерживали. Никто. Он просто хотел не быть один.

— Черная мамба, знаешь ли, тоже хочет утолить голод. Или пугается. Вот только тем, кого она убивает, ничуть не легче. Скиа опасны по своей природе.

Спорить дальше не имеет смысла. Он... он все равно не поймет.

А должен ли понимать?

— Скиа... тени?

— Тени, — кивает Серафим, бросая на Сашу короткий взгляд. — Отражения чего-то очень желавшего при жизни Затронутого, которого в момент смерти Грань не погубила, а изменила, сделав исполнение желания единственным смыслом существования и наделив огромными силами. Скиа обычно ищут мести, власти или просто несут ненависть вокруг себя. Этот по одной ему ведомой причине до того завлекал в свои сети незатронутых людей, стирая о них память и выпивая их до дна медленно, но неизменно, в собственном маленьком иллюзорном мирке, а тела выбрасывал в реальность. Большинство сил это существо потратило на строительство собственного убежища в Глубине и на то, чтобы скрыть следы своей деятельности.

— Он просто хотел чтобы кто-то был рядом. Это... понятно.

— Понятно, — с какой-то незнакомой интонацией соглашается Серафим. — И я даже могу понять, почему из всех скиа тебя потащил в логово.

— Он не тащил. Я сама пришла, когда поняла что Вася увел Женю. Но они оказались одним. Хотя Женя не хотел, чтобы я приходила. И Вася... Он ведь был просто ребенком, искавшим спасения от голода и одиночества. Несмотря на все силы.

Серафим долго молчит. Потом отзывается — когда они уже приближаются к КПП.

— В древних книгах говорится, что иногда скиа перерождаются, утолив до того не давший им умереть голод по недополученному или вспомнив что-то кроме него из своей прошлой жизни, но это было лишь теориями. Никто не знал, что эти чудовища способны на что-то кроме пожирания тех, до кого могут дотянуться. Возможно, это было ошибкой. Возможно, они помнят больше о себе, чем мы считали раньше. Но не стоит думать, что Тени безобидны. Тебе невероятно повезло, ведь, судя по всему, этот конкретный уже поглотил энергии достаточно, чтобы продолжить свой путь дальше, не сожрав и тебя. На твое счастье перерождение скиа, как оказалось, и правду возможно. Идем.

Спустя несколько часов после разговора Саше было по-прежнему определённо неудобно. И из-за всего произошедшего, и потому, что тихий, лишившийся всех детей санаторий казался каким-то пугающе пустым, и потому, что она едва держалась на ногах, и потому, что сейчас ее сверлили взглядами два могущественных мага.

Точнее, сверлил взглядом ее шеф, уставившись куда-то в центр лба неподвижным взором, тяжелым, как бетонная плита. Серафим же прикрыл глаза, хотя его внимание Саша ощущала даже сильнее. Это само по себе действовало на нервы. Она казалось какой-то

букашкой, которую изучали энтомологи под микроскопом. К тому же сейчас на привычном уже костровом ее отряда сидели кроме них троих присмирившие Коля, Катя, и участвовавшие в вторжении в Свободу близняшки Антонина и Леса. И если товарищи адепты выглядели разом встревоженными, заинтересованными и подавленными, то Леса бросала на Сашу взгляды, похожие на взгляды физика-ядерщика перед какой-то жутко сложной и непонятной экспериментальной установкой.

Все здесь из-за нее. Это никак не помогало успокоиться.

Хорошо хоть, что сейчас к ним бы и на пять метров не подошел ни один человек, а Марина Владимировна не задала ни единого вопроса, почему трое вожатых собираются задержаться в пустом уже санатории еще на сутки после разъезда всех детей.

— Что ж, — Михаил Ефимович наконец отводит взгляд. — Александра, в этот раз твоя огромная глупость была уравновешена огромным же везением. Скиа забрал у тебя порядочно сил, и ментальных, и энергетических, но во всем остальном я не вижу никаких отклонений от нормы.

— Все в порядке, насколько это возможно, — негромко подтверждает Серафим и чуть улыбается. — Скиа, Саша, существа могущественные, малоисследованные и смертельно опасные. Они поддерживают свою жизнь питаясь чужой, но до сих пор предполагалось, что нападают в основном на Затронутых и только в Отражении, в его глубинах, при том оставляя довольно специфический след своего присутствия. Этот же, по какой-то причине предпочел быть с людьми, а от Затронутых скрываться, и только для тебя сделал исключение. Расскажешь подробно, что произошло?

— С самого начала? — Саша невольно протянула руку к горящему костру. От него шло тепло.

Ей не хотелось рассказывать. Но выбора не было.

— С самого начала. С того момента, как ты сюда приехала.

Она рассказывает. Старается опускать ненужное, но все равно приходится разьяснять. Про Женю, про Васю, про еще какие-то мелочи, о которых спрашивают присутствующие.

— Тебя не насторожило, что беседы со скиа... с теми, чьи облики он использовал, занимали времени больше, чем ты по собственным ощущениям на них тратила? — с явным любопытством спрашивает Леса.

— Да нет. Это лагерь, тут быстро устаешь и все сливается в яркую карусель. Да и как-то это... Ну было и было.

— Думаю, это побочный эффект начавшейся раскручиваться Вуали, — задумчиво отзывается Антонина.

— Наверняка, — кивает Михаил Ефимович.

— Вуали? — Саша не уверена, что что-то усвоит из-за усталости, но все-таки слова мага будят интерес.

— Вуаль Времени, Саша, — Серафим подкидывает дров в костер и разливает по кружкам что-то из термоса, протягивая самую большую ей. — Это древний и сложный ритуал, цель которого после его завершения сильно смещается в потоке времени, и все воспоминания о ней так же подвергаются этому смещению. Иными словами, человек становится столь далек, что вся память о нем исчезает из умов живущих. Человек или иногда, в теории, может быть какое-то понятие или явление. На неживые объекты это не действует, и вещи жертвы остаются нетронутыми, но никто уже не помнит, чьи они. Воспоминания разрушаются постепенно, и чем ближе было знакомство с жертвой, тем

медленнее они исчезают. Но раскрученная Вуаль навсегда стирает их, так что только вопрос времени, когда все забудут о жертве этого проклятия.

— Жутко звучит, — тихо говорит Катя.

— Определенно, — кивает Серафим. — Воздействие не мгновенное, и, судя по всему, скиа в некотором роде распространял его вокруг себя, возможно, даже не понимая этого.

— О нем забыли. И о нем, и о его доме и семье, — с грустью говорит Саша. — Может, в этом дело?

— Возможно. Мы будем разбираться. Так или иначе, Саша, я удивлен, что ты не проигнорировала этот факт.

Саша чуть пожимает плечами.

— И Вася и Женя были... просто детьми, и все. Я не чувствовала от них угрозы, да и на Изнанке было чисто. Поэтому и не придавала значения.

— И тому, что кто-то, похитивший одного из твоих, как ты думала, ребят из отряда, может быть опасен? Неужели ты не понимала, что бежать за ним ничего никому не сказав — глупость, и глупость убийственная? — Михаил Ефимович говорил довольно спокойно, но в его словах Саша чувствовала укор. — Разве тебе не объясняли десятки раз, что самонадеянность в нашем мире может оказаться не просто опасной, а смертельно опасной?

— Объясняли, — щеки заливают краска. — Но... Женя мог погибнуть.

Маг качает головой.

— Глупость порой страшнее любого оружия. Глупость и наивность. Оставить невнятную записку и сбежать, не предупредив никого толком — очень и очень необдуманно. Благо, на Затронутых Вуаль действует медленнее, особенно на тех, кто знаком с жертвой, и само ее воздействие после набора хода можно отследить, так что тебе не придется заново знакомиться со здесь присутствующими. Но насчет остальных у меня нет уверенности.

— Меня могут... забыть?

— Дальние знакомые — возможно. Этого нельзя сказать наверняка.

Саша сглотнула. Ладно, у нее нет семьи, и не было, подруг особо не было, Анна... и к лучшему. А Боня? Он ее тоже забудет?

— На животных Вуаль не действует, — просто откликается Серафим на незаданный вопрос. — Да и была ты под ней недолго.

— А... остальные? О них вспомнят?

— Едва ли. Но мы сможем установить их личности теперь, когда скиа ушел и оставил тела без прикрытия. Ладно, я предлагаю всем адептам отправиться отдыхать. Александра — тебе в особенности. С тебя хватит испытаний на ближайшее время.

Саша кивает и на нетвердых ногах отправляется прочь от костра, рядом с которым остальные маги ведут тихий разговор и вторящий ему безмолвный обмен образами, значения которых понимаю только они сами.

— Это, Саш — Коля догоняет ее у самого входа в комнату — ты прости меня.

— За что?

— Дурак был. Нормальная ты, я просто... В общем, дурак был. Мне жаль, что все так закончилось.

— Все закончилось, — чуть улыбается Саша. — Все нормально. Я не держу обиды.

На деле сил на обиду нет. Ни на что нет. Она просто плюхается на кровать прямо в одежде и засыпает, словно проваливаясь в никуда. Но там хотя бы нет страха и голода, окружавших всеми забытого мальчика со всеми забытой станицы. Мальчика, просто

хотевшего избавиться от одиночества. Считавшего, что от одиночества вообще можно избавиться.

— Плохо? — сочувственно осведомляется Серафим.

Саша вздрагивает, хотя и слышала приближающиеся шаги, и только выше натягивает плед.

— Муторно, — честно признается она.

А еще больше всего я хочу забиться в угол и рыдать. И именно поэтому я пошла прочь из комнаты, — чтобы никто меня не видел.

Короткий сон принес мало облегчения, и Саша, пролежав в кровати почти час в надежде, что сможет вновь заснуть, с этой надеждой рассталось и отправилась сюда, в беседку, прихватив чай и вновь пожалев об отсутствии кофе. В четыре утра.

Наставник тоже пришел сюда в эту рань. Хотя он наверное и не ложился вовсе.

— Если ты хочешь — я уйду. Но некоторые вещи становятся легче пережить, если рассказать о них.

Саша неопределённо пожимает плечами, плотнее заворачиваясь в плед. Она не хотела рыдать при ком-то. Но с появлением наставника пришло тепло. И плед, кажется, стал греть в разы больше.

— Мне точно лучше, чем ему, — невесело усмехается она. Уточнять, о ком идет речь, не нужно.

Серафим, восприняв это как согласие на разговор, садится рядом. И протягивает ей чашку с ароматным кофе. И откуда?..

— Держи. Тот, кто был скиа, продолжил свой путь. Думаю, таков естественный порядок вещей — мы все когда-нибудь умираем. Обычно тени уходят в бою, развоплощенные Кругами или Конклавами. Но, как теперь ясно — есть и иной вариант. Более естественный, как мне кажется. То, что нам остается — оплакать мертвых и заботиться о живущих.

— Со мной все в порядке. Просто... Муторно. Словно гигантской мясорубкой пожевало. Знаю, что ему хуже пришлось, — чашка согревает руки.

— Это не имеет значения — кому хуже, а кому лучше. Нет смысла сравнивать себя с кем-то, все эти голодающие в Африке — только попытка обесценить собственные чувства, а делать это нет никакого смысла. Чувства-то от этого не исчезнут.

— Наверное, — Саша рискует глотнуть кофе. Теплый и вкусный, не приторный и даже не горький. — Прости.

— За что?

— Мне нужно было позвонить тебе. Или написать. Или связь использовать как-нибудь. Когда поняла, что Вася повинен в исчезновениях людей. Найти Катю или Колю, взять телефон. Известить тебя, а не бросаться вперед.

— Нужно было, — соглашается Серафим. — Но что сделано, то сделано.

— Ты не... сердишься? — выходит по детски, честно говоря. Саша и сама понимает. Но все равно хочет знать ответ. Почему-то сейчас это важно.

Наверное, она просто на деле все-таки не хочет быть одна. Сейчас. Слишком устала.

— Нет. Конечно, я хотел бы, чтобы ты обратилась ко мне. Но так же и понимаю, почему ты этого не сделала. Так что нет, не сержусь. Но надеюсь, что в следующий раз ты вспомнишь про меня. Вроде как на меня Вуаль Времени не набрасывали, — чуть шутливо заканчивает маг. — Хотя больше надеюсь, что «следующего раза» не будет. Но вероятности

говорили, что и здесь не было для тебя опасности. И это оказалось совершенно не так.

— Я не думаю. На деле, несмотря ни на что — Вася не причинил бы мне вреда. Он был странным, имел большие силы, но оставался просто ребенком, тщетно надевающимся, что кто-то сможет разделить его жизнь и его боль от начала и до конца. И только.

Именно поэтому она и не боялась. С самого начала — никаких дурных предчувствий.

— Мне бы твою уверенность.

Саша чуть пожимает плечами. Спорить нет желания.

— В любом случае — ты был где-то далеко и занимался важными делами.

— Был. И через неделю уеду опять, к сожалению. Меня и остальных вызвали для обучения нескольких групп магов. Ближе специалистов не было, а у нас соглашения. И, увы, отказаться нет возможности. Так что еще два месяца ты сможешь продолжать сеять хаос в городе к моему и Мишиному неудовольствию.

— Не буду. Мы вообще все зря сделали тогда. Катя с Колей если хотят пускай развлекаются, мне хватило. Это была длинная смена, и урок усвоен.

О том, что она вообще хоть раз в жизни еще раз напьется, Саша даже и не думала.

— Не стоит так сразу ставить на себе крест, еще успеешь, — усмехается маг. — Хотя, я надеюсь, остальное пройдет в рамках Закона. Но для начала тебе нужно отдохнуть. На деле ты отдала в этой истории сил куда больше, чем думаешь, и сейчас все кажется мрачным.

Саша фыркает.

— Все и есть. Просто... мы заигрались.

— Немного, — Серафим кивает. — Но это случается. Вы, по крайней мере, нос Сфинксу не отбивали.

— Что? Это...

— Нет, не я — усмехается наставник — но — да, молодые маги повеселились. Знатный скандал был, между прочим. Международный.

Саша фыркает. Она точно не будет делать ничего такого. Даже близко похожего.

— Расслабься, — Серафим треплет ее по плечу. — Все закончилось. Не требуй с себя ничего. Отдохни — и вновь развлекаться. Только аккуратнее.

Саша чуть улыбается. Грустно, на самом деле.

— Попробуй хотя бы. Никто не рассчитывает, что сегодня все будет как раньше, и ты будешь бодра, весела и готова к новым свершениям. И что вернувшись в город ты не завалишься на недельку на диван бездельничать.

— Вряд ли.

Она глаза закрывает и видит взрослого не по годам Василия. Чувствует его страх и его голод.

— Воспоминания не отпускают?

Саша чуть поджимает губы, не отвечая. Но ответ и не требуется.

— Я могу помочь. Это не больно.

— Я сама.

— Зачем?

— Что?

— Зачем — сама? Я верю, что ты можешь справиться. Но ради чего мучиться? Мне не сложно помочь, и определённно я буду более спокоен, зная после всего случившегося кошмары будут меньше тебя беспокоить.

Маг говорил так... естественно. Саша чуть повернулась. Серафим в своей неизменной

черной одежде смотрел на нее с большой мягкостью.

— Нормально быть не в порядке, Саш. Никто не ждет, что все будет иначе.

— Прости. Я... знаешь, я хотела помочь ему. Но не могла. Нечем. Даже умирать как-то меньше страшно, как знать что нечем помочь.

— Со смертью нашей жизнь оканчивается, и боль вместе с ней. А вот со смертью других боль приходит к нам и не уходит боле. Не мои слова, но я с ними согласен.

Саша качает головой и заворачивается в плед.

— Ты справишься. Но нормально делать это постепенно, — Серафим чуть улыбается.

Чужая магия касается ее и противостоять ей сейчас совершенно не хочется. Прикосновение и разливающаяся вокруг, окутывающая разум сила, словно мягкой губкой стирает безумную, запредельную яркость прошедших событий, до того в ночной темноте горевшую огнем и мешавшую и уснуть, и сосредоточиться на чем-то ином кроме воспоминаний.

Саша не забывает. Ничего не исчезает — но приглаживается. Это случилось. Это случилось с ней. Но теперь кажется, что случилась довольно давно. И, главное — больше не повторится. Это было и осталось в прошлом, о котором неприятно вспоминать. Как похороны матери, скажем. Они были, и ей было больно — но уже прошли. Канули в лету. Так и Вася теперь казался бесконечно далеким куском чужого мира, который в итоге не имел к ней самой больше никакого отношения. Они встретились, и, наверное, изменились оба. И пошли дальше. Каждый — своим путем. И ее, определенно, ждет много и разного. Усталость — эта история высосала, кажется, все соки, да и смену не назвать простой. Отдых дома. Вкусная еда. Мурчащий Боня.

И, откровенно говоря Саша надеялась, что Серафим сможет найти время ответить на ее вопросы о произошедшем. Не те, что она задавала вчера, а те, что требует куда более неформальной атмосферы. До отъезда. А если нет... Ну что ж, спросит потом. У нее есть время, и стоит им распорядиться с пользой. А то, что будет после... Оно будет. Для всех. Но не стоит этим неизбежным будущим отравлять настоящее. Как не стоит отравлять настоящее и прошлым.

Всему свое время.

— Сядь, Александра.

Саша с некоторым сомнением села на стул для посетителей. Вызов Михаила Ефимовича едва ли предвещал что-то хорошее. Но, с другой стороны, она честно не помнила никаких своих прегрешений за последнее время. Пара хвостов осталось перед аттестацией, но по их переносу удалось договориться полюбовно, да и ничего такого в этом не было, не одна она такая. Основной трехлетний курс обучения подходил к концу, и кроме этих письменных работ все практические задания вместе с основным теоретическим опросом она сдала без труда. Признаться, за это было даже немного стыдно перед однокурсниками, ведь вопреки предположениям Серафима, сила менгира стала подвластна ей еще год назад, почти сразу после той, стоявшей немало нервов, истории со скиа.

Магия давалась ей легко. Настолько, что часто о чем говорят, задавая вопросы по тому или иному колдовству, Коля с Катей, даже не было до конца понятно. Разумеется, знаний не хватало даже до уровня полноценного мага Ордена. Но с тем, что давали делать адептом, не было никаких трудностей.

Теперь между Сашей и окончанием формального начального обучения, помимо несданных хвостов, стояла и итоговая практика. Если все пройдет удачно и ее действия одобряют, то потом можно рассчитывать на углубленное обучение в рамках работы оперативного отдела, куда сама Саша и стремилась. Если.

Она могла быть полезной. Хотя бы благодаря своей силе, превосходившей возможности многих обученных волшебников. Она хотела быть полезной.

Но что и как сложится загадывать не стоило.

Тем временем глава Ордена отодвинул бумаги, которые до того перебирал.

— Обычно ты приходишь сюда после очередного нарушения принятого в нашем обществе порядка.

Саша настороженно посмотрела на мага, ожидая продолжения.

— Теперь нарушить установленный порядок предлагаю я. Вас ведь еще не распределяли по местам практики?

Саша отрицательно качает головой.

— Вот и отлично. Видишь ли — если отправить тебя куда-нибудь в филиал вместе с твоими товарищами или без них, из этого будет немного толку. Само по себе изучение внутренних дел Ордена — не самый захватывающий опыт. Порядки отличается и от места к месту, и от отдела к отделу, да и насколько я понимаю, ты намереваешься продолжить обучение, так?

Саша кивает, по-прежнему несколько настороженно рассматривая мага.

— В таком случае для этого будет время. Или Ксандр тебя натаскает, если понадобится. К тому же практикантов традиционно гоняют с пустяковыми поручениями, что с твоей силой совершенно бессмысленно и потенциально опасно.

— Опасно? — Саша в первый за все время вообще открыла рот. В присутствии Михаила Ефимовича она неизбежно чувствовала себя хронически неуспевающей школьницей из начальных классов. Впрочем, если учесть начало знакомства, то это и неудивительно.

— Обстоятельства могут сложиться так, что возникнут вопросы, на которые не нужно давать ответы. Круг тех, кто знает о твоей связи с менгиром, сейчас ограничен участниками

событий в «Свободе», следователями и судьями, участвовавшими в том процессе. И это должно так и остаться.

Саша кивает. Серафим говорил то же самое. Столько раз, что это начинало, откровенно говоря, даже несколько настораживать.

Но причина была. Пока, насколько она знала, идейного вдохновителя всей той истории так и не нашли. Вроде как все нити вели к российскому Совету, и там терялись. Впрочем, в таких делах планы могли строиться на годы, десятилетия, а то и столетия вперед. И расследования иногда занимали не меньше времени. Да и насущные дела никто не отменял.

— Поэтому вместо традиционных двух месяцев на роли «подай-принеси» я хочу поручить тебе расследование одного инцидента. Самостоятельное — с отчетностью, разумеется. Я не настаиваю, и в случае отказа не намерен использовать свою власть для наказания, — маг чуть усмехается. — Ни для чего вообще. Пройдешь в этом случае практику на общих основаниях.

Несмотря на заманчивость предложения, Саша определённо ощущала искушение отказаться. Расследование. Дело в «Свободе» привело к бойне. Женя в той деревне по сей день являлся во снах. Можно было бы быть как все... Хотелось быть.

Но тут, действительно, если что-то случится... Если Саша применит силу, защищая кого-то или атакуя яростно и безрассудно, как уже бывало, то это действительно не останется без внимания. А в том, что ситуация и ее собственные эмоции не толкнут на какую-нибудь историю, уверенности не было. Да и к тому же она ведь хотела стать оперативником. Расследовать происшествия и задерживать преступников, как мечтала в детстве. Вот тот шанс, от которого, конечно, можно отказаться. И испортить себе репутацию, определённо.

Не пошлют же ее куда-нибудь к бандитам под прикрытием?

Во второй раз, по крайней мере.

— Я хотела бы в будущем быть оперативным сотрудником Ордена, — с осторожностью говорит Саша. Не факт, что ее возьмут на эту работу, разумеется. По крайней мере, по ее собственному мнению. — И если есть возможность попробовать себя в деле, то я хочу ее использовать.

Михаил Ефимович кивает и протягивает ей папку.

— Думаю, изучив это, ты поймешь выбор исполнителя.

Саша разворачивает документы. По рукам пробегает слабые всполохи магии, словно бы пробующие ее ауру на вкус. Что-то из области защитных чар, очевидно, но сам тип щитов скорее связан с ментальным полем. Интересно. Впрочем, вроде как глава Ордена был менталистом как раз. В папке не так и много бумаг. Карта, спутниковый снимок с хорошим разрешением, несколько фотографий, какая-то орденская выписка и газетная статья, которую Саша едва пробегает глазами... И останавливается, поднимая взор на Михаила Ефимовича. Тот невозмутим.

— Как ты понимаешь, мы не можем подобные вещи оставлять без внимания. Но присутствие в такой закрытой среде нового человека, к тому же ничего не знающего ничего про то, что это за люди и чем они занимаются, едва ли поможет расследованию, и гарантированно встревожит всех причастных. Ты же, насколько мне известно, когда состояла в подобной компании, — маг указывает на одну из фотографий.

Саша это фото знает. Оно из ее собственного альбома в социальной сети. Сколько лет прошло с тех пор, когда его сделали? Больше десятка, наверное. И точно больше шести лет

она не появлялась в Дендрарии, на поляне где обычно собирались ролевики. А кстати, где они собираются теперь?

— Я давно не езжу на игры, — тот факт, что кто-то распечатал ее личную фотографию, несколько коробил. Хотя социальные сети на то и... социальные.

— Чем не повод поехать?

Логично. Саша вернулась к чтению заметки. Это была короткая статья из какой-то местной газеты о «играх, крадущих разум наших детей», где красочно описывалась как молодежь, вместо приобщения к доброму, светлому и вечному, бегают по лесам-полям с дрынами наперевес и калечат друг друга, представляя себя принцами, рыцарями и воителями прошлого в исступленном желании сбежать от настоящего. Еще хоть более-менее прилично, а то некоторые писали и про оргии на открытом воздухе, и много про что еще. И связана эта статья была с небольшой рекламной заметкой, найденной журналистом, о проведении закрытой полевой игры «Под знаком фантазии», организаторами которой был обещан невиданный уровень погружения персонажей и мир, индивидуальные собеседования с игроками и много чего еще. Выписка же была написана на языке, столь полного специфическими терминами, что Саша едва разобрала общий смысл. Вроде как речь шла о том, что эта самая игра как-то слишком уж ярко отсвечивает в Отражении и вероятностях, что само по себе требует интереса и расследования.

— А что, от меня, собственно, нужно? Я не до конца понимаю.

— Узнать, кто и когда проводит это мероприятие. Если без имен, то хотя бы адреса, чтобы мы могли с этим работать. Как минимум. Как максимум съездить туда и выяснить, что так отсвечивает и кто за это ответственен. Как показывает опыт подобных пересечений от аналитиков, речь, скорее всего, идет о злоупотреблении магией, но и колдовство исключать не стоит, как и случайное или намеренное использование людьми артефатов или ритуальных мест. Получишь временные полномочия официального представителя Ордена.

— Мне нужно будет работать под прикрытием?

Михаил Ефимович бросает на нее взгляд, несколько секунд размышляет, потом качает головой.

— Получишь амулет сокрытия ауры, но прямой необходимости все время проводить с ним нет. Принудив вас к скрытному расследованию в санатории, я рассчитывал показать некоторые грани ответственности, тогда как оперативная работа не всегда предполагает, что скрывать свое присутствие — верный путь. К тому же я не рассчитываю на осложнения ситуации и необходимость столкновения с нарушителями Закона, но это не значит, что этого гарантированно не случится.

Саша кивает. Она, определенно, много знает об отсутствии гарантий в мире магии.

— Папку забирай, бумаги на особый порядок практики и полномочия я тебе отдам. Серафим в курсе, так что можешь обсудить все с ним. Практика самостоятельная, но спрашивать совета и искать союзников никто не запрещает. К тому же я крайне рассчитываю, что задержанием виновников займутся оперативники и что история с тенью больше не повторится.

Саша только кивает. Вот какой выпускной экзамен, значит.

— Время?

— Насколько я понял, эта игра состоится как раз через месяц. После — на твое усмотрение.

— Вроде все ясно. Я могу идти?

На самом деле вопросов у нее было множество. Но сейчас едва ли было время для них.

— Иди. И постарайся не хвастаться своим назначением, у меня нет индивидуальных заданий на всех.

Она и не собиралась.

— И что ты намерена делать?

Саша несколько секунд созерцала чай в кружке, раздумывая над ответом. Не то чтобы она правда рассчитывала скрыть что-то от Серафима. Да и зачем? Хотя план и был достаточно расплывчатым.

— В эти выходные ребята в Дендрарии собираются, если верить паре ролевых групп в контактике, в которых я все еще состою. Приду, выясню что да как, поговорю с теми, кто там сейчас организатор. Напишу паре знакомых из тех, кто остался в движении, сошлюсь на рекламу да попробую выяснить, кто там в мастерской группе. Организатор то бишь. И выйду на них сама, — Саша чуть пожимает плечами.

— Дальше?

— Если Затронутые — то извещу Орден. Если люди, то попробую пройти отбор в число игроков, — Саша вздохнула про себя. Из нее, определенно, был не лучший переговорщик, и что нужно будет сделать, если просто так на это закрытое мероприятие попасть не удастся, было пока не очень понятно. Но что-нибудь сообразит на месте. — Или хотя бы выясню, где все проходит, и приду посмотреть. Это должен быть или частный полигон, или какой-то из известных, вряд ли кто-то бы захотел заморачиваться и поляну в центре леса огораживать. Я была, недолго правда, в организаторской группе подобных игр. Есть несколько критериев... Да много чего, на деле, так что не попаду на саму игру, думаю, смогу вычислить место и так. Нужно попасть туда, а дальше по обстоятельствам.

— По обстоятельствам, — Серафим отхлебнул кофе и захрустел вафлей. — Ты в курсе, что действия «по обстоятельствам», читай — без нормального плана, часто оканчиваются плачевно?

— Ну любой план не выдерживает столкновения с реальностью. Так что импровизация — наше все. — Саша едва подавила порыв закатить глаза.

Наставник в последнее время был, определенно, несколько напряженным. После дурацкой истории со скиа, он, кажется, уверился, что за каждым поворотом Сашу ждут неприятности, а потому с маниакальным упорством требовал и соблюдения правил безопасности, и продумывания своих шагов в практических заданиях, и заучивания наизусть каждого из заклинаний, с которыми знакомили на общих занятиях в Ордене. Наизусть! Плетение, без образов, только плетение, слова и жесты, словно Саше это вообще было нужно. Силы хватало для того, чтобы не следить за интонацией исчезнувшего языка и правильностью пассов. И поди же ты... Это начинало надоедать. На самом деле.

Гордыня была грехом, да. Но всему же есть предел?

— Это не ответ.

Саша только вздыхает.

— Выясню, что там происходит такого магического и есть ли там вообще магия и Затронутые. И передам эти сведения в Орден, для дальнейшего расследования. Напишу отчет и буду ожидать решения о завершении практики.

— Как выяснишь?

Саше захотелось застонать. И за что этот допрос?

Но пришлось взять себя в руки, напрячь память, и выложить все, что она помнила о прямом и косвенном сканировании, базовом вероятностном пересечении, теореме Штайна

— Вайнера и приемах вскрытия маскировки, что по силовому, что по обходному пути. Хотя все эти теории сводились, надо признать, к одному простому принципу. Смотрящий да увидит, простыми словами. Саша была уверена, что оказавшись на месте, она что-нибудь да ощутит, а вся эта теория и на ум не придет, не то что поможет. Магия для нее в последнее время была чем-то вроде потока, разливающегося во все стороны. Поток, течения которого легко было разобрать и направить, стоило только захотеть.

И иногда у нее возникало ощущение, что наставнику это все почему-то не слишком нравилось. Серафим не подавал виду. Но чем легче были для Саши магические упражнения, чем больше и больше он требовал знать теории, и все более сложные логические и этические задачи давал, требуя объемного, логичного и продуманного ответа, нередко притом связывая эти задачи с ее собственными слабыми сторонами. В стиле «А что если?».

Словно она в чем-то провинилась с этим менгиром, из-за которого все и было.

— Ты считаешь, что я занудствую, — стоило Саше закончить описание того, как она собирается искать магию на месте игры, как Серафим резко изменил тему.

— Что?

— Ты прекрасно слышала что я сказал, — отмахивается Серафим.

— Это не так.

— Саша, ты совершенно не умеешь врать. Так, на будущее. Никакой магии не надо чтобы это увидеть. Тебя раздражает внимание к мелочам. И тебя раздражает, что вместо того, чтобы радоваться первому полностью самостоятельному заданию, в котором ты и только ты будешь решать, как действовать, приходится на ходу придумывать ответы на вопросы, которые ты не считаешь важными.

Саша чуть поводит плечом, опасаясь еще раз быть пойманной на лжи. Ругаться с наставником совершенно не хочется.

Несколько секунд в кухне стоит довольно неприятная тишина, но потом Серафим первым прерывает ее, говоря с несколько незнакомой Саше серьезной задумчивостью.

— Ты молода. И по нынешним меркам людей, и тем более — для Затронутых, где три года обучения едва ли равны чему-то вроде начальных классов школы. И как и все юные, хочешь испробовать себя в деле, — Саша хочет возразить, но Серафим только поднимает руку и продолжает свою речь, — доказать себе в первую очередь и всему миру во вторую, что ты чего-то стоишь, применить дарованную силу, которой тесно в рамках простых занятий. И я все это прекрасно понимаю. Я тоже был молод, хотя и было это немало лет назад. Но, видишь ли, мало что понимая в нашем мире, почти ничего не зная о магии и о себе самой, ты получила в руки огромную силу. Хотя предполагалось, что менгир переформирует потоки в течение десятилетий, это произошло гораздо, гораздо быстрее, чем кто-то мог предположить, и сила камня прибавилась к твоей собственной, тоже увеличивающейся. Ты не видишь этого, на самом деле. Пока не видишь. У тебя есть сила, но нет ни знаний, ни ответственности в том, как именно ее применять, и это не может не тревожить.

Саша вздрагивает, вспоминая того парня, которого она случайно бросила под колеса авто. Как выяснилось позже — именно из-за того, что она от испуга не совладала с силой и вышло ее заклинание в разы сильнее стандартного, хотя хотела-то наоборот.

— Я не считаю, что ты сознательно навредишь кому-то, Саша, — наставник явно в курсе ее мыслей. — Вовсе нет. Но то, что кто-то может воспользоваться твоей неопытностью и эмоциональностью вполне допускаю. Мы пока не нашли «начальника»

Хачатряна и не знаем, что именно у него на уме в отношении тебя. А вместе с тем, что меня в выходные ждет самолет в Хакасию и двухмесячное общение с тамошней публикой, что меня совершенно не радует. Почему-то каждый раз, когда меня нет в городе, ты куда-то влипаешь.

Саша бросает на Серафима откровенно недовольный взгляд. В историю со Свободой ее откровенно втянул Орден с согласия самого наставника. Скиа в санатории не представлял угрозы. Это — неприятности?

— Вы чего-то опасаетесь?

Серафим вздыхает и откусывает очередную вафлю.

— Того, что я и за всю жизнь не приучу тебя обращаться ко мне на «ты» в любой ситуации, а не стену сразу строить. Саша, если бы я опасался чего-то конкретного, то ты бы отправилась проходить по нашему отделению и под моим руководством. У меня нет желания разбрасываться учениками. И так выясняется, что теоретически не представляющее угрозы дело в твоём случае имеет тенденцию перерасти во что-то смертельно опасное.

Саша сложила руки на груди, чувствуя слабое-слабое, но осязаемое колебание в отражении. С недавних пор она начала понимать отголоски настоящих эмоций даже Серафима, который закрывал себя эмоциональными щитами, как и все маги, и делал это очень и очень хорошо. Преподавателей и соучеников читать вообще не представляло трудностей, как и большую часть все тех орденцев, кто приходил к ним на практики. Исключение составлял только Михаил Ефимович. Его эмоции, даже слабые, совсем слабые их отголоски, были для Саши совершенно недоступны, укрытые непроницаемым блоком.

— Это не вся правда, верно?

Ей порядком надоели недомолвки. Делало ли ее раздражительной постоянное принуждение к бессмысленной ерунде или же просто все достало... Но тем не менее Саша решила пойти напрямик.

Серафим несколько секунд изучал ее тяжелым взглядом. Потом отложил откусанную вафлю.

— Не вся. Хотел бы я, чтобы такую пронизательность давал опыт, а не дармовая сила... Но, видишь ли, я прекрасно понимаю, насколько ты не в восторге от моих требований и методов с тех пор, как менгир вошел в силу. Ты хочешь действовать, изучать что-то стоящее, а не идти вровень с однокурсниками, с которыми тебе скучно, или бесконечно выполнять мои однообразные задания.

Это не было ответом, и Саша просто продолжала сидеть скрестив руки.

— Был у меня один ученик. Давно. Похожий на тебя настолько, что я иногда думаю, что вы могли бы быть братом с сестрой, — Серафим усмехается. Но потом серьезнеет и продолжает, — умный, благородный, с хорошим потенциалом, он тоже очень быстро обрел большую силу, хотя и не был связан ни с каким менгиром. Врожденный талант. Он закончил орденское обучение, стал работать ритуалистом, но все это было для него мало. Не из желания власти, вовсе нет. Мой ученик, понимая, как многое он может, хотел сделать этот мир лучше. Он был молод, порывист и не всегда думал, чем закончатся его авантюры, полностью полагаясь на силу, которая вела его и которая ластилась к нему, словно кот к настоящему, избранному хозяину. Он не задавал себе вопросов о том, как именно и что собирается делать, не желал ждать одобрения других магов ордена и считал, что я совершенно зря не делюсь с ним «по-настоящему важными знаниями, к которым он давно готов».

Ничем хорошим такая история не могла закончиться, и Саша слушала, как замороженная, понимая, что Серафим рассказывает часть своего подлинного прошлого, а не какую-то поучительную сказку. Часть прошлого, по сей день вызывающего у него явную, ощутимую боль.

— Мой ученик решил, что сам будет выбирать, чему учиться и что совершенствовать. И пошел в область, которая, как ему показалось, принесет всем большое благо. Он хотел победить мор и страдания, создав возможность переселять сознания людей в неживые объекты, а потом в оставленные или искусственные тела. Дитя, желавшее века прогресса и науки, что сказать. В том виде, в каком все это было в Петербурге в то время. Он был совершенно уверен, что его сила подскажет верный путь, и не обращал внимания ни на вопросы, ни на предостережения. Я привел его в наш мир, но оказался бессилён отговорить идти по выбранному пути, ведь, по его мнению, был старым осторожным занудой, стесненным догмами прошлого. И не только я один. Наши пути разошлись, и хотя я надеялся, что рано или поздно он одумается и перестанет сжигать душу и разум, но ошибся. Мой ученик пошел против Закона и рассудка, желая спасти сначала больную чахоткой дочь, потом — жену, а потом и вовсе втавив в свои сети еще несколько десятков Затронутых и людей. Пути к бессмертию он не нашел, но вот гибель себе и другим — да. Сила вела его — и привела во тьму.

Саша сглатывает.

Сколько бы лет ни прошло — вся эта история вовсе не осталась для Серафима в прошлом.

— Миклоша казнили. Я покинул мир магов на полтора столетия, пытаюсь понять, где допустил ошибку. Но на этот вопрос я до сих пор не знаю ответа, несмотря на свой опыт и могущество. И теперь я встретил тебя.

— Я не хочу... ничего такого.

— Да, — просто признает Серафим. — Но и ты уже сейчас чувствуешь, что одной только твоей силы достаточно для решения всех задач. Зачем нужен план и знания, если чувства подскажут, а воля направит магию вокруг? Я понимаю это. Но так же я хорошо знаю, на какую дорогу приводит отсутствие баланса ответственности и могущества. Ты благородный человек, Саша. Чего стоит твой поход к скиа в желании помочь, как ты считала, невиновному ребенку. Но ты уже сейчас начинаешь слишком полагаться на Отражение, забывая, что все мы люди, что мы не должны справляться со всем в одиночку и что наши поступки, хотя и приводят порой к чудовищным последствиям, так же, как и поступки обычных людей, рождаются при слиянии плана, анализа ситуации и эмоций.

Саше нечего ответить. Она, честно говоря, не совсем понимает, куда клонит маг.

Серафим несколько секунд смотрит на нее, потом продолжает более буднично.

— Просто будь осторожна, не лезь на рожон и делай только то, что от тебя ожидают. Миша ясно дал понять, что охотится за этими нарушителями порядка и спокойствия, чтобы они на этой игре не затевали — не твоя задача. Что бы там вообще ни происходило, разбираться в этом не твое дело. Твоя задача — найти магическую активность и указать на нее Ордену, и пускай Мишины ребята сами разбираются с виной, невиновностью, операцией задержания и вот этим всем. Понимаешь?

Саша кивает.

— Я надеюсь, что на этот раз дело окажется таким, как представляется. Но как ты понимаешь — надежды не всегда оправдываются. Я не хочу давить на тебя, Саша, но просто

напомню — ты всегда можешь мне позвонить. В Хакасии я, в Норвегии или где-нибудь в Австралии. Не возьмет телефон — используй связь, я способен уловить ее колебание даже через необходимые для моей работы блоки. Не устраивай себе проблем, ладно?

— Постараюсь.

Серафим чуть улыбается и возвращается к поеданию вафли.

— Пока я не уехал — хочу узнать твою ставку, кто на этот раз возьмет Лигу Чемпионов?

За три года Саша ни разу не угадала. А что если?

— И без магии, я слежу. Только аналитика.

— Тут всегда есть элемент везения...

Под укоризненным взглядом Саша только вздохнула. Налила себе чай, отодвинула от совсем близко подкравшейся Бони вафлю и принялась рассуждать о шансах на чемпионский титул всех более-менее достойных претендентов. Должна же обещанную бутылку трехсотлетнего вина все-таки у Серафима выиграть?

А о рассказанном магом она подумает. Потом.

— И что ты думаешь? — Гвен кивком головы указала в сторону переодевавшихся в паре метров ребят.

— Все изменилось, — только и могла ответить Саша.

Она не была на таких вот сходках ролевиков очень давно. Жизнь назад по собственным меркам. Страница, вроде как навсегда перевернутая.

Но все же приход в дендрарий вновь, хоть и по делу, разворошил множество воспоминаний. По совести, воспоминания вторглись еще тогда, когда из кучи барахла в шкафу, которое все рука никак не поднималась выкинуть, Саша выудила щит, меч и топор. Не настоящие, разумеется. Топор имел наконечник из резины, меч был создан из дюралюминия и совершенно никак не заточен, так чтобы им едва ли бы удалось хорошо разрезать даже кусок масла, а щит, несмотря на свои немаленькие габариты, в реальности не выдержал бы никакого серьезного удара даже дубинкой, что уж говорить про настоящее оружие. Меч и топор она сделала сама, щит же был подарком старого друга, с которым давным-давно прекратилось общение.

У нее было много их — друзей, с которыми разошлись дороги. За «взрослыми делами» Саша уже и забыла то время, когда она училась сначала в старшей школе, а потом на первых курсах университета, проводя свободные часы вместе с компанией таких же юношей и девушек, желающих хоть ненадолго создать вокруг себя сказку и самим в нее поверить. Они вместе делали оружие и щиты, достаточно похожие на настоящие чтобы можно было поверить в их подлинность и достаточно безопасные, чтобы хоть при малой дозе разумности в обращении не причинить травмы поверженному таким инструментом войнику. Ну не больше синяка, по крайней мере, и разбитых пальцев. Делились выкройками и идеями как пошить те или иные штаны или рубаху, подходящие к роли, скажем, Арагорна или лесного эльфа из Вархаммера. Пробовали обрабатывать кожу, чтобы делать подсумки и броню, искали по рынкам нужного диаметра древки для копий с мягкими наконечниками...

Саша против воли улыбалась почти весь вчерашний день, разбирая пакет с оставшимися костюмами. «Прикидами», как их называли в движении. Забавно, что занимавшиеся тем, что на Западе называли ЛАРП, чаще всего говорили о себе как о «ролевом движении», хотя на деле никто никуда не двигался в том плане, как можно было подумать. Они придумали игры, придумывали роли, учились сражаться, стрелять из лука и просто хорошо проводили время в небольшой компании таких же, чуть не от мира сего, ребят. Самые предприимчивые организовывали мероприятия, игры, придумывали сюжет, персонажей, искали полигоны, писали правила и на месте следили за порядком. Что-то похожее на театр, только как если бы сценарий заканчивался описанием персонажей и их целей, а потом актеры импровизировали, ведя историю к финалу только собственным воображением. Иногда организаторы-мастера подкидывали задачки отдельным игрокам, фракциям или вовсе всему полигону, объявляя какие-то происходящие события, но в большинстве случаев условный Фродо мог отдать кольцо условному Боромиру, а тот мог убить Арагорна во сне и отправиться смещать своего отца в Гондор. Или и вовсе потерять кольцо в ручье... И такое бывало.

Играли по разным мирам, по книгам известных или не очень авторов или и вовсе в сюжеты, придуманные самими мастерами игры.

Сложно было так просто объяснить, чем было ролевое движение. И Саша, побывавшая на не одном десятке игр, как в черте города, так и под открытым небом, так и не могла сказать, чем оно было для нее. Прошлым? Каким-то куском жизни, которым жил бесконечно далекий человек? Позабытым настоящим, где были товарищи, цели и вечера с гитарой у костра?

Сейчас она сидела на траве дендрария, слушала разговоры нового поколения ролевиков, теперь сражавшихся мягкими, пришедшими из-за границы, где ролевые игры живого действия тоже были довольно популярны, протекторированными клинками, и рассматривала парней и девушек, настолько похожих на ее саму в какой-то другой жизни. И дело было не в том, что магия, которой грезили многие из них, для нее была вовсе не фантазией, а реальностью. В чем-то другом.

Чего на деле хотели в Ордене от нее этим расследованием? Найти что-то на закрытой игре... Или найти что-то в себе? Хотя едва ли второе. Скорее всего, Саша и правда больше всего подходила для поиска ответов здесь. Стопроцентные «цивилы», обычные люди, какими были ее соученики, в среде ролевиков смотрелись ну очень инородно. Аня могла бы... Но она где-то в другой части страны или вообще за ее пределами. Саша же на поляне дендрария была своей, хотя и чувствовала себя древним реликтом среди нынешних ролевиков.

Но все же некоторые вещи не поменялись. И хотя большинство ребят, с которыми Саша развлекалась, ездила на игры и сражалась на таких вот воскресных тренировках, давно зажили самой обычной жизнью обычных взрослых людей, нынешнее поколение ролевиков ее заочно помнило. Не ее саму, а девушку с ником Тея. Сменялись люди в движении чаще всего раз в три — четыре года. Обзаводились семьей, работой, родительской дачей, словно, обычным таким набором обычного взрослого человека. И на их место приходили новые. Надолго тут оставались единицы, но именно они и были таким вот мостиком между опытными ролевиками и новичками, этакими «хранителями традиций». И многие из них могли больше десятка лет ездить на игры.

Например Гвен. С ней Саша была раньше знакома, хотя и не подозревала, что та все еще в краснодарском движении. Сколько лет было этой подтянутой черноволосой красавице, вечно старающейся что-то придумать, организовать и попробовать? На Сашиной памяти Гвен успела сменить несколько парней, уехать в Москву к одному из них, вернуться, уехать еще раз... И, видно, вернуться вновь, несмотря на то, что большинство ролевиков с возрастом и появлением «обычных» забот покидали движение, возвращаясь к «цивильной» жизни. Прямо как она сама.

Но сегодня Саша была тут. И видела пару знакомых лиц.

Гвен только хмыкнула, разглядывая черные котты парней, обсуждавших что-то у дерева поодаль.

— Все изменилось? Еще бы. Сколько ты сюда не заглядывала? Лет пять?

— Наверное. Просто как-то не до того было.

— Бытовуха. Понимаю. Меня и саму чуть не сожрало, но вовремя удалось сбежать. Я на Вархаммер в Тверь поехала, случайно считай, а до того два года лука не держала, к ткани не прикасалась и даже книжек читать желания не было. А потом позвал один знакомый, я за день сорвалась, поехала и поняла, что чуть часть себя-то и не оставила в готовке и просиживании штанов перед компом. Смыва макияж и уехала к чертям собачачьим из этой Москвы. Ну это все. У нас и люди другие, и деньги другие, и навверх по головам никто не

лезет. Хотя жалко что половина МГ распалось. Твоя же тоже?

Саша чуть поводит плечом. Не «ее» — она там всего-то пару игр помогала делать. Хотя когда-то пару игр успели с хорошими друзьями сделать.

— Я там так, под закат одним глазком посмотреть решила, что как с организацией. Но не мое. Я вообще не слишком командный игрок, честно. И да, там половина ребят отправилась кто куда.

— Понимаю. Хорошо понимаю. Я рада, что ты к нам заглянула, хоть поучишь этих юных остолопов клинок в руках держать. Конечно, не шик эти мягкие мечи, тямбары считай, но все так привыкли уже, да и игры почти все на ЛАРПе нынче. Или на железе, но реконструкторы на следующую неделю только придут, а сегодня мы своим коллективом развлекаемся. Бери меч из тренировочных да пошли стенка на стенку, как раз сейчас будет новый сход, — Гвен с этими словами поднялась и приглашающе протянула руку Саше.

Оставалось только улыбнуться и принять приглашение.

— Я меч в руках не держала столько времени...

— Расслабься. Тело ничего не забывает, а ты еще у Слая училась в свое время, я в курсе. А тот тут только Волхв остался, нос задирает, но я-то помню, как ты его вечно била по рукам, чтобы локти не выставлял.

Саша фыркает и кидает взгляд в Отражение. Несмотря на то что там костюмы бойцов кажутся чуть более настоящими, а оружие и правда выглядит стальным, никто из них не Затронутый. Даже Волхв, ее давний знакомый, который нынче и командует ребятами в черных котах. А имя-то было интересным, надо признать. И как раньше не вспомнила о нем?

— Волхв завел себе свой клуб?

— Ага, в Елизаветке. И это уже второй, из первого его выгнали.

Саша фыркает. Волхв был тем еще задавакой и конфликтером.

— Ладно, держи, — Гвен бросает ей клинок.

Никакая не дюралю или текстолит, хотя вес немного чувствуется. Саша для пробы стучит мечом по собственной руке. Неприятно, но и только. Никаких синяков, если со всей силы не лупить.

— Дюраль теперь не в почете?

— Только если реконы приходят, и то редко. Или это, или резина, — Гвен кивает на топор. — Большинство игр сейчас на ЛАРПе, а на дюралевые в боевку нужна стальная защита, она мало у кого есть. Так что смысл тренироваться на том, что все равно придется дома оставить? И синяков так меньше. Я опять взялась за инструменты, так что удалось доработать вариант меча, чтобы он хоть немного был балансный и не стоил как крыло от самолета. Так что наслаждайся, а то в следующий раз аренду уже брать буду.

— Неплохо, — Саша взмахивает пару раз клинком.

Не настоящим — как и все тут. Но что-то внутри говорит, что плыть по течению — верный путь в этом странном расследовании, продиктованном вероятностями, и, кажется, желанием начальства просто избавиться от проблем с ней. Или просто люди вокруг заражают ее прошлым?

— Ну что, покажи, насколько ты разленилась, — Гвен поднимает собственный клинок и резким движением нападает, целясь в руку.

Саша отбивает удар даже быстрее, чем соображает, что делает. И следующий, становясь в давно забытую почти настоящую стойку.

В Ордене их учили самообороне, и с оружием, и без. Но сейчас это неважно. Не нужно

Странное ощущение безвременья затягивает, превращая ее из адепта, готовящегося стать полноправным магом, в юного мечтателя, в чьей руке настоящий клинок, а перед — настоящий противник, победа над которым принесет уважение и радость. Здесь и сейчас есть только Тея, Гвен и пара клинков.

Она все-таки многое забыла. Но не все, и Гвен достает в коротких сходках по рукам не меньше чем в половине случаев. И один на один, и после, когда они месте с десятком ребят дерутся стенку на стенку. Без цели и смысла, просто потому что могут. Саша с особым удовольствием пару раз красиво достает Волхва — локоть он прятать так и не доучился.

Отражение вокруг живет своей жизнью, и порой Саше кажется, что в этом магии не меньше, чем в ритуалах и заклинаниях. По крайней мере, здесь на поляне множество цветных шаров и пузырей, отпечатков эмоций. Бежевые, зеленые, синие, голубые с розовыми, даже красные... Но нет ни одного черного или серого. Ни одного, к которому не хотелось бы прикоснуться.

Уже под вечер, когда тело ноет от усталости, переодеваясь из стилизованных под средневековую Скандинавию шаровар и рубахи в мирской спортивный костюм, Саша понимает, что не спросила самое важное.

— Гвен, слушай, я тут одно объявление видела. Необычное довольно для нашего брата.

— А?

— Заинтересовалась. Поехать хочется куда-то, но Ведьмак — это слишком масштабно, — врать Саша и правда не умела. Но умела верить в то, что говорила. — Хочется поменьше, но выездное. Видела какую-то игру «Под знаком фантазии», вроде часть серии, но так и не поняла что к чему. Не знаешь, кто делал? Вроде в нашем крае.

— Хм, неужели «Отражения» рекламу в Контакте запустили? Забавно.

— Отражения?

— Ну да, — Гвен засовывает тренировочные клинки в специальный мешок и выпрямляется. — Мастерская группа. Это местные ребята, но что самое смешное — их до игр никто не видит, и они не приглашают к себе никого по два раза, и я даже не знаю, как они выглядят и где собираются. Я с Полиной общалась, Ирмэ которая, она говорила, что у них игры прям крутые, но от подробностей воздержалась. Говорила, что второй раз к себе никого не зовут, мол потому что сюжет один и тот же по кругу гоняют, но все равно все очень интересно. Я на деле сама хотела поехать к ним, но все не соберусь никак. Не Ведьмак, но иногда хочется и мистериалки какой-то, чтоб не войнушки стенка на стенку, а посильнее и попсихологичнее. Хочешь, кину приглашение в их группу?

— Да, было бы круто.

— Хорошо, напиши мне только, а то забуду. Ладно, бывай, — Гвен закинула мешок с мечами на спину и поморщилась: — все такой же тяжелый, даром что не металл. Рада была видеть тебя, Тея.

— И я, — Саша улыбается совершенно искренне.

Все размышления об ученике Серафима, словах наставника о ней и вообще странном напряжении последнего времени здесь, на холмах, ее покинули, и возвращаться не собирались.

— Проведешь тренировку?

— Вот так сразу? — Саша удивленно подняла бровь.

— А почему бы и нет? — Гвен потянулась и начала с явным наслаждением разминать запястья. — У тебя раньше это хорошо получалось.

— Раньше было раньше.

— Ага, а потом я уехала в Москву, и без меня все расплозлись по своим маленьким компаниям и перессорились, знаю-знаю. Но сейчас ты здесь, у меня есть повод отдохнуть, а у них научиться чему-то новому, — Гвен кинула взгляд на троих парней и девушку, заканчивающих переодеваться в простенькие прикиды, «дурацкое», как их все еще называли в краснодарской ролевой среде. — В прошлое воскресенье ты меня порядком потрепала.

— Брось. Чего ты не знаешь из того, что знаю я?

Саша не то чтобы была против. Придя на ежедневную тренировку небольшой ролевой компании, которую собрала Гвен вокруг себя, она даже толком не знала, чего от этого хочет. Очевидно, что на «Отражение», как называла себя группа организаторов «Фантазии», просто так не выйти. Саша подала заявку в их группу в социальной сети, но пока ее так и не приняли. Вместо этого написал какой-то фэйк, Осип Палечек. Интересный выбор имени и фамилии, в честь довольно-таки известного польского певца и театрала. Интересный, но и только — ничего стоящего это не давало. Можно было подать заявку экспертам-технарям Орденским, может смогли бы понять, кто это пишет, но зачем? Пока никакой информации о том, что этот мнимый Осип вообще связан с миром Затронутых. Фэйк и фэйк, может кто-то из мастеров «Отражения» мнит себя великим режиссером из прошлого. «Осип» задал несколько десятков вопросов о том, кто она, откуда, чего хочет от игры и как вообще о ней узнала, кого играла раньше, куда ездила и чем занимается. Как в ФСБ каком-то, ей-богу. Но Саша ответила все честно, за исключением, разумеется, того, что проходит обучение в Ордене и живет на стипендию. Отделалась туманным «фрилансом», благо опыт в копирайтинге имелся, а там поди докажи на кого работает, если вдруг кто-то зачем-то проверить захочет.

Хотя это несколько настораживало, честно говоря — обычно мало кто из мастеров требовал вообще хоть какой-то информации об игроках, кроме пожеланий к персонажам, и, реже — ролевого опыта. В движении всем было плевать на то, кто ты в реальном мире, хоть чиновник, хоть кассир, хоть нефтяной магнат, хоть студент ПТУ. За то оно многими и ценилось. Но, с другой стороны, само по себе такое внимание к реальной жизни не то чтобы было каким-то наказуемым. Может, конкурентов боятся, которые секреты сюжета выведать могут... Так или иначе, «Осип» пообщался с Сашей с полчаса, принял получившуюся «анкету» и пообещал, что в течение недели обсудит ее кандидатуру для участия в нынешней игре со своей мастерской группой и даст ответ.

Так что пока оставалось ждать и продолжать плыть по течению. И когда Гвен позвала Сашу побегать по вечернему дендрарию в будние дни, отказываться желания не возникло. Почему нет? Хвосты она сдала, а практика... Не стоило торопить события. Откажет этот «Осип», так и будет тогда искать обходные пути. И теперь, когда Саша пришла тренироваться, ей предложили тренировать, как когда-то раньше.

— Ладно, давай, — Саша натягивает старые перчатки с обрезанными пальцами,

помогающие от натирания ладони рукоятью клинка. — Но если это будет худшая тренировка в истории, то прошу меня не бить.

— И не подумай. Тем более что тебе для худшей тренировки в истории придется ну очень постараться.

Саша фыркает, принимая вызов.

— Итак, дамы и господа, — Гвен властным жестом подзывает своих «птенцов». — Сегодня вас будет гонять Тея, человек, прошедший не один сезон с мечом в руках. Прошу любить и жаловать. И слушаться так же, как и меня.

Ребята впиваются в Сашу глазами, и та только поднимает руку в знак приветствия.

— Тея.

— Амир, — худой парень в очках смотрит на нее с интересом.

— Мора, — юная девушка с длинной косой склоняется в небольшом реверансе. Ручная вышивка на подоле и воротнике ее рубахи, да и сам крой костюма выдает увлечение эльфами.

— Даг, — крупный черноволосый парень смотрит явно оценивающе.

— Горан, — последний из четверки, среднего роста жилистый патлатый юноша, оглядывает Сашу с явным вызовом. Местный заводила? Это будет не так просто.

Отражение чуть колыхалось, подтверждая ее ощущения. Амир и Мора были явно новичками, друзьями, хотя и не парой, и готовы были слушать ее просто потому, что так сказала Гвен. Даг явно был опытнее, но пока предпочитал присматриваться и наблюдать. А вот последний, Горан, казался не слишком довольным Сашиним появлением. Желание выделиться и показать себя перекрывало все другие чувства.

А Гвен и рада сплавить ей группу, Горан этот ее уже достал. Забавно, забавно. Впрочем, что ее винить? Наверное, Саша и сама поступила бы так же, будь возможность. Все эти тренировки-то на голом энтузиазме были.

Она сама как-то почти полгода собирала желающих, как раз после отъезда Гвен. Руки чесались, энтузиазм был, а больше организатором никто и не желал быть, вот Саша и старалась, тем более что тогда у всех на руках свои клинки были, тогда еще дюралевые. К зиме энтузиазм поутих, а весной и совсем исчез, после того как три раза подряд на сбор в вечер четверга кроме нее никто не пришел.

— Итак, стартуем с разминки, командовать не буду, в школе все на физкультуру ходили. Начинайте с кистей рук. Вперед.

Саша сама разминается, стоя лицом к ребятам. Мора и Амир копируют ее движения, Даг потягивается в собственной манере, а Горан и вовсе делает всего пару движений на каждую часть тела. Ну что ж — его право.

Короткая пробежка по мощеным плиткой дорожкам, приставные шаги, вновь пробежка, еще шаги, вольты и пируэты — тут приходится приглядывать, их, оказывается, раньше ребята не делали. Саша сама думала, что не осилит с первого раза, а поди же ты — тело все помнило. Хватило пары движений, чтобы пройти чисто по нарисованной линии. Это все не ХЕМА, не реконструкция и точно не боевое искусство. Но рыцари же тренировались — значит и они будут. Только тем приемам, что хороши на мягких клинках, где в голову нельзя бить, как и в кисти, а все сражение ведется до первого пропущенного. Но и здесь есть свои прелести.

После вольтов работают в парах, атака и защита, сначала самые простые прямые, потом сливы. Саша только удивляется, что все это помнит сама, и не просто помнит, а может

рассказать и показать. Хотя, в общем-то, она в свое время просто горела ролевым фехтованием. Бредила с детства рыцарями и войнами прошлого, а как узнала, что есть другие такие же, кто делают себе мечи и этими мечами сражаются, начала искать по городу, и пусть и не сразу, но нашла, придя когда-то в дендрарий за девушкой с деревянным клинком за спиной. Давненько это было... Потом стояло ясно, что куда достовернее реалии прошлого передаются в реконструкции, где и оружие из стали, и доспехи, и бьют во всю силу... Но девушки там, согласно исторической правде, разве что из лука стреляют. Были еще коллективы исторических фехтовальщиков, те, что без истории, на самом деле. Доспехи покрепче, оружие потяжелее и в бугурт, где проигрывал тот, кто падал, а удары никто не считал. Но там и доспехи нужны были дорогие, и ростом Саша не вышла, и силой. Да и на девушек и в этом хобби косо посматривали. А ролевая боевка — самое то. ХЕМА или дуэльное фехтование пришли-то куда позже в Краснодар, когда повседневность рассорила Сашу с ролевым движением, а игровые сезоны, летние, проводить она стала в детском лагере, а не в лесу в ролевом костюме.

— И зачем нам это? — Горан, дослушав объяснение очередного приема, только сплюнул на землю. — Какой толк?

— Что, прости?

— Какой толк с этого?

— Чем больше у вас в арсенале технических возможностей, тем проще найти нужную под складывающуюся ситуацию, — Саша усмехнулась про себя, понимая, что повторила слова одного из своих преподавателей. Орденских преподавателей, и были они вовсе не о махании мягким мечом. — И эти возможности нужно заучить до автоматизма, чтобы не думать о приеме, а делать его.

— Пф, — Горан фыркнул, вызывающе глядя в глаза. — Все это не работает.

— Да ну? — парень ее откровенно провоцировал. Но характер давал о себе знать — Саша определённо хотела поставить на место красавца.

— Ну да. Бей быстрее, и этого достаточно.

— В таком случае, может, продемонстрируешь, как это нужно делать?

— Конечно. Вот, — клинок рассек воздух и Даг, стоявший в паре с Гораном и не успевший защититься, поморщился от попадания в бедро. ЛАРП-клинки были мягче дюралю но все же сильные удары ими ничего приятного не вызывали.

— Нет, — Саша чуть улыбается, становясь в стойку. — Со мной.

Горан смотрит на нее оценивающе и подходит ближе.

— Бей, — Саша просто рассматривает парня, стараясь понять, что именно он будет делать. Горан тоже не слишком опытный боец, просто сильный и быстрый, и пока этого хватает, чтобы новичков побеждать. А Гвен, видимо, так и не поставила его на место. Или не захотела, или не сумела.

— Ударить?

— Ну да.

Парень поводит плечом, и Саша с легкостью ловит движение, все это время наблюдая не за рукой, а за всем телом парня, расфокусированным взглядом следя за малейшим напряжением мышц. Даже без подсказки Отражения она ставит клинок в блок, морщась от отдачи в кисть. ЛАРП пружинит, не жестко отлетая, но все же. Хотя была бы дюраль — было бы больнее.

— Еще раз.

Вторая попытка еще резче — но с тем же результатом, хотя теперь Саша в последний момент подставляет клинок.

— Ты знаешь удар, один и тот же. Конечно, на него легко среагировать.

— Хорошо, — Саша чуть улыбается, чувствуя, как по венам разливается приятный азарт. — Тогда давай просто драться. Удар — расход, и посмотрим, нужна ли техника или нет.

Никакой магии. В ней нет необходимости, хотя Отражение вокруг и волнуется, откликаясь на азарт, на ярость, предвкушение, адреналин и что-то еще... Неважно что. На деле ей ничего не угрожает, на деле даже неважна ни победа, ни поражение. Но вот так сражаться, пусть и понарошку, приятно. Даже приятнее, чем в тренировочном бою Ордена, где магия становится соревнованием умов и воображения.

Горан быстр. Быстр и силен, это Саша понимает сразу, предпочитая отдать ему инициативу и действовать на контратаках, как и всегда раньше. Быстр, силен и привык просто идти напролом. Возможно, бывший спортсмен? Неважно. Он размахивает клинком без изящества, с резкостью и силой, и этого почти хватает, чтобы достать ее. Почти — потому что опыта у Саши больше. Опыта и навыков. Она достает Горана по рукам трижды до того, как пропустить в плечо и дважды пробивает в бедро перед тем, как получить неприятный колющий в грудь. Еще три попадания по предплечью и вовсе остаются без ответа, а прекрасный по силе и исполнению удар парня в плечо Саша просто сливает по клинку и тут же контратакует приемом, показанным десяток минут назад. Не из позерства — просто так получается. Так хочет тело, и его желания сдерживать незачем. Она обзаводится нехилым синяком на икре до того, как вольтом проскальзывает мимо парня и широким ударом шлепает по пятой точке. Так, ради запоминания урока. Запал Горана выдыхается спустя пару десятков сходов, из которых он всего пять или шесть раз выходит победителем. Саша сама ощущает усталость и боль в непривычных к таким нагрузкам мышцам, но чувство удовлетворения куда сильнее.

— Хорошо, что ты поставила его на место, — когда все расходится после окончания тренировки, негромко говорит Гвен. — У меня также хорошо не получилось. Я не боец, хотя и училась немало.

Саша чуть пожимает плечами. Детство и юность прошли в бассейне, так что едва придя в движение она легко овладела всем, чему обучали более опытные бойцы новичков, пусть это и была не какая-то система, а сплав из собственных находок и всяких разных фехтбухов и других источников. Гвен же фехтование так легко не давалось, хотя недооценивать ее не стоило. Взять только прошлый воскресный сбор. Да и практики у нее было больше в последнее время.

— Ты сделала это как-то... показательно. Доходчиво. Было ощущение, словно ты как с котенком играешь. Признавайся, в ХЕМА все эти годы провела, что ли? — подмигивает Гвен.

Саша чуть улыбается, ругаясь про себя. Ощущение... Возможно, она невольно заставила свои мысли и чувства через Отражения влиять на окружающих. В этом поединке слабо контролировала силу вокруг, сосредоточившись на фехтовании. Изнанка вокруг казалось взбудораженной, но понять, было ли это из-за нечаянного применения магии, или просто из-за ярких эмоций, Саша сейчас не взялась бы. В теории сильные и неопытные маги могли своими чувствами вызывать у Грани отклик и создавать неосознанные плетения. Это не было наказуемо... Для новичков. Но если Серафим узнает — то ей несдобровать, будет не

один десяток упражнений на самоконтроль.

— Разве? Этот Горан просто кажется не очень опытным, да и все, — Саша развела руками.

— Что правда, то правда, он всего месяц с нами. Раньше ходил на карате, и силы с дурью не занимать. С кем в пару ни поставь — всех на скорости уделывает.

— Ну, сила — это еще не все, как говорится, — Саша стягивает пропитанную потом рубашку.

Завтра у нее будут болеть все мышцы. Но оно того стоило.

— Придешь в воскресенье на турнир? На Учхозе, у реки. Потом — шашлыки.

— Посмотрим. Может быть, а может и нет.

Если ее заявку на игру примут — будет ли смысл вообще еще появляться в тусовке?

— Подумай. Много новых людей, но и старики будут. И Волхв.

— Такая себе реклама, — фыркает Саша.

— Ну как знаешь. В следующий четверг точно приходи. Ладно, до скорого.

Саша кивает.

Может и придет. Вообще, стоит ли у Гвен меч выкупить? Приходить так иногда, отвлекаться от всяких расследований...

Только сейчас Саша ловит себя на мысли, что все это время, начиная с тех пор, как она переделась в старую, потрёпанную рубаху, прошлое осталось где-то далеко, со всеми ушедшими, «Свободами», чужим голодом и непонятно для чего нужной силой. Пусть в движении были новые люди, пусть она, смотря на них, понимала, насколько отличается... Полтора часа были упражнения, пусть никому и не нужные, меч в руке и ничего больше.

Может, она и правда придет в следующий четверг. Или через один. Или будет приходиться хотя бы иногда. Вполне возможно.

— Тея? — у непримечательной калитки, ведущий во дворы жилого массива, стояла невысокая, худая девушка.

— Мартина? — если верить сообщению «Осипа», наконец подтвердившего ее возможное участие в игре, девушка именно с таким ником должна была встретить Сашу и провести на место сбора игроков, пожелавших стать частью «Под знаком фантазии».

— Да, она самая. Прошу за мной.

Саша кивает. Дверь приоткрыта, и она ничуть не удивляется тому, как в центре города нашли для съема помещение в подобном месте. Эти одноэтажные строения когда-то явно были частью какого-то завода, благополучно развалившегося в девяностые, и теперь сдавались в аренду всем желающим. За зеленым ничем не примечательным забором на деле находилось два десятка контор, от туристического агентства до небольшого антикафе «Для своих», куда Мартина и повела Сашу, переступая через приличного размера лужи, образовавшиеся в разбитом асфальте во внутреннем дворе, не асфальтированном, кажется, с развала СССР. Наверняка цены на аренду здесь были невысокими, даром что два квартала от Красной, центра города, и трамвайные пути под боком. Старый район, который все обещают расселить, но едва ли это случится когда-нибудь в ближайшие десятилетия.

— Я не опоздала? Пробки, как всегда после дождя.

— Нет, — Мартина покачала головой. — Все только собираются.

— Хоть что-то в движении неизменно, — Саша улыбнулась, изучая спину провожатой.

Сейчас она сожалела о висящем на шее амулете сокрытия ауры, который слабо-слабо пульсировал теплом, указывая на непрерывную работу. В такт биению сердца. Была ли его активация ответом на чье-то сканирование, или просто реакцией на какие-то сильные эмоции в Отражении, Саша сказать не могла. Увы, эта маскировочная побрякушка сейчас начисто отрезала ее от восприятия Изнанки, позволяя только смотреть на нее, и то словно мутное стекло. Явно куда более сильный амулет, чем тот, что использовался при расследовании исчезновений в санатории. Интересно, начальство считает, что здесь опаснее, или просто перестраховываются все после скиа? Наверняка в этом амулете еще что-то есть. Вопросы, вопросы...

Проблема была в том, что сейчас, концентрируясь на Отражении одним лишь усилием разума, без привычного потока чувств и эмоций, Саша была почти слепа. Она никогда не старалась научиться этой технике. Зачем, когда и так все ощущаешь? А поди же ты... Дурацкий амулет мешал. Ну да ладно, что-нибудь опасное она все равно увидит. А вот что-то слабое... Сейчас, например, оставалось только гадать, была ли вокруг какая-то направленная магия, или же амулет среагировал просто на чей-то эмоциональный след?

Последнее с любыми маскировочными и не очень артефактами иногда случалось, особенно если учесть, что активно функционировали они не постоянно, «включаясь» или волей использовавшего их мага, или при определенных условиях, среди которых могли быть и воздействия какого-то типа, и даже какого-либо плана мысли и чувства окружающих. Маскировка, по сути, должна была изолировать Грань от носителя, запрещая ему вольное или невольное обращение к Отражению. Незатронутые тоже взаимодействовали с Изнанкой, и спонтанно своими эмоциями, и направленно, желая чего-то или о чем-то прося. Но такие взаимодействия были слабыми, словно бы в воду упал маленький камешек, и от него

расходятся круги. Затронутые же, особенно маги, вместо камня, даже сами того не желая, могли кинуть булыжник, вызывая не круги, а волны, ощущаемые даже обычными людьми. Как Саша, желая поставить на место зарвавшегося Горана, невольно транслировала свое намеренье всем окружающим. И это, разумеется, мог бы ощутить другой Затронутый, если бы захотел. Опытный маг был способен почуять такие вещи, происходящие даже без сильных эмоций. И в том числе именно такое воздействие на Отражение и маскировал амулет, отрезая Сашу не только от возможности творить магию, но и от чужих «кругов по воде», привычных уже ощущений и чувств окружающих.

И это несколько нервировало. Саша даже не могла точно сказать, была эта Мартина Затронутой или же нет. То, что удавалось понять сквозь амулет, а это была ничтожная малость, говорило, что нет. Но уверенности не было. Но и не брать амулет было рискованно. Саше нужно было попасть на эту игру, а значит пока подозрений вызывать было нельзя. Серафим, осмотрев выданный артефакт, сказал только, что пробить его сможет только сильный маг, знающий, что и как искать. Саша сама пришла к таким же выводам, так что надеялась и правда сохранить инкогнито, кто бы и что бы не задумал. Даже если придется потерпеть неопределённость. Если аналитики Ордена считают, что на этой игре что-то не так, значит, пока стоит сделать все, чтобы попасть на нее.

В антикафе обнаруживается большой зал без столов с мягким полом, на котором уже сидит десяток человек привычной для движения наружности. Фенечки, яркие волосы, просторные наряды, у пары девушек в углу Саша с усмешкой замечает неплохо сделанные накладные «эльфийские» уши, один из парней щеголяет прекрасно сработанным кожаным наручем, а другой что-то ищет в небольшом, явно пошитом самостоятельно, рюкзаке. Среди совершенно незнакомых лиц Саша замечает и Горана, и Дага. Интересно, интересно. Совпадение? Они точно не были затронутыми. Неужели кто-то из координаторов Отражения окопался-таки совсем рядом, или просто новичков подбила Гвен? Самой ее тут нет, кстати.

Горан игнорирует ее присутствие, Даг кивает, возвращаясь к разговору со своим собеседником, тучным парнем, которого Саша не знает.

Что ж, остается только ждать.

Она занимает место поодаль, прислоняясь к стене и расслаблено изучая публику. Почти все младшее нее, большинство явно новички в движении. И, к тому же, нервничают, не только от сбора, но и от присутствия друг друга, хотя и пытаются это скрыть, кто показной радостью, кто сдержанным молчанием. Как и она сама. Саша замечает плохо скрытые порезы на руках у одной из девушек с «эльфийскими» ушами и только качает головой про себя. Сколько в движении было таких?

Немало.

Проходит минут пятнадцать неловких разговоров, во время которых Саша старается не привлекать внимания, просто наблюдая. Подходит еще пятеро, все, что интересно — по одному, хотя пара из них и принимается активно знакомиться с остальными. Когда появляется последняя, полноватая девушка с короткими розовыми волосами, Мартина, до того сидевшая за ноутбуком в углу помещения, наконец присоединяется к собранию.

— Что ж, предлагаю начать нашу встречу, — после небольшой паузы все разговоры стихают, а взгляды направляются к Мартине. — Итак, я, от своего имени и от лица мастерской группы «Отражения» приветствую игроков проекта «В стране Фантазии». Эта наша пятая игра серии, но не стоит переживать, что вы пропустили часть сюжета или что что-то из прошлых проектов повлияет на нынешний. Все в порядке, каждая новая часть —

новый сюжет с новыми персонажами и новой историей. Какой именно историей — вы сотворите сами. И не беспокойтесь о том, что здесь и сейчас вас немного для привычных масштабов подобных проектов. Во-первых, мы ведем предыгровые сборы группами, так что в итоге участников будет больше, а во-вторых, мы стараемся максимально вовлечь в процесс игры каждого участника, и поэтому отказывается от сотни игроков в пользу сорока, но тех сорока, в контакте с которыми будем творить с наибольшим удовольствием. В обычных полевых проектах фракционность неизбежна, мы же стараемся избежать ее, делая из каждого самодостаточно персонажа, ценного своей индивидуальностью, а не принадлежностью к какой-либо фракции.

Саша наблюдала за Мартиной. Она держалась уверенно, даже немного властно... И в ее речи сквозили мягкие, но несколько знакомые интонации. Так говорила порой сама Саша, неосознанно увлекаясь предметом общения и желая вовлечь слушателей в переживаемые впечатления. Серафим как-то определил это как неосознанную способность к словесному наведению транса.

Магии в этом не было. Только увлеченность. Или умысел. Хотя в Мартине не было «инфоцыганщины», завлечения ради завлечения. Хотя, быть может, просто потому, что до взносов дело еще не дошло. Интересно, интересно. Или она просто любит выступать перед публикой, или преследует какие-то собственные цели.

— Итак, короткое описание сюжета. Короткое — потому что индивидуальные цели важнее всего, и потому, что большую часть вводных мы предпочитаем давать на полигоне, что способствует погружению в атмосферу игры. Вы все — жители Онейры, самого восточного и загадочного города изведанного мира. Впрочем, до остальной цивилизации вам никогда не было дела, ведь Онейра стоит на острове посреди бескрайнего океана. Бури и шторма не падают никого из чужаков, желающих проникнуть в ваш дом, и только коренные онейрианцы раз в жизни могут совершить короткое путешествие через океан, но что там видят и что слышат, остается тайной за семью печатями. Вы пока не использовали эту возможность, ведь огромный город, полный магии и загадок и так дает все необходимое для жизни. Особенно если уметь договариваться с его обитателями. Вы все недавно переехали в Квартал Ожидание, изолированное место в городе, где живут те, кто готовится совершить путешествие в большой мир, но пока только обустраиваетесь на новом месте. У каждого из вас будет своя роль и своя задача, которую ваш персонаж хочет выполнить. Вводные я раздам в конце нашей встречи, чтобы у вас было время подготовиться. Прошу не делиться содержанием роли и целей между собой. Ваши персонажи незнакомы друг с другом, и лучше, чтобы так было и впредь, и познакомитесь вы уже на полигоне как персонажи. Роли будут выданы случайным образом, но не стоит беспокоиться — мы учли ваши пожелания и позволим вам играть в то, во что вы хотите. Специального антуража не требуется, но если, скажем, ваш персонаж кузнец, вы можете захватить ему фартук, а игровую кузницу и инструменты мы предоставим. Подготавливайте костюмы в том стиле, котором вам будет угодно — в Онейре столько модных течений, что за всеми и не угнаться, но местные жители предпочитают свободу самовыражения, так что никаких ограничений. Кроме совсем уж откровенных нарядов. Собственно, сама игра будет идти с полдня субботы по полдень воскресенья, без перерыва, с расчётом на то, что вы не будете спать, а будете действовать даже в ночной темноте. С утра в субботу выезжаем от ДК ЖД на автобусе, в воскресенье вечером приезжаем туда же. Организовано, так нам проще одновременно разместить вас и ввести в игру. Для пожизненных нужд будет шатер с возможностью переодеться, в городе

будет таверна с едой за игровую валюту. Игра предстоит с упором на социальное взаимодействие, но в процессе вы сможете найти возможности умертвить своих врагов, которые будут способны передать вам разные персонажи. Экономика будет описана у тех, для кого она важна, остальные же получают десять монет на старте и вольны будут сами узнавать и выставлять цены, торговаться и распоряжаться своими богатствами. Отыгрыш взаимоотношений полов массажем, связывание на нежесткие узлы, обыск пожизневый. Пытки — физическими упражнениями столько, сколько захочет пытающий. Ах да, взносы — четыре сотни рублей, можете сдать или сейчас, или уже на месте. Вопросы?

Горан поднял руку.

— Да, Горан?

Запомнила, отметила про себя Саша.

— А зачем нас тут собирать-то? Можно было все и написать.

Мартина улыбается.

— Я предпочитаю живое общение — во-первых. Во-вторых — проще сказать сразу части, чем писать всем по отдельности. В третьих — роли распределяются случайно, и проще это сделать вживую. В четвертых — хочется увидеть лица игроков не только на полигоне.

— Ясно. А ехать-то куда? Я сам хотел бы.

Мартина качает головой.

— Полигон называть не буду. И потому, что на нем делаем игры только мы и ни с кем делиться из большой жадности не планируем, — она улыбается. — И потому, что резкая смена места помогает окончательно оставить пожизневку за бортом и отдаться игре, чего часто не получается сделать на других проектах. Так что немного тайны не вредит. К тому же, думаю, вы видели, что в группе не так много информации и участники скрыты. Опять же — мы хотим, чтобы вы максимально отбросили все ожидания и остались один на один с ролью и неизвестностью. Это будоражит фантазию. Но по окончании игры будем рады вашим отчетам, которые можно прислать в личные сообщения, — Мартина посылает собравшимся еще одну очаровательную улыбку. — Еще вопросы?

И вопросы задают. О том, всех ли возьмут, о том, что нужно брать собой, как победить, что нужно делать, как связаться с мастерами и игроками, можно ли будет устроить фотосессию...

Саша вполуха слушает ответы. Возьмут всех, брать стандартный набор, хотя всех обеспечат местами для сна, но игра предполагает ночную активность связаться в соцсетях, как и раньше, фотосессию можно после игры или вне ее. И еще, еще, еще...

Все это несколько отличается от того, к чему Саша привыкла. Но с другой стороны, коль речь идет об экспериментальном проекте... Что же, что же. Имеют право. Изоляция участников казалось необычным решением, но по опыту работы в детском лагере — новое место и новые люди меняли и тебя самого, так что и правду играть с незнакомцами, о которых узнаешь только их ник и роль персонажа, пожалуй, будет проще. Ничего не будет отвлекать, никого не будешь бояться обидеть неловким словом или действием. Но все же, все же...

Конверты с ролями все получают уже на выходе. Саша покидает зал последней, забирая конверт из рук Мартины и встречаясь с девушкой взглядом.

— Позволь спросить.

— Да?

— Провокационный вопрос, — может, она все испортит. Но любопытство было сильнее. — Я сама недолго, но была в мастерской группе. И знаю, сколько стоит аренда полигона, трансфер на автобусе, питание за игровые деньги и предоставление антуража. И как бы помягче спросить...

— На какие шиши? — перебивает ее Мартина. Впрочем, с улыбкой. — Нам этот вопрос часто задают те, кто поопытнее, новички-то в этом не смыслят. Здесь все просто — грант. Который нужно отрабатывать.

— Исследования?

— Социалка. Но и не без исследований, куда уж. Так что совмещаем приятное с полезным.

— Поэтому во второй раз и не берете.

— Ага.

Саша кивает.

— Спасибо. Просто было уж больно интересно, мы-то все по копейкам собирали. Ну что ж, увидимся тогда на игре?

— Да. Удачи.

Саша прощается, выходя во двор. Проходит, ступая ботинками по лужам, сжимая в руках конверт, и прямо-таки кожей чувствуя внимание Мартины. Оборачивается у выхода, закидывая конверт в рюкзак, и мельком бросает взгляд, видя, как девушка задумчиво смотрит ей вслед.

Саша так и не решается снять амулет, сама не зная почему.

Дома она вскрывает конверт и удивленно поднимает бровь.

Вы — Колдун, (Колдунья), которому для величия нужен Ритуал, в котором погибнет две жертвы. Человеческие жертвы. Для всех вы просто Знахарь (Знахарка), но на деле вместо лечения вы хотите приносить энергию жизни в дар своему покровителю, живущему в ином мире. Вам нужно найти Жертв, которыми могут стать любые жители Онейры. Подкупите их, обманите, оглушите, запугайте... Для вас нет преград на пути к могуществу. Если ритуал пройдет успешно, Великая Муза исполнит одно ваше желание, произнесенное вслух.

Стартовая локация — Дом Знахаря

Стартовые предметы — ритуальный кинжал (боевой, кулуарное или ритуальное убийство), 100 монет.

Стартовые возможности — варка лечебного зелья (лечит любую болезнь) в лаборатории Дома Знахаря — раз за игру, варка отравляющего зелья (вызывает любую болезнь, к зелью будет приложен заполняемый бланк, который получит жертва) в лаборатории Дома Знахаря — три раза за игру, обучение — один раз за игру.

Когда Саша возвращается на следующий день к антикафе без амулета, Отражение там кажется совершенно обычным. Идеально обычным. Правильным, прямо как грантовое финансирование амбициозного проекта.

Ты собираешься ехать неизвестно куда, даже подозревая, что речь идет о магических манипуляциях с участниками этого мероприятия?

Переписка не передавала эмоции, но Саша прямо чувствовала укоризну. И собственное раздражение. Может, и к лучшему, что она не стала звонить по телефону. И потому, что как-то общение текстом было привычнее, и потому, что так было куда легче контролировать свои слова.

Серафим попросил прислать промежуточный отчет еще утром. Как чувствовал. Вообще-то Саша не собиралась этого делать до того, как разберется со всем. Смысл? Она все равно поедет. Станным образом эта игра манила ее, не только как возможность показать себя перед Орденом, но и как шанс прикоснуться к оставленному позади. К тому человеку, которым она когда была. В некоторых вопросах к более счастливому человеку, пусть и не умеющему выключать свет одной силой мысли.

Сейчас у нее была магия. Были новые товарищи. Был наставник, пусть они не всегда сходились во взглядах. Стипендия побольше, чем Саша получала на всех своих работах, едва ли не вместе взятых. Возможности. Но все же, все же... Пожалуй, для каждого рано или поздно наступает миг, когда прошлое кажется счастливым, полным надежд местом, ведь в нем не было проблем настоящего. Вернувшись, пусть и по служебной надобности, в среду ролевиков, Саша чувствовала себя одновременно и древним реликтом, и тем самым юным и наивным созданием, чьей самой большой заботой было сдать ЕГЭ и выпросить мать купить раз в месяц именно приглянувшуюся книгу, а не очередное «классически скучное» произведение правильных авторов.

Вот она, старость. Ворчишь, как чертова старуха, не говоря уже о том, что юность может и прошла, а наивность — точно нет.

Отвали.

Саша привычно отмахнулась от внутреннего критика. Может он и был прав иногда, но менее надоедливым и раздражающим от этого не становился. В Ордене их учили понимать и наблюдать за собственными чувствами и эмоциями, чтобы не нарушить Закон под влиянием аффекта, но Саша в этой науке не слишком преуспела. Да и какой смысл затыкать голос разума, пусть говорит он не всегда приятные вещи? Она просто старалась не слишком на нем концентрироваться, только принимать во внимание.

К тому же Саша сама понимала, что была наивна, собираясь без плана отправиться по неизвестным координатам в потенциально опасное место. Все-таки на что-то же амулет сокрытия ауры реагировал на предыгровом сборе, хотя и навешенные защиты ничего не потревожило.

Серафим вообще как узнал об этом, сразу предложил отправиться в Орден к аналитикам, чтобы выяснили, что именно делали на этом сборе, если там вообще была магия. Казалось, он с каждым днем, в котором не находился заказчик истории в «Свободе», становился все более нервным. Кажется, наставник уверовал, что и скиа в санаторий подсунул неведомый враг, тем более что были сомнения о достоверности первых орденских отчетов, утверждавших о предварительной проверке «Дубов» и об отсутствии в них магической активности. Отчетов, опираясь на которые Сашу вместе с Колей и Катей и послали туда работать.

Возможно, она не самое благодарное существо в мире. Но так уж сложилось, что Саша привыкла самостоятельно со всем разбираться. И хотя в «Свободе» наставник дважды спас ей жизнь... Но вся та история была простой и понятной — ее использовали. Во имя высшей цели, конечно. Желая спасти множество жизней. И все же, все же. И, разумеется, Саша не намеревалась сидеть сложа руки, пока аналитики будут все расследовать и выяснять. Все равно, как показывала жизнь, не все прогнозы сбываются.

Да, собираюсь. И поеду.

Вздых наставника за километры был почти ощутим. На таком расстоянии связь «учитель-ученик» была не слишком явной, но все же определённые эмоции понять было можно — те, что Серафим хотел показать. Ощущения от этой связи было трудно описать словами, но, наверное, подходило определение «отдаленное присутствие». По крайней мере в том время, когда наставник или сама Саша эту связь не блокировали. Впрочем, она предполагала, что ее собственный блок был пока больше средством самоуспокоения, хотя Серафим никогда никак не комментировал связь, кроме напоминаний о том, что посредством нее ощущал часть вещей, происходящих с Сашей.

Как я понимаю, предлагать тебе обратиться в Орден хотя бы за поддержкой в виде кого-то из твоих товарищей для совместной поездки бесполезно.

Это закрытое мероприятия. Кто-либо еще будет лишним.

Возможна маскировка под любого из тех, кто был на встрече, скажем под того «Дага».

Это не имеет смысла... Стереть. Это только помешает... Не то. Стереть. Мне никто не нужен в помощники... Тоже не то.

Саша на несколько секунд задумалась о том, как бы покорректнее выразится.

На эту игру едут и ездили обычные люди. И возвращались. Организаторы напустили туману, но совершенно непохоже, что они в действительности собираются совершать преступления, хотя бы потому, что все можно было бы сделать куда проще, да и потому, что в маленьком обществе исчезновение кого-то, даже недавно в группу пришедшего, вызовет много вопросов. А ролевое сообщество Краснодара маленькое. Я справлюсь. Я ездила на подобные игры, знаю, чего ждать, как не выделиться и, вполне возможно, смогу узнать все, не снимая маскировки. И я не понимаю, чего ты хочешь от этого разговора, честно говоря. Я могу поехать туда без подозрений и найти ответы на поставленные Орденом вопросы. Есть что-то конкретное, чего стоит опасаться?

Вышло все равно не очень вежливо. Но, черт побери, закинуть ее в одиночку «Свободу» — нормально, а теперь есть какие-то непонятные проблемы в практике. В итоге: если ей это дело поручили, то, значит, — справится. Михаил Ефимович не походил на того, кто готов отправить кого-то спокойно на смерть. По крайней мере, он вроде как был другом Серафима, наверное ж подставлять не станет. И она все сделает как надо.

Нет. Если бы что-то конкретное было, ты бы туда не поехала.

Саша фыркнула про себя.

Я понимаю твое недовольство. Но обе прошлых подобных поездки за информацией заканчивались не слишком хорошо, а теперь я не могу помочь, и даже вернуться не смогу в короткие сроки по целому ряду причин. Я хотел узнать, есть ли у тебя план действий. Не стоит рассчитывать, что Отражение даст все ответы. В Свободе менгир показал тебе все, что происходит рядом с ним, но здесь не будет камня, а будут только желающие скрыть свои дела обученные и опытные Затронутые, до того никак не попадавшие в поле

зрения Ордена.

Саша только усмехается.

На ролевых играх есть роли, цели участников и после начала — полная импровизация.

Серьезнее.

А надо? Я рассчитываю действительно играть в эту "Фантазию". Во всех отношениях. И приглядывать за мастерами — чтобы там не происходило, если участники меняются каждый раз, значит речь в странных колебаниях Отражения затрагивает организаторов, хотя и к игрокам присмотрюсь, конечно. Полигон наверняка не очень большой, людей-то немного, так что при желании можно будет обойти и разместить Нити Слежения. Если там будет магия — я почувствую. И приду посмотреть, что и как.

Что ж, это лучше, чем «что-нибудь придумаю», по крайней мере. Только помни — смотреть. Не участвовать.

Если не будут никого убивать.

Ты же сама не веришь в серьезную опасность.

Не верю. Но все же. А то потом будут слова обещанием...

Осторожность в выражениях — похвально. А по поводу остального — нет. Только смотреть. Тебе выдали сигнальный амулет, им пользуйся по необходимости, и пускай Мишины люди уже занимаются всем, твое дело — информация. И точка, никаких эскапад по спасению детей, взрослых или особо ценных лесных котиков. Доступно?

Вполне.

Обратись ко мне, если нужно. Я прийти не смогу, но смогу связаться с Мишей, и он разберется. Не лезь никуда сама.

Ладно.

Удачи, Саша. Жду полной истории этой игры.

Саша еще раз хмыкает. И отставляет ноутбук в сторону.

Завтра выезжать на полигон. Идея с Нитями пришла в голову только во время разговора, но создать их она успеет. Сама по себе технология простая. Это скорее даже заклинание, а не артефакт, просто площадное, и узлы для него нужно готовить заранее. И, по факту, если она хочет продолжить скрывать свою природу мага, то нужно будет и носить заготовки-узлы где-то на теле, чтобы и их маскировка скрыла. А значит, нужно не только озаботиться вложением узлов, но и найти что-то, что не вызовет вопросов.

После недолгих раздумий Саша подошла к шкафу и достала из его глубин небольшую шкатулку, наполненную самыми разными безделушками. Фибулы, самодельная «валюта» с нескольких старых игр, пара подвесок без всякой магии внутри, какие-то цветные бусины, она сама не помнила откуда. Шкатулка со странными предметами.

Она же вроде как по официальной роли знахарь, а по неофициальной — злобный колдун. Так что осталось только вложить узлы, найти мешочек под все это барахло — и отлично. У мага будут при себе магические артефакты. Во всех смыслах этого слова.

— Кажется, нам придется провести здесь времени больше, чем мы думали.

Саша только чуть улыбается в ответ на слова Дага. Или — Кузнеца.

В отсветах отгоравшего заката лицо парня казалось и вправду похожим на лик Кузнеца-Прометея из каких-то древних сказаний, где в кузнице рождалась жизнь, а горн разжигали сами боги.

Но каким не был величественным открывающийся образ, реальность говорила — они оба оказались в крайне дурацкой ситуации. И из-за одного-единственного человека — Ученика Знахаря. Сашиного, то бишь, игрового воспитанника. Представился этот прохвост Витом, и с небольшого традиционного парада открытия игры вел себя тише воды и ниже травы. Задавал вопросы, на которые Саша, она же в Онейре Тея, отвечала где-то в меру своих представлений, где-то в соответствии с розданными всем буквально за полчаса до парада материалами с небольшим описанием истории города-государства, жителем которого и был Знахарь/Колдунья.

Как сказал сам Вит, появившись спустя буквально полчаса от старта игры в Сашином «доме», его главной целью было самому научиться лекарской профессии. Как выяснилось в ходе общения, Бургомистр, он же один из игротехов, решавший на игре не вопросы и задачи своего персонажа, а те вопросы и задачи, которые ставила перед ним мастерская группа, Знахарь действительно мог обучить приемника. Как, в какой срок и какими средствами — решать предоставили самой Саше. Предупредив лишь, что ученик может быть только один, и что нечего кому попало искусство в руки передавать. И что рассказать она Ученику может или о том, как готовить зелье Исцеления, или о том, как варить болезнетворное зелье. Но не все вместе.

Другие игротехники если на полигоне и были, то где-то в отдаленных локациях «поселения», представлявшего собой почти настоящий город. Почти — потому что на деле большинство его стен состояли из непроходимых «веревочек», лишь игровые локации, а было их всего два десятка, были обтянуты хотя бы тканью, а вместо мостовых и бульваров под ногами то и дело попадались коряги и островки непросохшей грязи.

Но, на удивление, в Онейре кипела жизнь, созданная силами участников и организатором. В библиотеке выдавали самые настоящие книги, небольшие, прошитые вручную, но со сказками и историями, о которых Саша до того и не слышала. В чайной-таверне наливали чай, подавали сладости и плов, а неизвестно как оказавшиеся там Путешественники рассказывали истории о мире за Морем столь интересно, что Саша, заслушавшись, не заметила, как чай остыл. Местный театр на самом деле давал представления, пусть и всего с тремя актерами. В Кузне продавали оружие, но не всем и каждому, а тому, кто готов был доказать Кузнецу, что клинок в его руках будет использован лишь для правого дела. В приемной Бургомистра постоянно толпились посетители, каждый желая скорейшего удовлетворения своей просьбы.

И это при том, что здесь было едва ли три десятка игроков и несколько игротехников. И все. Даже из мастерской группы на параде открытия была только Мартина, «официальное лицо» мастерской группы.

Но мир вокруг, на удивление, жил. Сама Саша думала, что заскучает, когда наскоро переделалась в простенький костюм и обошла еще до начала игры полигон, разглядывая

локации. Никаких баннерных стен, никакой электроники, никаких слишком уж шикарных нарядов.

Но небольшой объем информации, отсутствие предварительного знакомства с игроками, очень условные правила, никаких требований к прописи персонажа, даже имя не нужно было игровое, по нику достаточно было представиться да и все, на удивление, сработали. Последний раз Саша такое ощущала на одном давнем проекте, куда поехала в ролевой юности с такими же юными игроками. Никакого антуража, ужасный полигон, много энтузиазма... И неожиданно сильная атмосфера совершенно иного пространства вокруг, живущего по своим законам.

Здесь все и правда обращали к тебе как к Знахарю, Бургомистру или Кузницу, не вспоминая о городе, в котором были еще утром. Пришедшие в Сашину Лавку Знахаря посетители интересовались исключительно тем, какие услуги она оказывает, какова на них цена, и не будет ли уважаемый Знахарь так любезен помочь в прощении к главам города, в излечении полей от болезней посевов, в поиске пропавшей собаки... и еще в десятке самых разных задач.

Саша из короткой выданной легенды знала — желающих получить зелье Исцеления, как и настой Болезни, в городе много. И выбрать, кому их отдавать, она может лишь раз, после пожиная плоды. Потому не спешила, присматривалась, откупалась деньгами, проверяла мотивы, в надежде найти того, кто готов сам стать жертвой ритуала.

Ей хотелось поиграть в двойного агента — так она и написала Мартине. И теперь отказывать она от этого не собралась. Пусть агент и был-то на деле тройным. Сеть Саша успела по полигону раскидать, подвесив сигналку. Но пока здесь не творилось никакой магии, пусть эмоции и горели в Отражении ярчайшим светом самых разных цветов. В Онейре ее жители верили и в город, и в себя, и в свои победы и поражения, и Изнанка подпитывала их веру. Саша же играла свою роль — во всех отношениях.

И из-за этой роли и оказалась теперь в импровизированной «тюрьме» в «подвале» городской администрации. Просто попавшись на хитрую комбинацию, придуманную Витом. «Ученик», как выяснилось, явно был настроен на максимальное использование своих талантов. И когда стал вопрос об обучении, ухватился за идею варки зелья недугов слишком уж рьяно. Так рьяно, что Саша, мигом представив эпидемию в Онейре из-за какой-нибудь заразной болезни, от первого выпившего зелье разошедшейся по городу, и воочию вообразив толпы страждущих в очереди за одним-единственным зельем исцеления, тут же пошла на попятную и сказала, что учить Вита этому не будет. Но «ученичка» лечебное зелье, которое потом будет получено в одном экземпляре, не интересовало. Только приносящее самостоятельно придуманную болезнь. Саша, не найдя подходящих слов, попыталась отделаться от него, найдя более важные дела — посетила театр, поучаствовала в постановке, в таверну с библиотекой ходила, побывала в нескольких торговых лавках, перекинулась в кости с самым настоящим Пиратом, проиграв половину состояния... И вернувшись, обнаружила Вита вновь в знахарской лавке.

Испробованные на нем логические задачки и метод «много маленьких поручений чтобы все надоело» тоже не сработали. Свалившийся на голову «ученик» хотел зелья болезни. И точка. Саша же свои склянки припрятала видя недобрый прищур Вита. Так что, вернувшись с небольших прений Аристократов, куда ее позвали как третьей стороны, не удивилась, узнав, что ее лавку «ограбили». Но очень удивилась, когда неожиданно появился Стражник, обвинил ее в смерти одного из Аристократов и отправил в «тюрьму». Чуть меньше

удивилась, когда в «тюрьме» появился Вит, непрозрачно намекнувший — секрет зелья болезни в обмен на свободу. Только появление в соседней «камере» на пенке в окружении «стен» из веревки Дага-Кузнеца удивило. И проблема, как выяснилось, у него была ровно та же самая — отказался продавать оружие Ученику Знахаря.

Саша предполагала, что тюрьма — мера устрашения, и покинут они с Кузнецом ее быстро. Но закат уже занял свое место на небе, постоял — и отдал его ночи. А они так и смотрели на стены «камер», слушая отдаленные шаги Стража.

— И что мы будем делать? — Даг не смотрел в ее сторону, словно и правда не видел. Хотя если верить тому, что стены есть, то это было бы довольно логичным.

— Я так понимаю, Оружие ты Виту продавать не будешь.

— Не. И после того, что он устроил тут с тюрьмой — точно нет.

— Но и сидеть здесь всю ночь не хочется.

— Ага. Побег?

— И как? У меня нет тут Аристократов-погровителей, — фыркает Саша. — Хотели все как один яда, да только не получил никто ничего. Думаю, скоро кто-то еще придет с таким же предложением, выходит ведь, что сейчас кроме как у Стражи ни у кого и нет возможностей для убийства. Болезни мои только да твое оружие.

— Ага, — Даг кивает. — Бургомистр мне об этом тоже говорил, кстати.

— Значит или придется кому-то таки уступить, или сидеть тут.

— Уступить... Да ну их.

— Но что-то же делать надо.

— Пожалуй, — Даг задумывается. Потом кивает своим мыслям. — Знахарь, может уговор?

— Какой?

— Ты отдашь мне зелье исцеления. Да, знаю я, что хоть и пытались твою лавку ограбить — без толку, не нашли ничего. Сразу говорю — не для личного пользования, дама сердца моя болеет. А я в ответ тебе что хочешь, то и сделаю. О чем угодно проси. Устал я сидеть на этих клинках, а все ходят и просят как заведенные — продай, продай... Мочи уже нет. Нынче хорошего булата-то не сыскать, кроме как у меня.

— Хм, — Саша сплела пальцы. Предложения выглядело... заманчивым.

— Даже если за зелье я попрошу твою жизнь?

— Даже. Не мила мне она уже.

Дагу она верила. Как Знахарь верил Кузнецу. Это казалось правильным выбором.

— И думаю, я смогу нас отсюда вытащить, — заговорщицки подмигивает Даг. — Стражник хотел у меня оружие, чтобы убить одного продажного судью. Думаю, болезнь тоже сгодится.

— Думаешь, он согласится?

— Сейчас и проверим.

Согласился. И обещал еще и передать просьбу Виту прийти на одну небольшую лесную поляну, что именовалось тут «Парком Уединения». На поляну, где Саша-Колдунья под хорошим слоем дерна приготовила все ритуальные принадлежности. Положили их, кстати, туда организаторы.

Самое поганое в ситуации было то, что Саша разглядела в Вите нестановленного мага. Потенциального члена Ордена, коллегу. Ну что ж — она пыталась с ним подружиться. Но по-хорошему он не захотел... План мести зрел долго, но пары часов на пенке в «тюрьме»

было достаточно, чтобы он вызрел до конца. К тому же, как оказалось, Кузнец мог оглушить своей кувалдой кого угодно. И получив обещанное зелье, кувалду Даг захватил с собой в Парк. Саша доверяла кузнецу, но все-таки старалась держать его в поле видимости, присматриваясь к любому движению и неожиданного союзника, и вообще вокруг.

Перекосившееся лицо Вита, получившего этой самой кузнецовой кувалдой, даром что мягкой, по голове с криком «Оглушен!» стояло нескольких минут волнения. Вдвоем с Дагом они без проблем «связали» пленника. Ритуал был прост. И, разумеется, совершенно никаким образом с настоящими ритуалами связан не был. Но Саша, читая призыв к Музе, говоря, как желает она порадовать ее и получить обещанную силу, чувствовала, как само собой в душе зрело ощущение власти и могущества. Даром что Колдунья не имела зелий — у нее было Желание. И ритуальный нож в руках.

Рисунок окропился кровью. Не настоящей — в реальности тупое лезвие клинка даже не поцарапало ни одной шеи. Но хотелось представить кровь. В наступившей темноте Саша почти была видна в неровном отражении горящего в центре пентаграммы костра.

Речитатив-воззвание затих. И неожиданно для себя Саша слышала неожиданно тихий шум шагов. И осязаемое присутствие в Отражении. Не магии, а чего-то... иного.

— Воззвание услышано, — раздался негромкий голос с дальнего конца поляны.

В ореоле странного света к ним приблизилась юная девушка в легком, почти полупрозрачном наряде.

— Ритуал свершился. Вы, добровольная и вынужденная жертвы, ступайте в мир Теней. В Театре Онейры услышат вашу историю, запишут ваш сюжет и выдадут новые роли. Идите, Кузнец и Ученик Знахаря, с миром. Колдунья, явившая миру свой истинный лик — останься.

Саша не двигалась, смотря на то, как Даг и Вит, словно зачарованные, по команде уходят прочь. Была ли это ментальная магия... Амулет молчал, как и Сеть. Но все же, все же...

— Не тревожься, Колдунья. Онейра заботится о своих жителях, и эти двое не заблудятся на дальнейшем пути. Их желания сбылись, пусть мир они обрели совсем иначе, чем думали. Но что же касается тебя... Ты провела Ритуал. Теперь же в твоей власти загадать Желание.

— Любое?

— Разумеется. Выбирай мудро.

Саша склонила голову. Эта идея была у нее с самого начала, когда она вообще только прочитала о ритуале и о награде за него. Не то чтобы она в самом деле рассчитывала его провести... Но Знахаря буквально разрывали на части просьбы и требования отдать нуждающимся дефицитные зелья. Колдунья же была властна делать то, что она хочет. Сейчас... почему бы и нет?

Тем более, что эта игра ей и правда нравилась. И Муза... Кем бы она ни была — Саша узнает об этом, тем более что до того она не видела эту девушку нигде, и ее участие во всем происходящем явно было тем, что тревожило Орден. По крайней мере, интуиция подсказывала именно так. Но для начала нужно было доиграть одну роль, а уже после переходить к другой.

— Мое желание таково: пусть все, кто искреннее желает и желал мне добра, кто был близок мне — будут счастливы. В этом мире — и в других.

В другом. Тот, что за Порогом.

— И все? Ни денег, ни регалий, ни больше желаний?

— И все.

— Ну что же... Да будет так.

Сияние вокруг Музы на миг разгорелось ярче, заставляя зажмуриться. А через секунду Саша осталась на месте ритуала в полном одиночестве.

Саша оглядела поляну. Муза исчезла, без всякого касания Отражения словно бы растворившись в окружающей темноте, и теперь все ее внимание сосредоточилось на Сети.

Нити натянулись. Кто-то совсем неподалеку творил магию, и магию вполне оформленную. Никакие не колебания Отражения спонтанной верой и воображением, что расходились от только что проведенного «ритуала». Осторожно, стараясь не слишком выдавать свою осведомленность, Саша направилась в сторону творимого колдовства. Кажется, это было что-то... бытовое?

Путь по ночному лесу привел ее к водной глади, в которой, если верить сети, и творили волшебство. Бред? Или... Или она не подумала об очевидных вещах. Сеть не ловила изменения магического фона, произошедшее до ее активации. Иными словами, если использовать ее после творения заклинания или установки любого пролонгированного ритуала, то ничего и не будет ощущаться.

Саша выругалась про себя и стянула маскировочный амулет. Сделала несколько вдохов, прислушиваясь к враз усилившемуся эмоциональному давлению со всех сторон. Отражение буквально дышало магией, наполненное до краев эмоциями, страстями и стремлениями. Будь она инкубом... Пиршество, яркое до невозможности. И ведь не на всех играх так, иначе игры с тысячами человек такой отклик вызвали в Отражении, что уже Орден давно исключил бы их из анализа. Но тут что-то иное... И при этом никто не колдовал. Почти.

Именно магия привлекла ее. Творимая совсем рядом, за завесой иллюзии.

Саша усмехнулась, понимая, что на деле река-то была куда меньше размером.

Усмехнулась — и шагнула в Отражение. Желания плавать не было, несмотря на летнее время. Вместо этого Саша просто ушла глубже, сил ей доставало с избытком, тем более что Шаг-то должен был быть всего один, реку перемахнуть да и все.

Она невольно развернулась, рассматривая полигон за спиной. Здесь, в Отражении, действительно стоял город с золотыми башнями, минаретами и висячими садами. Даже купол церкви, что была в Сашином воображении рядом с ее лавкой знахарки, имелся. Ну надо же... Все тут было — и Вольная Гильдия, и Суд, и Банк, и Тюрьма, даже почему-то пришедший на ум порт для ковров-самолетов. При этом очертания города несколько подрагивали, чуть расплываясь. Они были созданы воображением, и потому если захотеть что-то изменить, то оно изменилось бы тотчас. Например, теперь рядом с церковью появился парящий ковер, сделавший лихой вираж и скрывшийся за дальними крышами.

Мираж. Воплощенная фантазия трех десятков игроков.

Саша никогда даже не слышала о том, что такое возможно. В теории, конечно, Отражение питало и питалось и желаниями, и верой самых обычных людей, ни о какой Грани не знавших. Но на практике то, во что верил и чего желал один человек, почти всегда не совпадала с верой и желанием другого. Противоречило, хотя бы в мелочах. Нужна была искренняя вера сотен человек, чтобы случались настоящие чудеса без всякой умышленной магии. И такое иногда происходило. Иногда.

На деле, Серафим как-то в шутку сказал, что наверняка существует множество богов. Просто потому, что люди всегда верили во что-то большее, чем они сами, но никогда все люди на Земле не верили в одно и то же. Хотя, теоретически, если это произошло, быть может созданное таким образом существо воистину было бы способно совершать любые

чудеса и перекраивать мир своими мыслями, и быть видимым и осязаемым неограниченно долго. На деле же этого никогда не произойдет. И к лучшему.

Город с золотыми куполами был тут, пусть и на одну ночь. Незамутненная сила веры.

Саша мотнула головой, отводя взгляд от башен, и пробила Отражение через Шаг глубже, чем обычно, перемещая себя не на привычные полметра, а на десяток с лишним, на другую сторону реки. К небольшому, хорошо замаскированному кострищу.

И вышла в реальность, не собираясь скрываться.

— Что ж, я все гадал, как скоро кто-то почтит меня своим визитом. И почтит ли, — у костра сидел немолодой мужчина с длинными светлыми волосами, перетянутыми в хвост черной щегольской лентой. Был он во... фраке.

Саша едва себя не ущипнула, когда поняла, что это никакая не иллюзия. Сухопарый блондин с ястребиным носом и темными, немного холодными глазами повел рукой, без особых усилий перемещая к костру большой пенек от опушки леса. Она подошла ближе, рассматривая мужчину. Тот, несмотря на экзотический внешний вид, казался совершенно расслабленным, то и дело подкидывая дрова в костер. На бревне рядом с ним стояло несколько фарфоровых кружек и самый настоящий небольшой самовар, обвешенный почему-то сушками.

Саша еще раз бросила взгляд через Отражение. И самовар с сервизом не иллюзия. Этот человек был волшебником, и притом довольно слабым, что интересно.

— Садись, юный маг. Или Колдунья. Или Знахарь — выбери роль себе по вкусу.

Саша садится, все еще наблюдая за мужчиной. Тот легким пассом отправляет к ней чашку, до того саму собой наполнившуюся чаем, и несколько баранок.

— Прошу простить за небольшое угощение, но я, в отличие от прошлых и нынешних коллег, предпочитаю скромно отмечать премьеры, а не устраивать праздник чревоугодия, заслоняющего истинное наслаждение от игры и эмоций. Ах да, я не представился. Имя едва ли окажется важным, но некоторые знают меня как Маэстро.

— Александра. И мне все-таки хотелось узнать реальное имя того, с кем же я говорю.

Блондин чуть нарочито улыбается.

— Андрей Каратыгин.

— Вы...

— Среди магов, не состоящих в профессиональных отношениях, не принято подчеркивать дистанцию, юная волшебница. В нынешнее время образование формально, но все же об этом стоит помнить.

— Ты должен ответить на вопросы. У меня есть право на расследование в роли представителя Ордена, неподчинение...

— Приведет к обвинению, — мягко перебивает ее Маэстро. — Только не нужно вопросов о том, что я здесь делаю. Это ведь очевидно — наслаждаюсь премьерой. Я не силен, как ты, но в силе нет нужды, когда слышишь музыку игры. Это мой зрительный зал, а там, за рекой — сцена, с которой все видно и все слышно.

Сейчас, сосредоточившись, Саша могла ощутить нити, свивавшиеся вокруг мага. Что-то похожее на ее Сеть, только иное.

— Я писал сценарий, я раздавал роли — с моими помощниками, разумеется. И теперь вознагражден.

Саша хмурится.

— Не думаю, что причина в гедонизме.

— Нет, разумеется. Я рад, что речь зашла о причине — быть может, роль не волшебника-вершителя, а мудреца подойдет тебе больше? Что ж. Диалоги должны быть коротки, и я буду короток. Я отдал жизнь театру, любил его всей душой, и всю полученную силу от Грани тратил на театр, на впечатления там, где имел право развлечь публику и там, где не имел. Нравы раньше были иными, признаю, и направлять людские умы, наслаждаться их переживаниями, состраданием, видеть, как актеры проживают роли — бесценно. Но, увы, театр подарил мое призвание — и забрал мою любовь. Не любимую, но любовь. Моя дочь, Елена, возжелала сама разжигать в людских сердцах страсти и пороки, и покинула меня, вернувшись уже Обращенной.

— Суккубой.

— Да. Именно так. Она не использовала дар на сцене, но наслаждалась в перерывах наслаждалась искренне, не забирая, но привнося, усиливая, даря... Увы, жизнь не была благосклонна к ней. На одном из представлений несчастный случай вынудил ее использовать силы. Слишком много и рьяно, и Грань откликнулась, изменив мою любовь. Обращенные иногда погружаются в свои страсти слишком глубоко, и их больше нельзя вернуть, ведь такова воля Грани. И с тех пор я сам основал собственный театр, где мы с Еленой режиссеры, актеры, сценаристы и декораторы. Ну и те, кто помогает нам, разумеется. Мы никогда не приносим боли, разве что той боли, что очищает, той, что предшествует катарсису. Мы не вредим людям, никогда. Театр. Камерные пьесы и даже большая сцена. Цирк, несколько постановок с синемаатографистами... И вот новая страсть — театр импровизации, театр без границ, без актеров и ясного сценария, но театр, где в декорации верят больше, чем в Мариинке. Одна моя помощница натолкнула на эту ветвь, и с тех пор мы с Еленой странствуем и даем представления. Лишь по разу для каждого игрока, ведь все должны получить шанс сыграть свою роль.

— Ваше появление здесь было замечено Орденом. Что такого в нынешней игре?

— О, ничего. Я не воин, юная, но уже могучая волшебница. Совсем не воин. Но все же я умею делать так, чтобы не отвлекать никого от дел без нужды, особенно мужей и дам Ордена. Но сценарий требовал показать им объявление, показать мой театр под открытым небом на мгновение. Ничего не поделаешь, такова роль. Как без первого акта получить третий, верно? Пришлось сообщить нужным персонажем их реплики. И вуаля — ты здесь.

— Маэстро, твоя воля привела меня сюда? — Саша хмурится. Ментального принуждения она до того не чувствовала. И маг не казался опасным. Но все же...

— Да, я позвал тебя сюда. Не конкретно тебя, разумеется, — Маэстро сделал неопределенный жест рукой. — Кого-то из Ордена. Только надеялся, что пришлют того, кто оценит мои старания.

— Зачем? — Саша склонила голову.

— Возможно, потому, что то, что я делаю, незаконно?

— Можно было прийти с повинной.

— Можно было. Но, видишь ли, я хотел получить ответ на один-единственный вопрос.

— Какой?

Маэстро на секунду улыбнулся, и улыбка эта была грустной.

— Нужно ли кому-то то, что я делаю.

— Все это действие напрямую влияет магией на людей. Пусть и опосредованно, но речь идет о намеренном нарушении Закона.

— Я знаю. Разумеется, я знаю. Но вот весь вопрос — стоит ли счастье небольшого

нарушения привычного порядка вещей?

— Чье счастье?

Маэстро вновь улыбается.

— Это вопрос. Елены, разумеется. И бонусом — всех тех, кто сегодня оказался в мире своих мечтаний. Искусство способно менять сердца, и я дал всем возможность измениться.

— Всем ли?

— Разумеется, всем, — Маэстро отмахивается. — Ты ведь тоже участник представления, актер, и игра должна коснуться и твоей души. Но, не скрою, я устал судить сам себя. У тебя, посланница Ордена, хватит силы, чтобы остановить и меня, и Елену. И ни я, ни она, не будем убегать. До завтрашнего полдня игра будет идти — постановку негоже прерывать.

— А потом?

— Потом мы расстанемся и пойдем разными дорогами. Увы, все просто отправляются дальше, такова жизнь.

— Не все.

Маэстро вновь улыбается.

— Некоторые знают о нашем существовании. Ни о том что мы делаем на самом деле, разумеется. У меня бы не набралось столько помощников, знай они, какая именно магия творится здесь. Но, разумеется, если ты решишь оказаться в их числе, то тебе придется смириться с нашим существованием.

— Вы оба нарушаете закон, и, определенно, я не могу это сделать.

— Противоречия рождают конфликт. Конфликт разрешается изменением, создающим из противоречий непротиворечивый элемент, — Маэстро чуть кланяется. — Что ж, моя роль сыграна, теперь твоя очередь действовать, госпожа. Я же пойду вновь на сцену, теперь надев новую маску и введя новое действующее лицо.

То, что мужчина растворился в воздухе, Сашу не удивило. Отражение колыхнулось. Маэстро Шагнул, показывая, что разговор окончен. Несмотря на небольшие силы, он был явно искусен, и к тому же хорошо знал местность. И — Саша видела тонкие паутины силы, раскинутые над всем полигоном за рекой. Неплохая подготовка.

Маэстро и правда не убегал. Он появился вновь на другом берегу, чуть шутливо поклонился Саше, и, создав иллюзорный костюм стражника, зашагал за городские стены. Интересно, сколько на самом деле раз она видела его за сегодня? Явно ведь больше одного...

Саша чуть улыбнулась, отставляя часть переживаний. Ничего еще не закончено.

Елена. Почти наверняка это Муза, не зря само ее появление волновало Изнанку, как казалось. Стоило найти ее и задать новые вопросы. Не как Колдунья, а как маг Ордена. Из другой роли.

Отражение с легкостью указало направление, и Саша сама перебралась через реку. Вновь через Изнанку. У нее не было подготовленных точек-ориентиров, которые расположил Маэстро. Его магия довольно энергоемкая, но не мгновенная, и даже слабому магу доступная. Что-то вроде координат в Отражении, которые по сигналу волшебника вкладывали в него силы и показывали направление для Шага, и по сути, протаскивая по Изнанке. Из Свободы Саша бежала по Глубине на ощупь, на одном желании. Потому что у нее тогда направляющих не было. Сейчас же она могла из пределов города, запитав один из аварийных амулетов, переместиться в Орден. И Коля мог бы, и Катя — не в силе дело, а как раз в направляющих. Действенная штука, очень.

Но сильный маг справится и без нее. Скрываться больше не было нужды.

Саша отправилась на ту поляну, где еще недавно читала ритуальные слова под светом костра. Почему-то она была уверена, что найдет там Музу. И у нее были вопросы к ней. Очень, очень много вопросов.

Муза и правда обнаружилась в центре нарисованного круга. Она сидела, поджав ноги, и рассматривала что-то в остывших углях. Но при появлении Саша девушка встала и начала беседу, не давая вставить и слова. Сейчас, без амулета на шее, от Музы ощущалось странное, словно бы мягкое сияние, идущее во все стороны и, кажется, даже немного приближавшее Отражение к миру. Саша застыла, на секунду чувствуя себя так же, как в оставленной деревне. Только теперь не туман привел ее в чужой мир, а чужой мир с туманом пришел в реальность. Не с туманом даже, а с самой ночью, подстегивающей воображение.

— Колдунья отбросила оковы и пришла вновь, не нося больше маски, — Муза улыбнулась. — Ты пожелала чтобы все, кто искреннее желает и желал тебе добра, кто был близок, в этом мире — и в других, были счастливы, — негромко проговорила она.

Саша кивнула. Муза была несколько... не от мира сего. Точнее — больше не от мира сего, чем она думала. И определённо стоило выслушать ту, из-за кого все и происходило.

— И ради этого, ты, Колдунья, погубила две невинные души.

— Один из них хотел смерти. Второй ее заслужил, — это была игра... и была реальность. В Онейре и правда появились две свежие могилы, пусть их обитатели и были живы в Краснодаре.

— Но могли бы жить.

— Возможно, — Саша чуть ухмыляется, понимая, что тьма в ее душе подняла голову, и что ей самой это вовсе не претит. — Я, как и многие, хочу счастья своим близким, какими бы они ни были.

— За счет других.

— Это универсальный рецепт. Счастья-то на всех не хватает. К тому же, я, совершая все это, и спасла жизни. Баш на баш. Одна исцеленная болезнь и один погибший продажный судья. Все честно.

— И зла в мире стало больше.

— Возможно. Поэтому я и прошу о счастье.

Муза окидывает ее долгим, пронзительным взглядом.

— Я люблю играть, Колдунья. Все начинается в игре и кончается в ней, вся жизнь есть лишь череда игр — в детей, в учеников, в аристократов и воинов, в свободных и рабов, в благодарных и предателей, в кающихся и грешников, в страдающих и радующихся. Все есть лишь игра. Ты теперь знаешь часть моей истории, но я открою тебе все. Мой отец верит, что я изменена и проклята Гранью, — Муза заговорщицки подмигивает Саше. — Но ты, стоя здесь и сейчас передо мной, знаешь, что это вовсе не так. Знаешь, что тот, кто считает себя моим отцом просто отрицает очевидное, не видя моей природы и не пытаясь ее понять.

Саша медленно проходится взглядом по Музе, вслушиваясь в свои ощущения. В слабую дрожь узнавания где-то на границах сознания.

— Ты умерла в ту ночь во время пьесы.

— Да, — Муза улыбается, грациозно разворачиваясь на месте. — Именно так. Иногда мы думаем, что играем в игру, а на деле играем, но совсем в иную игру.

— Ты — скиа. Тень, — Саша говорила с уверенностью, призванной смягчить собственный страх от столь смелой догадки.

— Вы называете нас так, да. Гении. Эйдолоны, — Муза улыбается, еще раз поворачиваясь и полностью меняясь. Теперь на ее месте оказалась чопорная немолодая английская леди с указкой в руках. — Столько исторического материала, более никем не востребованного. Великая Вуаль затронула не только память, но и умы. Прискорбно мало выучено материала по теме. Прискорбно мало, — вновь поворот, и теперь перед Сашей стоит девочка в короткой юбке и с бантиками на хвостиках. — Учение закончено. А ведь я просто хочу играть, — вновь поворот, и Муза возвращается к платью и виду юной девушки. — Ты помогла переродиться моему собрату. Я чувствую это. Как и то, что тот, кто послал тебя сюда, весьма мудр, делая все именно так. Мало кто способен говорить с нами без страха и предубеждений. Нас мало, и еще меньше тех, кто успевает Пробудиться до того, как губит свою вторую жизнь в погоне за ненасытным потреблением.

— Пробудиться?

Муза мягко улыбается.

— Мы — тени наших стремлений и страстей. Мы жаждем, и жаждем неистово — и погибаем, влекомые этой жаждой и разрушая все вокруг в ее честь. Лишь немногие успевают переродиться, научившись не только жаждать получать, но и жаждать отдавать. Творить, а не только разрушать. Ты помогла моему никогда не виденному брату, а я помогу тебе. Держи, Александра.

Саша сглатывает. Но вопрос задать не успевает.

— Имена — наши Отражения, и увидеть то, как чья роль зовется, для меня нет труда, — Муза приседает в реверансе. — Ты играешь, но счастье для тебя не в игре. Ты боишься любви, исподтишка желая тепла, и боясь равно и холода далека, и огня близи от чужой души. Ты — Колдунья, получившая Великую Силу. Я исполню твое желание, ведь я Муза, такова моя роль, — еще один переворот. Теперь перед Сашей неожиданно предстает пожилая цыганка в цветном платке с хрустальным шаром в руке. — Будущее туманно и переменчиво, прошлое в твоих руках. Но порой прошлое ведет к будущему, — из складок цветастого одеяния сухая рука достает расписанный странными светящимися рунами амулет. — Прошлое создает будущее, а будущее отпечатывается в прошлом. Это — то, что однажды в прошлом было забыто и утеряно, и попало ко мне, чтобы в будущем попасть к тебе. Ты сумеешь совладать с тем, что внутри, и две живые души обретут прощение и шанс на счастье. Увы, — вновь поворот, и Муза возвращается к привычному облику. — Я не всемогуща, и не могу дать то, что каждый из людей может дать лишь сам себе. Но могу дать шанс на счастье, о котором ты просишь. Эта вещь попала в мои руки тогда, когда игра лишь разрушала, но теперь она созидает, и пора созидать и то, что было разрушено. Вверяю тебе, Колдунья, самое ценное, что есть в мире — чужую жизнь.

С этими словами Муза протянула амулет. Саша, словно замороженная, поднесла к нему руку, даже не задумываясь об опасности. Ни о чем не задумываясь. Она просто делала то, что было правильным. И едва пальцы коснулись металла, как мир схлопнулся в стремительном водовороте красок и образов, засасывая ее и унося куда-то вдаль.

Секунды казались вечностью, но мир, наконец, вернулся.

Саша стояла около знакомого менгира в знакомом лесу. А рядом был совершенно незнакомый молодой рыжеволосый парень в старинной одежде, на вид не сильно Саше старше, и растерянно оглядывался по сторонам. На его начавшей зарастать щетиной лице было выражение крайнего недоумения.

Здесь никого не должно было быть. Но парень был, и Саша почему-то была совершенно

уверенна, что он не был ни гостем, ни кем-то из «ее» обитателей леса. Тем более, что волк испуганно жался к ноге, рассматривая чужака.

— Э... Я конечно ожидал некоторых сложностей, — говорил незнакомец с акцентом, и совершенно незнакомым голосом. Саша могла поклясться, что никогда раньше его не слышала. — Но где я, кто ты, прекрасная госпожа, и почему ты в таком наряде?

Наряде? Эта часть вопроса удивила Сашу больше всего. Хотя, надо признать, что парень выглядел, на ее манер, старомодно, словно сам только что пришел с какого-то реконструкторского бала.

— Александра. И наряд как наряд, надо же было что-то на игру надеть. Так лучше?

Усилием воли Саша обрядила себя в привычные джинсы и футболку. И парень вытаращился на нее с выражением еще большего удивления.

— Это... штаны?

— Разумеется, это штаны. Женщины носят их уже больше века, с чего бы мне не быть в штанах?

— Больше... века? — здесь Саша прекрасно могла ощущать крайнее смятение без всякого Отражения.

— Ну да. Санд, Шанель, вот это все. Точной даты не назову, конечно. А что тебя так удивляет? И кто ты вообще? И что тут делаешь?

— Больше века! Что могло случиться?... — парень, кажется, от смятения перешел к настоящей истерике. — Так не должно быть, так не должно быть!

Вокруг него начала закручиваться сила, разрывая землю и рая деревья. В зубах заныло, в голове появилась боль, а мир вокруг словно бы жалобно застонал. Этот... урод ломал ее мир!

— Успокойся!

Куда там. Парень точно ее не слышал.

Саша выругалась про себя. Она — хозяйка этого места. И кто бы это ни был... Она не позволит ему ничего разрушать.

Ближайшие деревья протянули свои ветви и тут же спеленали юношу после короткого, но бурного сопротивления так, что тот и двинуться не успел. Не только мешая двигаться, но и запирая все его силы.

— Отдохни пока. Будешь дергаться — продолжишь висеть. Успокоишься и будешь готов поговорить — поговорим. А ты — сторожи.

Волк согласно кивает. Саша делает шаг назад, прочь от леса и камня, в надежде найти выход из собственного разума... и оказывается на той же самой поляне, где была Муза. В одиночестве.

Занимается рассвет.

Саша. Что происходит?

Мысли по связи буквально врезаются в разум. Сеть не ловит, и вместо смс или звонка Саша только в ответ старается послать успокоение и собственные образы.

Все в порядке. Дело раскрыто, как приеду домой — пришлю полный отчет.

Пауза.

Уверена, что тебе не нужна помощь?

Нет. Правда, все в порядке.

Жду рассказа.

Хорошо.

Болезненная близость чужого разума чуть отдаляется, и связь словно бы становится менее плотной, более привычной для ее сознания.

А еще в этом самом сознании, на его глубине, бьется в путях чужое «я». Хватка деревьев и шепот листвы успокаивают, лишают эмоции остроты... Но этот разум — чужой. Не Сашин, и никакой не Проекция. Чужой разум внутри ее собственного.

Во что она ввязалась?

Сон, в который Саша проваливается в общем шатре уже после рассвета, не приносит никакого облегчения. В мысли, и так пребывающие в беспорядке, вновь вторгается образ менгира, поляны — и увитого ветвям-цепями человека.

Несколько мгновений Саша раздумывает, не стоит ли ей проснуться. Просто уйти. Отступление кажется желанным, ведь что бы ни произошло, это точно сулит только проблемы. Только сложности. Но ей нужно знать. Нужно понимать, в конечном-то итоге, что вообще теперь делать со всем этим. С Маэстро и его дочерью, которая больше не человек и не маг, а могущественнейшее из существ этого мира, общающееся с людьми в обход Закона. С юным потенциальным волшебником, уже сейчас готовым на все ради собственной цели, вздорным, капризным и не понимающим слово «нет» не только в игре, но и наверняка — в жизни. С чертовым кем-то в ее собственной голове.

Ладно, с последним хотя бы можно поговорить. Возможно, тогда придет верное решение.

Саша шагнула ближе к менгиру, уходя от грани, с которой могла бы уйти, перевернувшись на другой бок и проваливаясь самый обычный сон без всяких непонятных личностей. Приближаясь к незваному гостю.

— Расскажи, как оказался в амулете. Кто бы ты ни был, — она скрестила руки на груди.

Слова словно бы скрадывала окружающая тишина, которая теперь нарушалась ощутимым, неприятным ритмом чужого дыхания. Но Саша была уверена, что вторженец их услышит.

— Хорошо, — парень кивает. — Я проводил эксперимент. Опыт. И кто-то вмешался, клянусь, я не знаю кто. Вначале, я как и задумывал, переместил свое сознание полностью в подготовленное вместилище, Веричинский Амулет, и на обратном взмахе самораспадающегося плетения должен был вернуться в тело, но... Но я здесь. Значит что-то пошло не так, — он выглядел все еще растерянным.

— Не так... Точно, не так, — внешний вид юноши. Удивление от ее брюк. И эксперимент по перемещению сознания. Нехорошее подозрение зашевелилось в Сашиной голове. — В каком году все это случилось?

— 1813 от Рождества Христова, — отрапортовал парень.

Саша только глупо моргает. Это же не розыгрыш?

— Ты... уверен?

— Да. Конечно, уверен. А... какой сейчас год?

— Как такое возможно... Прошло ведь больше двух веков, — тихо, словно не слыша вопроса, говорит Саша себе под нос.

— Двух... веков?

— Да. Как тебя зовут?

— Миклош. Миклош Велецкий.

Два человека получают возможность стать счастливыми...

Этого не могло быть. Этого не должно было быть. Саша не могла поверить. Но все же задала вопрос на чистом автомате.

— Ты ученик Серафима?

Парень кивает.

— Черт...

Это было... неожиданно. Просто невозможно. Миклош же был преступником, он был как раз тем, о ком рассказывал наставник. И он — здесь?..

— Черт, ты... Какого вообще? Что ты тут забыл, уйди! — магия потревоженного разума заставила деревья заскрипеть, а волка — оскалиться.

— Ты чего. Эй, эй, прекрати! Успокойся! — парень поднял руку. Хотел обе, но деревья крепко держали, и одну-то едва освоил. — Если ты убьешь меня, то точно ничего не узнаешь. Я уйду, как только смогу!

— Ты не можешь здесь быть. Черт, черт... ты... Я больна. Ты галлюцинация!

— Да нет же! Прекрати, ты убьешь меня! Я не знаю что произошло, но клянусь, все расскажу, что смогу! Я не опасен!

Ветви так сильно сжали парня, что Саша даже отсюда чувствовала болезненное напряжение в едва-едва не раздавленных ребрах. Еще немного, и...

— Пожалуйста, — уже не хрип, а только тихий стон.

И это разом расстроило весь боевой запал. Хватит уже смертей. Кто бы это ни был.

— Хорошо. Но ты все мне расскажешь, — ветви ослабили напор.

— Конечно. Слово мага и дворянина.

Несколько секунд на поляне стояла тишина, прерываемая только дыханием парня, Сашиним ощутимым сердцебиением, да все уменьшающимся скрипом деревьев.

— Валяй, — Саша усаживается на траву, не в силах больше стоять ровно. — Рассказывай, как ты стал злодеем, убил дочь, жену и кучу народу в попытках обрести бессмертия аки Воландеморт, и оказался заточен в амулет.

— Аки кто? Что?.. Я... убил Милли и Марго?.. — на лицо рыжеволосого было жалкое смотреть.

Саша ощутила укол вины. Боль, грусть и явный страх этого в общем-то и правда молодого парня были очевидными. Наверное, не стоило вот так...

— Я не... Клянусь. Я бы не стал...

— Вы все так говорите.

На секунду Саше показалось, что парень сейчас может и заплакать от отчаянья. Но Миклош взял себя в руки.

— Слушай. Я все расскажу, как есть. Насколько я могу понять, я каким-то образом оказался заперт в твоём разуме, кто бы ты ни была, и перенял часть твоих образов, твоей речи, чего-то еще... Ты наверняка маг, иначе не смогла бы подавить меня, значит знаешь, что ты хозяин в этом месте. Я правда не вру. Я не знаю, что произошло, почему эксперимент провалился и почему я здесь, но клянусь своей честью и жизнью — я никогда бы не причинил вреда девочкам. Милл... Миллисента была моей женой, светлицей и голубоглазой, богиней на земле, а Марго была ангелом во плоти. Я... Марго болела чахоткой. Угасала. Обращение могло бы помочь, конечно, но жизнь в вечном рабстве, в вечных кандалах голода, вечное кормление людьми... Это бесконечность страданий. Да и по всей Империи был Мораторий, я конечно, мог найти того, кто согласился бы нарушить Закон, но тогда Марго до конца своих дней вынуждена была бы скрываться от Ордена, обращенная без разрешения. Ты спросила о Серафиме... Наверное, знаешь, что я был его учеником. Я просил его помочь. Но Марго — не Затронутая, и даже выбив с трудом разрешение, даже его силами удалось лишь отсрочить неизбежное. Я хотел найти решение, раз и навсегда. Решение, которое могло бы помочь не только Марго, но и всем остальным.

Загронутые обречены терять людей из тех, кого любят. Наши дети редко рождаются магами, а мы сами слишком хорошо знаем жизнь Обращенных, чтобы желать им такой судьбы. Я хотел найти способ, который помог бы всем. Магия могущественна... В общем, не буду вдаваться в подробности, но если коротко — я узнал, что и раньше, и сейчас были идеи о том, чтобы с помощью направляющих камней и нескольких древних ритуальных рисунков фокусировать точку сознания не в человеческом теле, а в специально подготовленном вместилище. Из которого сознание можно было бы извлечь потом и поместить в новое тело, скажем, только что убитого человека. Ты наверняка знаешь, что само тело часто можно вернуть к жизни тогда, когда сознание уже отправилось в глубины Отражение или... дальше. Это возможно. Теоретически. На практике так никто не делал. По крайней мере официально, разумеется. К тому же прямое замещение сознания строжайше запрещено менталистами, а переселиться именно в оживленное тело без души из своего собственного нельзя по ряду причин. А промежуточный носитель, сбалансированный по Аэрлю-Поллзаку, — видя явное неудовольствие на лице Саши, едва понимавшей магическую терминологию, сыпавшуюся к тому же прямо в ее собственное сознание иллюстрировавшими слова парня образами, Миклош одернул себя. — В общем то, что я хотел сделать, не одобрялась, но и не запрещалась напрямую. Есть разница между прямым насильственным замещением, и, скажем так, осваиваньем бесхозных тел. По крайней мере, я ни в одном документе не видел запрета на подобные попытки. К тому же для начала нужно было разобраться с перемещением разума из тела во вместилище. Это потребовало времени, но у меня получилось. Как видишь.

Миклош замолчал.

— А дальше? — поторопила его Саша.

— А вот мое дальше, — вздохнул парень, обводя себя руками. — Наставник отговаривал меня от проведения экспериментов. Считал, что такой способ заботы о близких приведет только к боли, войнам и убийствам с целью забрать пустые тела, и что если нити судьбы кого-то отрезаны, то мешать уходить дальше бесполезно. И остальные... менталисты видели в этом то же Замещение. Наложение. А больше у меня не было желания делиться с кем-то еще своими мыслями. Марго была моей дочерью. Моей! Не Серафима и не кого-то еще. Я завершил все расчёты, и, пока Орден традиционно праздновал Рождество на крупном балу в имении Ольховых, провел эксперимент по переселению себя во вместилище в своей экранированной лаборатории. Я переместился в амулет... Но не смог вернуться обратно. И... ты говоришь, что прошло два века. Ты девушка, носишь странную одежду и явно... другая. Я верю. Значит... Значит я провел в амулете две сотни лет. Для вещей нет времени, время определяется сигналами органов чувств, а у побрякушки их нет. Ты... говоришь, что... я... как я мог убить девочек? Они были живы, когда я проводил эксперимент. Клянусь.

— Я не знаю подробностей, — начала Саша острожное.

— Не нужно жалеть меня. Просто расскажи. Откуда-то ты это знаешь. А и... извини, в мое время среди волшебников всегда обращались на «ты» к тем, кто не был непосредственным начальником, и если тебя это задевает, то я не буду.

— Все в порядке. А откуда знаю... — Саша на секунду заколебалась, но потом закончила как есть. — Серафим как-то говорил, что у него был способный и сильный магически ученик, который увлекся теорией переселения сознаний и провел неудачный эксперимент сначала на своей дочери, потом на жене, а потом и вовсе втянул в это дело других людей. И назвал имя.

Лицо Миклоша одеревенело.

— И... наставник говорил, что стало с его учеником?

— Его казнили.

Второй раз Саша хочет ударить себя. Словно это как-то избавит от боли юношу.

Миклош долго молчит. Саша уже думает, что он не ответит, но рыжеволосый все-таки говорит тихо.

— Значит... Я не верю, что Серафим солгал бы. Ему незачем. Да и ты бы все равно поняла, рано или поздно. Он бы не стал. Значит учитель сам в это верит. И... тогда я не смог вернуться не потому, что ошибся, а потому, что кто-то иной занял мое тело.

— Это возможно?

— Да. В теории по крайней мере. Технически мое тело в тот миг, когда я перенес сознание в артефакт, ничем не отличалась от тела человека, чье сознание распалось из-за смерти. Даже лучше — меня тогда поддерживали лекарские плетения, никому не надо было заращивать раны. Тот, кто вселился в мое тело, мог просто отряхнуться, встать и пойти по своим делам. Ты уверена, что меня... казнили?

— Серафим так сказал.

— Надо... Я... я не знаю. Когда ты назвала имя наставника, я думал что просто расскажу все ему... Но теперь. Я не знаю. Если он говорил это, значит вы общаетесь, так?

— Я его ученик, — скрывать было нечего.

Миклош кивнул, насколько позволяли удерживающие его ветви.

— Если он решит, что мое присутствие вредит, то без сомнений изгонит меня со всей этой историей. Или, что хуже, если Михаил Новгородский или кто-то еще из его товарищей менталистов поймет, что я здесь, то меня уничтожат на месте. Наверняка. Нужны будут какие-то доказательства, что-нибудь. Слушай. Я обещаю, что как только пойму как, тут же уйду. Я понимаю, что мое появление... в общем как-нибудь расскажешь, как оно произошло, что изменилось и откуда брюки. Но пока... умоляю. Дай мне подумать. Пожалуйста. Хочешь, оставь волка, деревья, вот это все. Время здесь идет иначе, и я могу все осмыслить. Я уже привык, что Хранитель хочет меня сожрать. Все в порядке. Просто оставь меня тут, и когда я пойму, что можно сделать, мы поговорим. Хорошо? На самом деле чем дольше мы так общаемся, чем больше шанс что твой наставник это почувствует. А я пока не знаю, что ему сказать. Я думаю, что смогу говорить с тобой не только во сне. И я дам о себе знать. Но мне нужно время.

Саша вздыхает. Ей это все не нравится.

Но в одном рыжеволосый прав — здесь она властелин. И она совершенно уверена, что все рассказанное им правда.

Счастье двоих... Если Муза права, значит наставник сможет перестать винить себя за преступления, совершенные вовсе не его учеником, а Миклош... наверное, он будет счастлив обрести тело.

Зла и смертей уже достаточно.

— Хорошо. Но сиди тихо.

— Разумеется. Разумеется. Спасибо, я твой должник.

— Ты мой пленник, — фыркает Саша.

И просыпается от того, что в шатре народ постепенно собирает вещи. Голова рассказывает на куски, а по связи доносятся отголоски тревоги.

Все в порядке.

Уверена?

Да. Ночь была яркой, а сон недолгим. Но все в порядке.

Хотела бы она сама в это верить.

Саша сидела на краю поляны, рассматривая почти стершийся рисунок, что ночью призвал сюда Музу. Через полчаса нанятая газель приедет, чтобы доставить их всех в город. Обратно к суете, обратно к вопросам, обратно к привычной жизни.

Сейчас в теле и разуме витала усталость, помноженная на тревогу и смутный дискомфорт, порождаемый чужеродным присутствием. Запертое в глубине разума сознание ощущалось просто... просто ощущалось. Словно нарыв или нарост, пусть и не причинявший боли.

Вопросы. Вопросы, вопросы, вопросы.

— Итак, что ты решила, Колдунья? — Маэстро появился из-за деревьев, ступая разом элегантно и проворно. Он по-прежнему был во фраке, на котором не было ни малейших следов грязи, ни одного мятого участка и вообще не одного свидетельства того, что носился этот фрак в лесной глуши. — Милуешь или казнишь?

— Что если мой ответ не понравится тебе или твоей дочери?

Маэстро чуть улыбается.

— Если такое случилось бы, я бы сказал, что попробую защитить ее любой ценой. Куплю ей время, чтобы она могла сбежать, буду бороться с тобой... Пока не проиграю и не поеду в город в цепях, как осужденный каторжник, и не приму там смерть от милостливой длани Ордена.

— Ты предан своей дочери, кем бы она не была.

— Каждый из нас играет свою роль. Свои роли. И я отец, помимо всех иных.

Саша коротко улыбается.

— К тому же я знаю, что мне нет нужды демонстрировать свою преданность. Те, кто ставят догматы выше разума, устои выше счастья, а Закон выше жизни не сомневаются в принятом решении. И стремясь облегчить твой груз забот, я готов поклясться в том, что никогда не причиню вреда ни людям, ни Затронутым, разве что в целях самозащиты.

— Вред — слишком обтекаемое определение.

— Разумеется. Но ты была здесь и все видела сама. На одну ночь эти люди стали счастливы, исполнив свои желания, какими бы они ни были. И — только. Они потеряли не больше, чем приобрели.

— Люди были счастливы... И твоя дочь, разумеется.

— Да.

Саша чувствует дуновение магии и, кидая взгляд через Отражение, видит подмигивающую из-за деревьев Музу.

— Ведь мы для того и живем, чтобы кого-то делать счастливым. Что, принимаешь мою клятву?

— Да.

Маэстро несколько церемониально кланяется.

— Я, маг, нареченный отцом Андрей, а судьбой Маэстро, клянусь своей магией и жизнью, что без угрозы для своей жизни или жизни моей дочери Елены во веки веков не причиню сознательного ущерба человеку или Затронутому своей магией или своими действиями, или своими словами, и приложу все усилия чтобы никто рядом со мной не причинил такого урона. Да запечатаются на Грани слова мои.

Отражение взметнулось, обвиняя фигуру волшебника, пронизывая его с головы до пят и формируя светлое облако вокруг головы. Облако враз потемнело, потом вновь посветлело, а потом и вовсе исчезло, словно впитавшись куда-то внутрь черепа мужчины.

— Клятва принесена, — негромко говорит Маэстро. — Теперь не нужно волнений. Я исправно буду играть свою роль, а тебе, Колдунья, не нужно конфликтовать со своей судьбой. И с тем, кого судьба подарила тебе.

Саша морщится.

— Что ты знаешь об этом?

— Все. И ничего, — Маэстро чуть улыбается. — Я ведь и режиссер, что знает все, и актер, что выучил лишь свои слова. Могу сказать только то, что сценарий порой совсем не очевиден, но все происходит по чьей-то воле, и все ведет к развязке, что дарит новую экспозицию. Только и всего.

— Не слишком содержательно.

Маэстро улыбается и отвечает еще полупоклон.

— Увы. Из всего могу сказать с уверенностью то, что иногда стреляют ружья, что кажутся заржавевшими, и то, что, желая узнать финал новой истории порой стоит вернуться к предыдущим, даже если те совсем стары. К черновикам, положим, ведь нередко публикуют лишь то, что угодно свету, а не то, что задумал автор. И не стоит бояться, становясь героем чьей-то истории, ведь каждый из нас уже играет главную роль в своей собственной пьесе. И чем больше действующих лиц, чем больше друзей, тем вероятнее, что кто-то, даже уже забытый второстепенный персонаж, вдруг даст ту самую вещь, нужную для лучшего поворота сюжета. Прощай, Александра. Не навсегда — я знаю, что мы еще встретимся когда-нибудь. Но пока — прощай. И если понадобится меня найти — вот номер.

Карточка с самым обычным домашним телефоном была золотой рамке и с серебряным тиснением. Ожидаемо.

Маэстро вновь, как в прошлый раз, растворился в воздухе. Позер. Саша прекрасно видела, как натянулись направляющие, выводя его к берегу реки, всего-то в десятке метров за деревьями. Но надо же эффектно уйти, а то как же иначе.

Саша поднялась на ноги. У нее было еще одно незаконченное дело.

Около шатра, который сейчас был почти полностью снят, стоял и Горан, и ее мстительный помощник Вик. Он-то и был нужен.

— Вик.

Парень поднял бровь, в своей по-прежнему раздражающей манере показывая, что слушает.

— Слушай, что было на игре — то остается на игре. Но ты в целом неплохой парень, не хочешь прийти на тренировки в Дендрарий по четвергам? — Саша попыталась добавить в голос заинтересованности, и, прости бог, флирта. Получалось отвратительно, но не из памяти же вырывать контакты?

А то отлично будет в отчете написано «найден потенциальный волшебник, знаю о нем только прозвище и пару деталей характера, подходящих под определение «мерзкий ублюдок». Просто отлично.

— Нет, спасибо. Мне твоей рожи хватило.

— Иди ты, — Саша не сдержалась.

И что с ним делать? Протокол предполагал или самостоятельное Становление, на которое Саша была совершенно не готова, или регистрацию данных. Но данных не было

— Если хочешь, могу добавить вконтакте, вдруг передумаешь.

— Нафиг надо.

Саша выругалась про себя, чувствуя, что еще немного, и этот раздражающий тип получит головную боль от принудительного взлома естественных ментальных щитов, а она — всю его подноготную.

Что ты так беспокоишься? Повесь следилку или физический маячок на него, у тебя десяток узлов остался. Потом в городе найдешь, никуда не денется.

Разумная мысль. Или ее привычный критик смягчился, или... Или внутренний голос стал отчетливо мужским и звучащим по-иному.

Миклош. Какого черта ты со мной говоришь?

Что-то же я должен делать? Не беспокойся, я все так же обездвижен на ветвях под пристальным взором твоего кровожадного Хранителя. Но и в моем нынешнем положении есть свои плюсы — я, по крайней мере, нашел возможность говорить с тобой и частично ощущать твои мысли.

Частично.

Саша выругалась про себя, вспоминая, как часть утра раздумывала над прелестями туалета в лесу.

Урод. Не подсматривай!

Больно надо. Ничего интересного, словно у остальных тело какое-то другое. Но так меньше шансов, что наше общение привлечет чье-то внимание.

Чье-то.

Я не хочу умирать.

Саша только фыркает.

Не подсматривай.

Да не собираюсь я. Ты намерена пользоваться хорошим советом?

Саша еще раз фыркает. Быстро же этот рыжеволосый освоился в ее голове. Очень быстро. Но привязку на узловую побрякушку все же вешает, а саму побрякушку, пока Вик отворачивается, прикрепляет ему на рюкзак, хорошо так приматывая и скрывая легким отводом внимания. Не до конца законно... Но вполне допустимо — магия-то не на человеке, а на вещи.

Хотя вообще-то будет неплохо сразу по приезде в город найти парня и снять все, а то могут и осудить...

Расслабься. Никому не интересны таким мелочи.

Михаил Ефимович может обратить внимание. Он поручил мне это дело в качестве практики под собственное наблюдение.

Образ мелькает в голове, и Саша ощущает чужое внимание, идущие словно бы изнутри собственного разума.

Новгородский — твой начальник?

Ага.

Час от часу. Хотя может быть и к лучшему, на самом деле. Он меня знает, возможно удастся объясниться. Но лучше не доводить до этого, Изгонит — и все. Слушай, у меня есть план.

Валяй.

Если коротко — нужно вернуться в город, сдать все дела. И попробовать найти Григория. Он был во всех отношениях теоретиком, и силы небольшой, да и трусом оказался,

когда после заседания Совета мои исследования признали противозаконными и неэтичными, он тут же поджал хвост и исчез с горизонта. Но у него были книги, из которых я много всего почерпнул, и немало идей. Возможно, он что-то расскажет. Гриша сам не слишком силен, но раньше у него было много влиятельных друзей. Кто-то прознал ведь о моем эксперименте, времени и месте.

Вот так просто — взять, сдать дела, и заняться поиском неизвестно кого потому, что так приказал голос в голове. Отлично. Во что она ввязалась? Ладно потом разберется. Саша закинула на спину рюкзак и зашагала вперед, к появившейся на дальней поляне газельке.

Господи, помилуй. Что это? — искреннее удивление вовсе не было ее собственной эмоцией. Удивление и страх.

Газель.

Что? Шкура, рога, а... Остальное?

Не животное. Машина.

Машина?

Ну да. Механизм, созданный чтобы ездить без лошадей.

Миклош замолчал. Надолго. Саша успела залезть на сидение, не без труда, но примостить в ногах рюкзак, достать из него по старой привычке кошелек и паспорт и переложить их в карманы. Даже успела немного заскучать до того момента, когда остальные попутчики заняли свои места, водитель завел мотор, и с привычным уже ревом и лязганьем машина покатила прочь из леса, подпрыгивая на ухабах.

Только в этот момент Саша ощутила слабые чужеродные образы. И через паузу отвела в сторону это ощущение, пытаясь сосредоточиться на чем-то другом и не подслушивать.

Миклош тихо молился. Саша прикрыла глаза, засыпая. Надеюсь, что прошедшие безумные сутки наконец закончатся с возвращением в привычную городскую среду обитания.

Спустя два часа пути они остановились на заправке где-то недалеко от Горячего Ключа. Людей тут видно не было, но несмотря на отдаленный от М4 и пути на море район, магазинчик с неплохим для подобного места ассортиментом присутствовал. И Саша, уже порядком проголодавшаяся с небольшого перекуса в утренней полупустой игровой таверне, отдававшей просто так остатки вчерашнего ужина для тех, кто проснулся раньше десяти, этот магазин захотелось посетить, пока водитель пошел платить за бензин, а еще несколько человек отправились в уборную.

Здесь тревога, которая вовсе не была ее, усилилась многократно. Миклошу явно была не по нутру поездка в железном гробу, как сама Саша перевела его мысли. Но и сидеть смирно и наслаждаться видами деревьев он не желал.

Ты боишься магазинов?

Только пикающей ерунды.

Это сканер у кассового аппарата.

Пикающая ерунда. И меня беспокоит другое.

Что?

Нас кто-то ищет. До этого мне казалось, но теперь я уверен. Ты не чувствуешь?

Саша прикрыла глаза, на секунду отрешаясь от происходящего вокруг, от пробившей ее покупки кассирши, от ярких упаковок, от рокота удаляющегося двигателя...

Удаляющегося? Но ведь здесь остановилась только ее газель!

Саша выскочила из магазина — и увидела клубы пыли уже прилично отъехавшего прочь

микроавтобуса.

— Какого черта?!

Кто-то приказал. Чувствуешь? По большой территории ударили отводом внимания с центром на тебе, вот о тебе и забыли. Или центр на мне, а ты просто попала как носитель — я не разобрался.

Глазастый.

Вовсе нет. Но в ритуалах я хоть что-то, но понимаю. Даже в своем нынешнем состоянии.

Саша выругалась еще яростнее, рассматривая Отражение. Действительно, все вокруг устилали белесые нити, протянувшиеся с другой стороны дороги. От остановившейся сейчас черной иномарки, из которой вышел молодой мужчина в спортивном костюме. Вышел — и явно рассматривал заправку через Изнанку, как-то странно прищурившись. Саша на одних рефлексах окутала себя Невидимостью. Аналог того самого Отвода Глаз, что заставил забыть о ней, только работающий против тех, кто искал через Отражение, а не обычным взором.

Я чувствую его линии поиска. Он ищет меня и знает, что я здесь.

Саша и сама ощущала, как к ее «постояльцу» тянулись слабые синеватые нити ориентировочного плетения.

Так, бежать тут было некуда. Не в магазине же прятаться? Хотя все лучше, чем стоять на месте. В голом поле на раз ведь догонит. А то, что ничего хорошего не случится, когда этот товарищ в костюме до нее доберется, сомнений не было. Даже не потому, что Миклош, скорее всего погибнет, а потому, что вполне вероятно убить попробуют их обоих. За компанию. Или ей память сотрут или чего еще похуже.

Саша нырнула обратно в помещение, спрятавшись за стойкой с водой. Кассирша куда-то исчезла, как и парень-заправщик, до того крутившийся здесь, и вокруг стояла неестественная, неприятная тишина. С ее позиции в окно можно было видеть, как человек в спортивном костюме пересек трассу и целеустремленно двинулся к заправке.

Выходит, что преступления, приписываемые ученику Серафима, совершил кто-то еще и по какой-то причине. И этот кто-то вполне мог быть еще жив, коль парень тут.

Верно мыслишь. Итак, у меня есть идея. Даже две. Первая — можешь позвать наставника.

Серафим занят, где-то в Хакасии или в Якутии, или еще где-то...

Он все равно оставил кого-то, кто может помочь.

Может быть. Жалко, что телефон в рюкзаке остался, позвонила бы...

Телефон? Позвонила? Ладно, потом. В общем-то, есть вторая идея. И если ты ее поддержишь — я буду твоим вечным рабом, клянусь.

Что за идея?

Мне нужно тело. А тебе — избавится от меня, пока я не причинил вреда или пока твой разум не пожрал мой и не случился конфликт памяти. И это можно совместить. Я не знаю, что ты смыслишь в ритуалах, но сил твоих на что угодно хватит. А я помню, что нужно делать.

Что? Ты хочешь... Убить этого человека и вселиться в его тело?

У Саши чуть глаза на лоб не полезли.

Именно. И до того, как он убьет нас.

Он не...

Дробилка!

Крик в собственной голове едва не оглушил, и Саша на одних рефлексах выплела вокруг тела самый сильный из известных универсальных щитов. Вовремя. Брошенное от входа в магазин заклинание разбило стойку, разбросав бутылки во все стороны. С соседних стеллажей посыпались продукты, и оставалось только нырнуть дальше за прилавок.

Саша тряхнула головой, чувствуя, как от резкого оттока сил на щит заныло в висках и из носа начала идти кровь.

Попади заклинание в нее — переломало бы все кости.

Твою мать.

Не отвлекайся!

Саша выругалась вслух, понимая, что к ней летит комок из красных щупалец. Медуза Смерти, смешно по названию и крайне летально по факту. Благо, конус огня вокруг тела сжег паутину нитей. И поджег стеллаж с книгами в дорогу, половина из которых была с мягкими переплетами. Саша бросила в него несколько бутылей воды, на лету разрезая их лезвием — пожар в ее планы не входил.

И пропустила следующий удар, от которого выгорел носимый на шее защитный амулет.

Саша рискнула выглянуть в Отражение, рассматривая человека у входа, который сплетал очередное колдовство. Его силуэт, оплетенный несколькими защитными чарами, странно подрагивал, словно бы постоянно меняясь.

Наложение.

Что?

Кто бы это не был — его сознание уничтожено вторженцем. Это облегчает дело.

Да?

Саша выставила новый щит, на сей раз срезая еще одно Лезвие.

Наложение ослабляет тело, и потому он нас еще не убил.

Ослабляет?

Щитов вокруг пришельца было предостаточно.

Это все простая магия, что-то более тонкое недоступно ему... и тебе. Решайся. Я клянусь, что тебе говорил правду. Я не опасен. Но как видишь — я несу с собой опасность.

Еще один взрывающийся снаряд ушел вверх, теперь отклоненный слабым, но все-таки сработавшим Вероятностным Щитом. Серафим учил ее этому почти год, и до того не получалось ничего путного. Адреналин творил чудеса

Скоро он сообразит, что ты мало знаешь о магии. И сделает что-то более интересное.

Что-то толкнулось в ментальные щиты, и Саша выругалась, откидывая вторжение. Из носа шла кровь. Били может и простыми заклинаниями, но сила была такая, что она уже ощущала себя выжатой, как лимон.

Надолго ее не хватит. Резерв и потенциал есть, но много силы пропускать через себя нужен опыт и умение.

Еще одно Лезвие — теперь в момент удара Саша едва удерживает щит. Отдача откидывает ее к стене.

Она облизывает кровь, скапывающую из носа.

Демон все побери.

Бомбарда — щит.

Саша чуть открывается, одергивая часть активной защиты, словно показывая свою

уязвимость.

Лезвие летит к ней тут же, как по часам. Летит и на пол дороги натывается на самый обычный на вид щит, что вмиг походит рябью — и с удвоенной силой запускает заклинание обратно. Меньше, чем за половину удара сердца. Сила атаки, умноженная Зеркалом, такова, что защиты на прищельце в спортивном костюме прогорают за один миг, и он падает на кафельный пол магазинчика, заливая все вокруг кровью из разрезанной собственным же, по сути, заклинанием, шеи.

Останови кровь сразу после того, как он умрет.

Саша на негнущихся ногах подходит к мужчине. Он лежит лицом в пол, неподвижный и бездыханный. На Изнанке его целостность, так и не ставшая четкой и однозначной, медленно истончается.

Она ведь могла бы ему помочь...

Он все равно не жилец. Ты видишь Отпечаток, его нечеткость — трансформация лишила его изначального облика. Такое и сильный менталист не исправит. Его разум уничтожили ради превращения тела в раба чужой воли.

А мы довершим начатое.

Счастья на всех не хватит... Только сделает ли она кого-то счастливее?

Отпечаток в Отражении распался окончательно, растворяясь на Изнанке, и в этот же миг Саша выпалила останавливающее кровь заклинание. Без отклика чужого ядра оно только закрыло рану механически, постоянно заставляя тратить силы.

Держи так. Когда я займу тело, подпитывать чары не понадобится, они зацепятся за мое ядро.

Я слышу неуверенность.

Я никогда этого не делал, ясно? Тем более так.

Отлично. И что дальше?

Ничего особого. Просто пожелай перекинуть меня в это тело и повторяй за мной то, что я буду говорить. Я перекину образ, просто следуй за ним.

Образ появляется. Не сразу, но Саша ухватывает отпечатки. Самые разные: знаков, рисовать которые быстро и легко кровью; чужих, непонятных слов; сложнейших плетений, которые Миклош знает наизусть, и теперь знает и она, выплывая на остатках своей силы и силы менгира, пульсирующей разом и в далеком теперь лесу, и в ее собственном разуме. И Саша следует за словами, следует за образами, за отпечатками, за ощущениями и эмоциями, выплывая магию желанием и жестами, звуками и намереньем. В один миг катерны заканчиваются — и начинается боль. Из нее буквально выдирается чужое «Я», пробираясь по телу и разуму, выгрызая себе путь на волю. Исчезая на пике боли — и заставляя не то мертвое, не то живое тело под ее пальцами выгнуться дугой и зайтись в кашле. Сашины чары, сдерживающие кровотечение напавшего на нее, медленно, но верно находят чужое ядро, закольцовываясь и переставая вытягивать силы.

Саша в изнеможении прислоняется к чудом уцелевшему стеллажу с какими-то чипсами у самого входа в магазин. Повсюду витает магия недавнего боя и ритуала, Отражение лихорадит. Минимаркет выглядит словно пережившим бомбежку. Пол залит кровью. И посреди этой лужи, размалеванный ритуальными знаками, в нелепом спортивном костюме, пытается перевернуться набок из неудобного положения «лицом в пол» не то неясный враг, не то невинно осужденный соученик, не то оба сразу.

Саше почти хочется смеяться. Но лишь почти. Что дальше? Что теперь? От

перенапряжения по лицу идет кровь.

— Неродова, какого черта тут произошло?

Михаил Ефимович останавливается у входа. Его фигура в Отражении подернута множеством чар, а сзади маячит, кажется, кто-то из близняшек. Анотнина? Леса? Саша так и не запомнила кто есть кто до сих пор.

Как всегда вовремя.

— Я все объясню. Только не убивайте никого, ладно?

Кажется, она теряет контроль не только над не желающим вставать телом, но и над разумом и уж точно — над собственным языком.

— Не убивать? Тебе придется действительно постараться с объяснениями.

Саша глупо улыбается, пытаясь не сказать и не сделать ничего, за что будет совсем уж стыдно. Кажется, все произошедшее было уже слишком для ее здравомыслия.

— Еще раз уточню. С тобой вышел на контакт неопознанный подселившийся субъект, представившийся именем известного тебе преступника, рассказал о своей невинности, подбил скрыть свое существование от всех остальных и предложил провести под своим руководством неизвестный ритуал над свежеубитым Затронутым. И ты безоговорочно поверила этому субъекту и сделала все, как он просил, включая нарушение Закона, внутренних инструкций и здравого смысла. Я ведь ничего не забыл?

— Ничего, — отвечать пространно не было сил. Голова болела зверски, несмотря на то, что зарождавшуюся истерику от переутомления начальник погасил одним взглядом. — И это все правда.

Саша сидела, забравшись с ногами в огромного размера кожаное кресло. Если бы не пример Лесы, поступившей также, едва они приехали в загородный дом около Краснодара, который, как поняла Саша, принадлежал сестрам, при Михаиле Ефимовиче она бы так не сделала. Но близняшка только подмигнула, и ставив кроссовки, предложила следовать своему примеру и нисколько не стесняться в ее жилище.

Миклош, если его конечно можно было так назвать, полулежал на диване. Глава Ордена сначала окончательно залечил раны его тела, а потом, коротко расспросив Сашу, несмотря на все ее протесты, почти полчаса молча изучал лежащего на полу магазина под сковывающим заклятием мужчину, сидя рядом и беспрерывно глядя в глаза. Но, по крайней мере, помиловал, забрав с собой в город и оставив все зачищать нескольким приехавшим на место незнакомым оперативникам. И теперь Саша, Миклош в своем-чужом теле, Леса и сам начальник сидели в большой, шикарно обставленной гостиной, обсуждая произошедшее.

Это становилось прямо какой-то нехорошей традицией. Даром что последние четыре практики до этой выпускной тихо прошли, но там-то и ничего серьезного не было.

Михаил Ефимович, расположившийся в самом шикарном из кресел и потягивающий коньяк, выглядел разом и очень необычно, и привычно-строго. Саша никогда не видела его в неформальной обстановке настолько отстраненным, в противовес собранности во время происходящего в Свободе. Но ее магии, навыков и чувствительности хватало для одного-единственного вывода — глава Ордена напряженно раздумывал над ситуацией, по контрасту с внешне спокойным и почти расслабленным видом.

— Ты сдавала мне основы ментальных взаимодействий.

Это не было вопросом, но Саша кивнула.

— И в этом случае у меня есть подозрение в собственной никчемности в роли педагога. Или в том, что ты сознательно решила забыть абсолютно все, что говорилось и в Ордене, и о чем, я уверен, поведал тебе твой наставник.

Да. Раз тридцать.

Но вслух Саша сказала другое:

— В индивидуальном проективном пространстве его владелец имеет абсолютную власть, способен распознавать любые эмоции и напрямую считывать мыслеобразы, минуя ментальные защиты.

— Учебник ты помнишь. Похвально. Но даже если, если, я подчеркиваю, взять гипотезу о том, что твой подселенец не оказался бы спящим агентом с наложенными воспоминаниями, чьи намеренья были бы искренними, а в словах не было лжи, то как ты

готова объяснить дальнейшие решения? Про агента — личный опыт, не страшилка для новичков.

Саша чуть пожимает плечами.

— Этот тип в спортивном костюме напал первым. Применил малый ритуал Отторжения, оставил меня без возможности домой уехать и без вещей, напугал людей. Бросил атакующее заклинание.

— Все так. Но я говорю не о нем, а о тебе.

Саша на секунду задумалась, на автомате поднося ко рту кружку с горячим шоколадом. По приезде сюда Леса извинилась за отсутствие дома еды, вытащив откуда-то замороженный бургер, но под строгим взглядом начальника бургер словно бы испарился. А шоколад появился. Впрочем, ощущение окончательно разваливавшихся на куски и мира, и тела, и разума приятный вкус уменьшал — и то ладно. Ответила она честно:

— Окажись я в ситуации Миклоша, я определённо хотела бы, что бы мне помогли. Да и кто-то обещал стать вечным рабом.

— Я не отказываюсь, — негромко и рвано говорит Миклош. Сейчас его горло почти полностью скрыто под повязками и осязаемой магией, но говорить он каким-то чудом все-таки может. — Моя жизнь в твоих руках.

— Широкие жесты идут от сердца, но сердце часто увязает в ловушке, которую способен разрешить разум, — негромко, но весомо говорит Михаил Ефимович. — Александра, я уверен, что твой наставник это уже сообщал, но повторюсь — ты сильна. Простая констатация факта, не более. Но силы мало, нужен опыт ее применения, а у тебя его, несмотря на впечатляющую для трехлетнего обучения подборку приключений, мало. И это не в укор, для едва завершившего общий курс твое сегодняшнее поведение в бою было рациональным и объективно похвальным. За исключением того, что ты опять предпочла решать все проблемы самостоятельно, даже при наличии способов этого не делать. У тебя был амулет, была возможность позвать наставника, но ты предпочла расхлебывать все сама. И, Миклош, все это относится и к тебе, разумеется. И еще пара ласковых за решение проводить экспериментальный ритуал в одиночку. Ты старше Неродовой на десяток лет, но, судя по всему, ума это десятилетие тебе не прибавило.

— Все были против исследований, — буркнул Миклош.

— И ты не просто никого не послушал и разругался со всеми вокруг, но и предупредить никого не пожелал о том, что делаешь, в расчете на последующий триумф и потакание собственной гордости. Ты понимаешь, что совершенное преступление два столетия было покрыто мраком тайны просто потому, что никто о нем не знал? Твоим желанием самостоятельности банально воспользовались. И говорю я это для тебя, Александра. Вот пример, к которому приводит «я сам», характерное для трехлетних детей. Когда с «я сам» они суют пальцы в розетку.

— Розетку? — Миклош кинул на Сашу заинтересованный взгляд.

— Потом объясню.

В гостиной, где они собрались, не было техники. Ну или Саша ее не разглядела. Что в целом неудивительно. По словам Серафима, все истории о том что магия и приборы друг с другом не уживались, были не больше чем выдумкой, но как она понимала, некоторые немолодые волшебники все же оставляли какие-то жилые помещения свободными от гаджетов. В прихожей тоже все было нейтрально-несовременно, так что с большинством бытовых новинок, созданных за прошедших два века, Миклошу только предстояло

познакомиться.

— Кстати о сообщениях. Я говорил с Ксандром, и пока изложу ему сам ситуацию. Не из вредности — сейчас крайне важно, чтобы тот, кто пустил Подавленного по твоему, Миклош, следу, этот след потерял. Сознание, пошедшее на Замещение, покинуло место событий раньше смерти тело, которое заняло, иначе погиб бы и сам маг-подавитель. То есть никто точно не знает о том, что вы провернули, а оперативники, бывшие на заправке, не смеют нарушить данный мне обет. Прямо закрывающий все возможности рассказа о том, что поняли и видели, — Михаил Ефимович ловит взгляд Саши. Красноречивый взгляд. Маг поясняет: — я неплохо умею формулировать обещания там, где это необходимо. Увы, до определённого времени я не предполагал, что необходимо увещивать всех своих сотрудников еще и индивидуальными клятвами на все случаи.

— Ты хочешь оставить Серафима в неведении? — чуть нахмурилась Леса.

— Определенно нет. Он и так много что знает просто по факту того, что все это происходит с его учениками, как и знает в общем-то все, о чем мы говорим, в некотором роде.

Саша только кивает. Она ощущает присутствие в связи, осязаемое, как если бы Серафим стоял рядом. Это не совсем так, но его внимание очевидно.

— Но если сейчас он сорвется и приедет сюда, как намеревался, то тот, кто это затеял, наверняка сложит два и два, — продолжает, отпивая коньяк, Михаил Ефимович. — И это то, что нам меньше всего нужно.

— Расследование, — у Миклоша говорить выходит совсем хрипло, и глава Ордена прерывает его движением руки.

— Не говори без нужды. Иначе навсегда полунемым останешься, магия не всесильна. Да, расследование смерти Дмитрия Вернадского, который совершенно случайно лежит телом на этом диване, а душой где-то за Гранью, несомненно, будет. И еще интереснее — кто и как известит нас о его пропаже. Это может быть ответом на многие вопросы. Как и то, почему именно этого, в Ордене не состоящего, кстати, мага, выбрали для Наложения. Даже проводя такой ритуал форсированно, что сказалось на ауре, которую вы оба видели, без знакомства с жертвой и доверия с ее стороны получиться не ослабленный и одержимый чужим сознанием маг, а труп с расплавленными мозгами. Так что даже без кропотливой подготовки здесь явно налицо как минимум знакомство, и притом вовсе не шапочное. Из того что я видел — речь идет как минимум о первичном осознанном контакте.

— Этот... Дмитрий пустил в свой разум кого-то добровольно?

— Да. Согласился поучаствовать в чем-то воздействии. Небольшом ритуале.

Укоризну можно было бы пощупать руками.

— Другого шанса не было бы, — оправдывается Саша.

— Шанса на что — вам обоим на тот свет отправится? Что ты, лезущая со своими силами в ритуал, о котором вообще ничего не знаешь, что Миклош, подбивший на то, что урывками сохранил в памяти, совершенно незнакомого человека с большим резервом, но небольшой тренировкой в проводимости — форменные идиоты, разве что везучие. Ну да ладно, Ксандр с вами обоими разберется куда лучше меня. Так бы в угол поставил, но вы и так сами себя наказали. Что, нравиться тебе в чужом теле, когда мышцы не слушаются, мозги не работают как надо и магия бунтует, а, Миклош?

— Нет, — буркнул парень.

— Я-то прекрасно помню все, что ты мне сказал в последний раз, — усмехается маг. —

А ты?

— Был неправ.

— Был. Определенно. И тем не менее. Остаешься пока здесь, до дальнейших решений. И ты, Александра, сейчас без посторонней помощи домой не доберешься.

Саша зыркнула на мага, раздумывая, стоит ли спорить. Доберется. Но в кресле было уютно, шоколад был хорош, и нет необходимости идти туда, где на нее опять могут напасть, автобус опять может уехать, будут лететь заклинания... Спорить не хотелось. Она слишком устала.

— Вот о том и говорю. Юные и гордые. Если мы все хотим из этой ситуации выбраться в целости и того, кто это устроил, суду предать, самодеятельность и молчание может дорого обойтись. Куда дороже, чем просто пару дней отдыха и магическая подпитка, господа. Намного. Поэтому я вас обоих спрашиваю — готовы ли вы доверять друг другу и нам? Под нами я имею ввиду себя, Ксандра, Лесу и ее сестру, которая чуть позже присоединится к ужину. Доверять и следовать приказам, если такие будут. Следовать, а не самим ввязываться в авантюры. Я готов поспорить на что угодно — тот, кто играет против нас, не раз и не два попробует вас в эти авантюры втравить.

— Выбора нет, — коротко говорит Миклош. И через паузу продолжает: — я думал, ты меня убьешь, потому и решил все сделать так.

— Я не чудовище. Так что сделаю это только если ты решишь угрожать кому-то из тех, кого я защищаю, — отмахивается Михаил Ефимович. — Александра?

Саша только кивает.

— Я не знаю, что происходит. Но что-то... что-то происходит. И будет происходить.

Это ощущение только крепло. словно все происходившее раньше было частью одной цепочки, ведущей куда-то вдаль. И Саша волей-неволей шла прямо по этим звеньям.

— Будет. И мы будем к этому готовы.

Что ж. По крайней мере, ее не собираются держать в неведении. Это, определённо, не могло не радовать.

Позднее вечером, когда Михаил Ефимович вместе с Лесой уходят за продуктами к ужину, Саша, так и сидящая в кресле, замечает внимательный и несколько вопросительный взгляд Миклоша.

— Что?

— Слушай, когда я смогу общаться и пользоваться магией нормально, — он старается говорить медленно, явно оберегая связки. Через боль. Но начальника в комнате нет, и Миклош, почти весь вечер молчавший, все же нарушает его предписание и говорит: — расскажешь мне о розетках, машинах... и вот этом всем? Я видел в твоём разуме много... странного. Пожалуйста.

— Да, — после колебания отвечает Саша. — А ты мне расскажешь то, что знаешь о ритуальной магии с этими кровавыми знаками.

Серафим рассказывал многое. Но еще один источник информации не повредит.

— Заметано.

Что ж. Это будет интересно.

Сплетая паутину. Глава 1

— Что ж, господа. Не знаю, обрадую или огорчу, но вам предстоит небольшая командировка, — Михаил Ефимович отложил в сторону книгу, которую изучал до того, как они вошли в гостинную.

Саша переглянулась с озадаченным Миклошем. Дмитрия Вернадского, того, кому раньше принадлежало это тело, она не знала, и поэтому предпочитала и вслух, и про себя называть парня по тому имени, которое он получил при рождении и которым представился ей. Михаил Ефимович явно был уверен в том, что опальный ученик Серафима и правда тот, кто с ней общался, и этом мнению стоило поверить. К тому же глава Ордена явно знал Миклоша намного дольше, чем она сама.

К тому же за те две недели, которые Саша с Миклошем после схватки на заправке провели «под охраной» Лесы, а на деле в ее с сестрой большим и почти всегда пустом доме вдвоем, она хоть немного, но привыкла к своему товарищу и его своеобразному восприятию реальности. Такое нельзя было сыграть или имитировать. По крайней мере, Саша так думала. Сам Миклош, по собственному признанию, не впадал в ужас от нынешних реалий только потому, что успел и считать эмоциональное отношение к современности Саши, и усвоить какие-то остаточные эманации разума тела, хозяином которого теперь являлся. Ну и потому, что глава Ордена приходил каждый день и присматривал за его «адаптацией», используя какие-то ментальные техники, сути которых никто, кроме него, не понимал до конца. Но вроде как помогало.

Хотя все равно объяснять человеку, рожденному в конце восемнадцатого века что такое компьютер, как работает телефон и зачем существует интернет было... занимательным опытом, мягко говоря. Правда, с другой стороны, когда Миклош завел речь о сложной ритуальной магии, которой занимался до своего печально закончившегося эксперимента, Саша точно так же с глупым выражением лица переспрашивала вещи, для парня являющиеся аксиомами. Как и с танцами, фехтованием и много чем еще, что было обыденностью во времена, канувшие в лету.

Они друг друга стоили.

— Командировка? — Саша рискнула переспросить, потому что Миклош, судя по сосредоточенному выражению лица, пытался понять, что это был за зверь. — Куда?

— В Пензу, господа. Мне наконец удалось кое-что выяснить по вашему делу — это во-первых. И во-вторых — через два дня приедет инспекция из Москвы, и вам надо обратиться до ее появления.

— Это связано со мной? — Миклош с некоторым подозрением смотрит на спокойно сидящего в глубоком кресле мага.

Михаил Ефимович выглядит, как всегда, совершенно спокойным. Саша же, сидя напротив него, хотя и не на жестком стуле для посетителей в Ордене, все равно ощущает нервозность. Хотя сейчас она и не на практике, все равно начальник остается начальником. К тому же сейчас есть что-то в Михаиле Ефимовиче от того властного мага, который рассказывал о плане операции в Свободе, сидя на кухне Серафима. Тогда едва начинавшая путь в магии Саша чувствовала подавляющую силу и волю этого человека. Сейчас, формально почти завершив обучение в Ордене, силу и волю местного главы она ощущала, пожалуй, еще сильнее.

— Официально — нет. Совет имеет право проверять деятельность Ордена в любых объемах и по своему усмотрению. Неофициально и между нами — после, Александра, истории со Свободой, проверяли все сверху донизу столько раз, что никакой насущной необходимости делать это сейчас попросту нет.

— То есть ответ — да?

Начальник кивает.

— По моим предположениям. Но на деле я отправляю вас не только просто подальше отсюда, хотя Серафим настаивал на немедленном отлете куда-нибудь на Бали. Более того, если все пойдет как нужно, вы сможете убить двух зайцев одним выстрелом. В Пензе, по последним данным, живет мой тезка, Михаил Бестужев. Близкий друг Григория Волконского, который по нашим записям живет в разрушенном уже полвека как доме, которого на карте-то уже и нет.

Миклош чуть поморщился.

— Бестужев тот еще подонок. Как его не лишили силы за военные преступления?

— Долгая история. Но из нее истекает то, что если вы его найдете, то можете сослаться на мою персону — и он приведет вас к Григорию.

— Гриша все-таки жив?

— По нашим данным — да. Но, господа, это еще не все.

По тону мага было понятно, что «не все» тут явно ничем хорошим не было.

— В Пензе до недавнего времени проживал Дмитрий Вернадский. Он выехал из дома в тот же момент, когда ты, Александра, взяла в руки амулет, и проехал с превышением скорости, игнорируемый камерами и полицейскими, все время от своего дома и до заправки, где его жизнь и прервалась, — Михаил Ефимович сложил руки, обводя их обоих внимательным взглядом. — Мы выяснили далеко не все обо всей этой истории. Но ясны две вещи — во-первых, форсированное Наложение было подготовлено заранее. Во-вторых — тот, кто это сотворил — Анасталеи.

— Отстраненный? Кто это? — Саша уставилась на мага.

— Анасталеи. Это специфический термин менталистов, — задумчиво проговорил Миклош. — Тот, кто покинул собственное тело.

— Как ты?

— Нет. Не совсем, — поправляет сам себя Миклош под многозначительным взглядом Михаила Ефимовича. — Изначально, пока я был в амулете, это был более чем правомерный термин, но теперь я, кхм... Слилсся с этим телом, в общем, и являюсь во всех отношениях Дмитрием Вернадским, даже часть его воспоминаний и образов остались. Для магии я — это он, хотя если кто-то из тех Затронутых, кто близко знал Дмитрия посмотрит на меня в Отражении, то ощутит неправильность. Как я понимаю, именно по этой причине тот, кто захватил мое собственное тело, отказывался от всех контактов с Серафимом и вообще хоть с кем-нибудь до самой казни. Наставник мог бы понять. Но я отвлекся. В общем, маг, проводящий Наложение, уничтожая чужое сознание, не может бесконечно долго использовать чужое тело. Но пока он это делает, он — Анасталеи, как и любой, кто существует вне своей физической оболочки. Хотя до меня историй с внетелесным переселением сознания в предметы подтвержденных не было, только мифы. Но в любом случае Анасталеи должен иметь предмет-привязку, дубликат, особенно если не хранит собственное оригинальное тело на балконе в доме того, чье тело занял.

— Так, подожди. Подожди, я запуталась. Выходит, кто-то занял чужое тело, и потом из

него переселился еще и в тело Дмитрия, погнавшись за нами?

— Да, все верно.

— И после того, этот Анастасей покинул тело Дмитрия... куда он делся?

— Вопрос сложный, — начальник пристально смотрит куда-то в пространство. — Мог, разумеется, оставить марионетку, в который был до Дмитрия, и вернуться в данное при рождении тело. Но, вероятнее всего, что он вернулся именно в промежуточного носителя.

— Почему — вероятнее всего? — любопытство разбирало Сашу. Она мало что смыслила в высшей менталистике, да и вообще эта часть магии ей не слишком давалось. До этого момента вообще идея того, что один маг может занять тело другого, казалась мифом. Точнее, до момента, когда ее рука соприкоснулась с медальоном, полученным от Музы.

— С разных точек зрения, — Михаил Ефимович говорит размеренно, словно лекцию читает: — во-первых, потому что если судить по остаточному ретроспективному анализу колебаний ментального поля, в той марионетке до Дмитрия неведомый враг пробыл долго, не меньше года. Значит, имел какой-то план, и судя по срочности и грубости переселения в Вернадского — план не включал Миклоша и его появление в мире живых, что уже хорошо. Во-вторых — оставить первую марионетку следом за второй было бы крайне сложно и энергозатратно, с большими рисками даже для опытного менталиста. С очень большими, я бы сказал. И последнее — о смерти Дмитрия так никто и не заявил.

— Значит, всю эту историю хотят замять?

— Вполне возможно, — начальник кивает. — Или, что вероятнее, ждут развития событий. В том числе и итога «инспекции».

Саша чуть задумывается.

— А инспекцию назначает только московский Совет?

— Да. Верно мыслишь.

— О чем речь? — Миклош смотрит с непониманием.

Саша оглядывается на начальника, но тот никак не реагирует. И решает объясниться сама.

— Я три года назад оказалась в центре нехорошей истории, в которой поучаствовал предатель из Ордена и кто-то, контролировавший его. Не ментально — просто отдал приказ.

— Особое распоряжение? — Миклош хмурится, разглядывая Михаила Ефимовича. — Совет?

— Наверняка. Но фигуранта так и не нашли — очень хорошо замел все следы. Хотя вероятность независимости по предсказательным линиям нынешних событий и той истории меньше тройки.

Миклош выругался.

— Хотя нужно было догадаться, что замешан кто-то крупный...

— Да. Очевидно. Не буду скрывать, — начальник переплетает пальцы, поочередно останавливая взгляд на Саше и на Миклоше. — Сейчас любой вариант развития событий может привести к трудностям. Но оставаться здесь вам нет смысла. Вечером я с девочками тебя, красавец Миклош, замаскирую — и по физике тоже, нечего светить лицом. Ты же, Неродова, поедешь официально — искать Михаила по моему распоряжению. А неофициально — выяснить, кто провел предварительный ритуал над Вернадским. Дмитрий не имел семьи и детей, жил уединенно, работал удаленно программистом, посещал только клуб любителей настольных игр, адрес вечером пришлю, как и остальные документы. Предварительную подготовку Наложения не провести без минимального доверия. Едва ли

речь про шапочного знакомого из бара или случайную ночную бабочку. Тот, кто проводил ритуал, был по крайней мере знаком Дмитрию. Так что эти настольщики могут что-то знать. Почти наверняка — по всем остальным параметрам Вернадский был исключительным затворником, даже машину взял в прокате и водить не умел, судя по всему, это был навык наложенца, а не его собственный. Чужое сознание при Наложении может использовать и то, что недоступно телу, которое оно занимает, хотя это требует концентрации. Учтите, что у того, кто сейчас вмещает в себе Анасталея, будет на теле или где-то в доме связанной предмет. И вы его сможете почувствовать. Сам Анасталея под маскировкой наверняка, но вторженец в магии, особенно тонкой, ограничен возможностями тела, в которое вселился, что не может не радовать.

— Значит, нам нужно поехать в Пензу, найти Михаила Бестужева, узнать где Григорий Волконский и поговорить с ним. А вместе с этим разыскать друга и товарища замкнутого интроверта Дмитрия Вернадского, который является на деле пустой оболочкой со вселенной в нее чужой душой, и после найти в кого еще теперь вселена эта самая душа. Всего-то дел. Особенно вторая часть.

Не то чтобы Саша была против поездки. Но сейчас очень хотела расставить все точки в нужных местах.

— Ну уж, не нужно драматизировать, — Михаил Ефимович усмехается. — Во-первых, на вашей стороне сила и внезапность. Есть несколько идей, которые замаскирует ваше прибытие в город и запутают наших недругов. Во-вторых, я выдам вам обоим амулеты, в том числе и тот, который вернет Анасталея в свое настоящее тело при применении и обезопасит вас. Его нельзя ни заблокировать, ни поглотить. В-третьих — носитель Анасталея, чужой души, будет Затронутым, магом или колдуном, никто другой бы не смог сделать Наложение. Он может маскироваться, но ты, Александра, пробьешь его иллюзию при желании. Полное досье на всех, кто официально зарегистрирован в Пензе, я вам выдам. Четвертое — Анасталея в любом случае подавляет носителя и меняет его поведение. Ищите человека без старых друзей, оборвавшего связи с прошлым. Но не больше пяти — восьми лет назад, иначе носитель уже начал бы деградировать без крайне затратных и заметных ритуалов. Заметных для всех, такое тихо не провернешь. И последнее — Анасталея не поддерживает никаких контактов с другими Затронутыми, по крайней мере длительных, иначе его бы обнаружили. У него нет наставника, и он не состоит на постоянной основе в Ордене или Ковене. И бонусом — какой бы не был изначальный план, он едва ли может осуществить его в одиночку, так что присмотритесь к главам местных сект, кружков по интересам и иных объединений, Анасталея скорее всего будет где-то там. Не крупный политик или наделенный властью военный — слишком велик риск привлечь ненужное внимание. Вопросы?

Саша качает головой.

— Я выдам вам амулеты перед отъездом. Не снимать. Поедете на поезде. Контакт держать со мной или с близнецами, они в курсе всего. С наставником своим в общении будьте предельно осторожны, за ним и его контактами почти наверняка будут следить очень пристально. В огонь не лезть, головой не рисковать, как найдете Анасталея — сообщать, у меня с местными ребятами неплохие отношения, они и только они пойдут на захват. Ситуация сложная, но я уверен, вы с ней справитесь.

Саша кивнула. Не то чтобы она разделяла эту уверенность... Но, кажется, той, что была Михаила Ефимовича, хватило на всех.

— Итак, какой у нас план?

Саша оторвалась от мысленного перечисления взятых и забытых вещей и задумчиво окинула взглядом Миклоша. Точнее, вовсе не Миклоша, а Василия, ведь документы именно на это имя выдал им Михаил Ефимович сразу после какого-то сложного и длинного ритуала по изменению внешности парня. Теперь опальный ученик Серафима в теле Дмитрия не был похож ни на самого Вернадского, ни на Миклоша из ее собственного разума, удивительным образом сочетая черты обоих и разом не похожий ни на того, ни на другого. Веснушчатый, с иссиня-черными волосами, уложенными так, что челка закрывала один глаз, с тонкими чертами лица, но довольно мускулистым телом он был, на Сашин собственный взгляд, похож почему-то на неизвестно как сохранившегося до наших дней подросткового «эмо». Только что не хватало розовых и черных шнурков для полноты картины.

А еще выходило так, что хотя Миклош и был опытнее в магии и старше ее, но из них двоих во всем этом деле последнее слово было за Сашей. Просто потому, что она хотя бы не прибыла две недели назад из начала девятнадцатого века. И потому, что ехала по официальному делу. И потому, что в конце-концов могла творить магию. На Миклоша Михаил Ефимович смотрел едва ли не с час, но потом все же выдал ограничитель и скрывающий отпечаток на Изнанке амулет, причем вроде как из каких-то жутко важных запасников. Потому что пока не было понятно даже столь опытному магу, не вызовет ли активное использование магии парнем отторжения от все-таки не его тела, и потому, что так Миклоша могли и узнать. Ограничитель снимать настрого запретили, так что и магия для него была под запретом.

Насколько Саша поняла, когда амулет активировался и Миклош оказался заперт в ее разуме, для Отражения это было равно постоянно творимому им волшебству, и именно так его и нашли, использовав какие-то довольно сложные и не применяющиеся уже давно поисковые чары, обошедшие ее защиты. Сейчас же, после довольно сложного и энергоемкого ритуала внешность парня была изменена окончательно и, хотя опознать в нем Вернадского никто не смог бы, как и вообще понять, что внешность изменена, все же Миклоша как автора магического взаимодействия обнаружить, в теории, могли бы по специфическому индивидуальному отпечатку сплетаемых заклинаний.

Честно говоря, у Саши складывалось ощущение, что парня отправили с ней просто потому, что так можно было. У нынешнего плана с их поездкой в Пензу, очевидно, было множество проблем. Например то, что на месте их врага сама Саша бы напряглась, узнав что после появления в мире одного невинно обвиненного ученика Серафима другой его ученик поехал с официальным заданием в город, где, по чистой случайности, жил знакомый знакомого того самого оклеветанного мага.

— Постараемся не влипнуть в неприятности еще больше.

Миклош только фыркнул.

— Больше некуда. Хотя ты зря так тревожишься — расчёты Михаила редко не оправдываются. Я о таком не слышал, по крайней мере.

— Зато я не только слышала, но и поучаствовала в одном таком деле.

Парень только бровь поднял.

— Та самая упомянутая дерьмовая секретная история, в которой поучаствовал

враждебный неизвестный маг из Совета, чуть не устроивший большой взрыв с жертвами из верховного руководства нашего крыла Ордена.

— Магов пушки так просто не берут. Отражение...

— Бесплезно против взорвавшейся под носом атомной бомбы. Не будем об этом, ладно? В общем этот план попахивает маршем прямо в пасть голодному медведю, знаешь ли.

— Есть немного. Но на деле, думаю, неожиданность может и сработать. Тем более что вроде как приманку к Серафиму закинули.

— Что?

— Приманку, — Миклош пожимает плечами. — Вроде как замаскированного меня, отправляющегося к наставнику. С тобой.

У Саши брови вверх полезли.

— Серьезно?

Миклош чуть пожал плечами.

— Не думаю, что это ложь. Видишь ли, если тот, кто все затеял, хоть немного знает Серафима, то он в курсе, что наставник никогда бы не разрешил такую поездку в логово неизвестно к кому. Догадываюсь, что таких «обманок» в виде наших с тобой двойников или тех, в кого нас могли бы замаскировать, будет несколько.

— Смысл? Всем же очевидно, что мы будем расследовать дело.

— «Мы». Но кто на самом деле это будет? То, что Михаил будет выяснять правду, никто не сомневается. Но то, что он пошлет туда настоящих нас... Видишь ли, наставник, не будет всего этого плана, стал бы или сам присматривать за нами, или поручил кому-то из его Круга, близнецам или самому Новгородскому. Или отправил бы к Карине... Что-то вроде того. Он бы в жизни не разрешил нам так рисковать — об этом знают многие.

— И на этом строится весь успех дела, — фыркает Саша. — Что нас все будут считать не нами.

— Успех дела зависит от того, что мы в этой Пензе накопаем. И поэтому я повторяю вопрос — какой у нас план?

Саша пожимает плечами. Кажется, Серафим кое-чему Миклоша точно научил. Занудствовать, скажем.

— Приедем. Снимем номера в гостинице или в мотеле. Я схожу к местным насчет этого Михаила, может что подскажут — бумаги официальные-то на запрос есть. А ты вроде как мой кузен, не так давно обретенный из-за раскрытия семейного секрета. Ты посвященный, благодаря своей профессии, но связанный клятвами. И теперь напросился вместе со мной в командировку за свои средства, желающий узнать меня получше. Изнывающий от безделья и готовый на все, даже пойти в местный настольный клуб приобщиться к хобби, о котором я столько рассказывала. Ну а там на месте будем думать и решать, надо попробовать разговорить этих настольщиков, которые, похоже, вообще единственные реальные знакомые Дмитрия. Как я понимаю, клуб, если верить предоставленной Михаилом Ефимовичем информации, по днд, ну игра такая есть, "Подземелья и драконы", я в них играла и мастерила как-то. Узнаем кем был Дмитрий, с кем в партии собирался, какие были отношения, если был мастером, то что вел — это показывает немало о человеке. Может попробуем вместо него в партию вступить...

— Так, стоп. Александра, остановись. «Контакт»? «Днд»? «Мастерила»? Какой мастер и что за партия?.. И мотель... это что за зверь такой? Мотыль, может быть?

Саша чуть ругнулась про себя. План дал сбой — едва ли Миклош вольтется в клуб

настоельщиков, если даже не знает что это, собственно, такое.

— Мотель — это как гостиница, только дешевая, как раз Орденскому адепту по средствам. А «днд»... В общем если очень коротко... Ты что такое шахматы знаешь?

— Я родился больше двух веков, а не тысячелетий назад.

— Это положительный ответ?

Миклош фыркает.

— Ладно-ладно, поняла. В общем днд — это какой-то такой гибрид шахмат и... я даже не знаю как описать... Книги? Пожалуй. От книги есть автор, который рассказывает, что происходит с игроком, а от шахмат — правила игры. Ну, скажем, как если бы в книге можно было бы не просто следить за тем, что делает герой, а решать, например, драться на дуэли с бретером или пойти с ним пить в трактире. Или сначала драться, а потом пить. И так в каждой ситуации, а правила нужны, чтобы ведущий и игроки понимали, какой исход у каждого выбора есть. Ну и если выбрать дуэль, то там описано, как атаковать, защищаться и все такое...

— Я плохой дуэлянт. Я конечно участвовал в войне, но в строю, и...

— Там ни с кем драться по настоящему не надо, успокойся. Это игра, как в солдатики, понимаешь?

— Нет, — честно признался Миклош. — Да и зачем в такое играть?

— Развлекись. Прожить другую жизнь, без реальных проблем. Побывать кем-то еще, сделать то, что в реальности опасно, страшно или и вовсе незаконно, и посмотреть, что будет — пусть и описывать последствия будет ведущий, он же мастер, исходя из своего видения происходящего. Примерить роль мага или, скажем, рыцаря в тяжелых доспехах, каким сейчас не стать. Много за чем, на самом деле. Некоторые играют, уезжая на природу и наряжаясь в разные одежды, как театр импровизации, а некоторые — сидя за столом в родном городе.

Миклош еще несколько секунд озадаченно сидел, склонив голову. Потом все-таки распрямился.

— Ладно. Разберемся. Только я вроде как не ребенок, чтобы в игры играть.

— Да там и не дети в это играют, тот же Дмитрий вон тоже не ребенок, и ему это в клубе быть не помешало. Ладно, нам вообще-то выдвигаться надо, такси ждет уже. Если вайфай будет ловить в поезде, то я пару стримов партий покажу. Ну то, как это со стороны выглядит. Или попробуем поиграть, пока едем. Я не лучший мастер, давно не водила, но небольшой опыт есть.

— Опять много непонятных слов, образы которых я не могу понять. Такси? Вафай? Стрим?

Саша изо всех сдерживает улыбку.

— Наемный экипаж. Вайфай — это интернет, только беспроводной, а стрим — это трансляция... показ записанного видеоряда, как фотографии, только двигающиеся.

С фотографиями и интернетом Миклош, кажется, смирился. Сначала он попытался вытрясти из Саши сведенья о том, как это работает, потом — только осторожно, кажется, даже молясь про себя, нажимал кнопки на планшете, словно бы это не самый обыденный предмет был, а сложный волшебный артефакт. Впрочем, Саша сама так наверняка относилась бы к обыденным для самого Миклоша вещам вроде самовара, которые давным-давно вышли из употребления.

— Интранет... без проводов. Да, так и вправду все ясно, — с явным сарказмом

проговорил Миклош.

— Расслабься. Просто пользуйся благами цивилизации. Думаю, ты, мой кузен, будешь из отдаленной от мира сибирской деревеньки староверов.

Миклош только усмехается.

— Да, и наша легенда тогда совсем не привлечет ничьего внимания. Я справлюсь.

— Тогда бери рюкзак свой и пошли. И телефон не забудь.

Телефон Миклош кладет в карман медленно и осторожно, придерживая двумя пальцами, словно смарт в любой момент может вытворить что-нибудь эдакое. Но в остальном старается держаться уверенно, как и в предыдущие три небольших вылазки — в магазин, в ресторан и на прогулку в парк Галицкого, прошедшие в рамках «адаптации» жителя прошлого к современным реалиям.

Столкновение с техническим прогрессом оставляет свой след до поры до времени ощутимый только Сашей. Толпы людей на вокзале, шум, гам, электронные табло и громкоговорители внешне никак не отражаются на самочувствии Миклоша. Только на Изнанке ощутимо его волнение. Но стоит выйти на перрон и замереть в ожидании поезда, как это волнение вблизи от привычного Саше и огромного для Милоша размера машины перерастает в страх.

— Ты уверена, что это безопасно?

Саша едва не фыркнула. Миклош, в свое время решившийся на неизвестный экспериментальный ритуал в одиночестве, а после и вовсе будучи бесплодным духом доверил провести над собой еще одно сложное колдовство человеку, которого знал десяток часов, теперь неуверенно переминался с ноги на ногу на перроне, с опаской поглядывая на приближающийся поезд. Стоя за Сашиной спиной.

— Раз в год и палка стреляет, но если за нами не будет бегать еще кто-нибудь с жаждой твоей крови, то — да, поезд безопасен. Куда безопаснее машины, а на них ты уже ездил.

Миклоша это явно не успокоило.

— Знаешь, это все еще не ответ «да».

— Зануда. Ты же вроде как, по твоим же рассказам, на войне был, на лошади в бой скакал?

— Ну так то лошадь, она же живая, с ней все понятно. И вообще это всего один раз случилось, и то как страшный сон забить хочется. Да я-то тогда уже не первый год как магом был.

— И сейчас не первый год как маг.

— Маг без магии, — Миклош повел плечом. — И сажусь добровольно в какую-то железную самоходную гусеницу.

— Самоходную гусеницу? Слушай, а мне нравится это определение. Надо запомнить.

— Ирония тут не уместна.

Саша едва не расхохоталась, глядя на Миклоша. На вид он был молодым парнем, с лицом привычным к хмурому выражению, или хотя бы одухотворенно-отстраненному виду. И теперь яркое возмущение его выглядело комично.

— Расслабься, Мика. Все будет в порядке.

— Как ты меня назвала?

— Мика. Миклош длинно. Извини если что-то не так, я не хотела обидеть.

— Да нет, все в порядке. Просто наставник меня так звал, не знаю уж почему. Я не против слышать это, только теперь в бумагах обо мне другая запись, и я думаю, нам стоит

соответствовать ей.

В голосе парня была тоска и сожаление. И тут ему Саша могла только посочувствовать — для Миклоша мир изменился за мгновение до неузнаваемости. И не только мир, но и люди в нем. Он по-прежнему настороженно относился к Михаилу Ефимовичу, хотя и признал как-то, что до того видел его совершенно другим человеком. Что до наставника, который, по словам самой Саши, считал своего ученика безумным преступником, то Миклош наотрез отказался звонить ему или писать, настаивая только на личном общении. Точнее, пару раз они даже пообщались по телефону немного с Сашиним посредничеством, но на том все и кончилось. Миклош говорил, что для него это уже слишком, и пока он не увидит и не почувствует реальность Серафима рядом, никаких больше дел через «непонятного типа говорильный аппарат неизвестно с кем» иметь не будет.

И это можно было понять. У парня ведь выходит вообще никого не осталось. Не как у нее самой — когда близкие уходят постепенно, по одному превращаясь в воспоминания. За мгновение в собственной вселенной Миклош потерял все — свое тело, свое доброе имя, семью, друзей, наставника, вообще весь мир... Как если бы Саша закрыла глаза, заснула — а проснулась бы в каком-нибудь двадцать четвертом веке, где у всех компьютеры в мозгах, телепортаторы на кухне и полеты вместо Турции к Альфа-Центавре, и если кто из старых знакомых магов еще и жив, то уж точно изменился до неузнаваемости, привыкнув к этой новой реальности и став ее частью.

Все, что для Миклоша было понятно, привычно и знакомо — исчезло. Навсегда. Тут поневоле все будет волноваться.

Поезд наконец приблизился, сбрасывая скорость. Вокруг заторопились люди, ища нужный вагон. Миклош же чуть шагнул назад, явно чувствуя страх перед железной многотонной машиной, в которую надо залезть.

Саша после короткого колебания чуть коснулась его ментально, перекидывая кусок собственного спокойствия. Словами у нее никогда ничего не удавалось добиться от других. Да и сама она не была образцом безмятежности. Но, определенно, ей не хотелось, чтобы нынешняя поездка превратилась для Миклоша в пытку. Саша поезда любила с детства, и надеялась эту любовь показать незнакомому с железной дорогой человеку.

Миклош чуть моргнул, несколько подозрительно посмотрев на нее. Но все же подошел ближе.

— Поездка на поезде, на мой вкус — отдельный вид досуга. Правда, места боковые плацкартные, но Орден все-таки не бесконечно богат, а я считай стажер бесправный, так что нам купе не выделили бы, это точно. И в любом случае — недолго. Всего сутки — и мы на месте. Я не раз была в Пензе, там у отца родственники жили. Идем.

Миклош чуть дернул головой, сжал губы — и шагнул за ней к проводнику, протягивая выданный буквально пару дней назад паспорт.

И опять замер перед необходимостью подняться на лестнице в вагон.

— Идем. Ты ведь эксперимент в одиночестве над собой проводил, а там было опаснее.

— Там было понятнее, — Миклош вздыхает.

— Миллионы людей пользуется этой шгукой, и никого она еще не съела, — веселый тон по заказу у Саши никогда не получался. Но она старается.

— Знаешь, «еще» особенно утешает. Звучит так, что у меня есть возможность стать первым, — усмехается в тон ей Миклош.

Но в вагон все-таки поднимается. А Саша улыбается про себя, сама не зная почему.

— Чего не спишь?

Саша ответ на вопрос видела. Но пользоваться тем, что дает Отражение о других было как-то не слишком вежливо. Впрочем, Миклош хмыкает в ответ, прекрасно все понимая.

— Ты и сама знаешь.

— Нет, не знаю, — Саша отвечает искренне. Догадывается — пожалуй. Ощущает тревогу — да. Но она может только предполагать, как именно все видит человек, воспитанный совершенно в другое время. — Я понимаю, что все вокруг, наверное, сбивает с толку. Но Отражение не дает увидеть мир чужими глазами.

Миклош только криво улыбается.

— Раньше иногда я видел дурные сны. Этот никак не заканчивается.

Саша чуть склоняет голову. У нее не слишком много идей о том, что делать в такой ситуации. Самое простое — оставить парня наедине со своими мыслями. В конце концов ее не просили лезть в душу и вообще куда-то лезть. Лежала себе на верхней полке, и лежала бы дальше. Возможно, Миклошу просто нужно свое пространство. Но это простой выход. Отмахнуться, проигнорировать. Сама бы она не хотела, пожалуй, остаться в одиночестве в такой момент.

— Хочешь чая?

Брови парня взлетели вверх.

— Где ты его возьмешь в этой гусенице?

Саша выругалась про себя. Она как-то даже и не подумала рассказать про титан, сели же вечером — и не до того было. Свет выключили буквально через час после посадки. Миклош ничего не спрашивал про воду. Уборную-то она показала, а остальное..

— Здесь есть нечто вроде самовара, вон там, в начале вагона. Сейчас принесу кипяток. Черный, зеленый?

— Все равно.

Сонная проводница без вопросов продала и вафли, и конфеты, и пару сникерсов. Не похоже, что все это раньше пользовалось спросом, так что небольшой опт перевесил неудобства. По крайней мере, раздражение от прерванного сна из Отражения улетучилось быстро.

Саша притащила и кружки, и сладости, завалив ими почти весь стол. Все равно часть стипендии она давно не тратила.

— Чай без сахара, угощайся.

Миклош несколько секунд лишь разглядывал яркие упаковки. Потом вздохнул.

— Никак не привыкну к этому. Спасибо.

— Да не за что. Говорят, на ночь есть вредно, но вроде как для нас глюкоза лишней не будет. Сладкое, то бишь. Печенья, шоколад, этот с кокосом, этот с орехом, этот с нугой, этот молочный...

— Так, подожди. Не все сразу, ладно?

Парень казался еще больше сбитым с толку. И заинтересованным одновременно.

— Шоколад — это?.. Когда я, — Миклош оглядывается по сторонам, и Саша подхватывая его взгляд, вешает купол невнимания. Парень кивает и продолжает: — В общем пока я висел на дереве, был гостем в твоём разуме, я ощущал... Много разных вещей. Это не

как смотреть чужими глазами, в уме ведь хранятся образы с самых ранних лет жизни, не всегда поймешь даже что реальное в них, а что нет. Я могу в этом ориентироваться, да и вообще о разуме знаю довольно много, хоть и не менталист. И знаю что некоторые вещи я словно... заимствовал у тебя. Воспоминания. Это не то, что я стремился сделать, побочный эффект, как я думаю, от этого странного первичного слияние разумов, произошедшего в момент твоего прикосновения к амулету. Михаил не слишком прояснил это все, только показал, как опираться на эти чувства для того чтобы я говорил как все и вел себя не как... гость из прошлого. В большинстве своем. Но я сам не знаю многого, образы эти неполны. И я не знаю точно, что такое шоколад.

— Так попробуй. Мне нравится. Это сладость такая, из какао бобов делается.

— Какао-бобы?

— Растение. Вроде как. Но тут какая разница? Просто ешь, я уверена, тебе понравится.

— Почему ты так считаешь? — Миклош щуриться.

— Потому что это шоколад. С орехами.

Саша не может не улыбаться.

— Я смешон?

— Вовсе нет. Ты серьезен. Смертельно серьезен.

Миклош только качает головой.

— Возможно, позже, если все удастся, я смогу показать, как было раньше. Но никто не ездил в железных гусеницах со скоростью, от которой едва не тошнит в битком набитом сарае на колесах неизвестно куда в шуме и криках, естественных для места, где простолюдины, разночинцы, мещане и прочий люд закрыты на дни, как сардины в бочке.

Саша чуть склоняет голову. Миклош же продолжает.

— Здесь у всех на виду происходит то, чему место за закрытыми дверями. Но я понял, так и везде, когда ты показала мне эти... «фото» и «видео», все эти мгновенные обмены сообщениями, даже среди незамужних девиц и юнцов, да что там — среди людей даже не знакомых друг с другом. Все говорят и говорят, без толка и смысла, слова словно витают в воздухе. Даже сейчас витают — разве ты не видишь?

Саша видела. Разумеется, видела. Вот в Отражении последствия недавней ссоры молодой пары, вот обида ребенка на не купившую у вечерней разносчицы всякого разного сладость, вот следы недавней утраты, вот зависть... Но видела она и другое. Детский восторг от проплывающего за окном города в короне ночных огней. Предчувствия скорой встречи старых друзей. Переживания за пожилых родителей — как они одни на хозяйства? Справятся? Радость общения вне работы с ребенком и женой... И многое, многое, многое...

Она говорит осторожно, стараясь подобрать слова.

— Я думаю, мир за прошлые века стал быстрее. Говорят, что технический прогресс за последние годы идет как спираль, сходящаяся к центру, и каждый следующий виток короче предыдущего. И это правда — когда я была ребенком, сотовых телефонов еще ни у кого не было. Вообще ни у кого. Их, кажется, уже изобрели, но не производили так много. Когда мне было семь и я пошла учиться в школу — телефоны были у наших родителей. Когда я закончила пятый класс, телефоны были у всех. А когда закончился одиннадцатый, телефоны могли не только просто звонить, но и имели почти все те функции, которые ты видел, хотя и многое делали тогда не слишком хорошо. Интернет и вообще появился на постоянной основе, а не в кафе па пару часов в моей жизни в четырнадцать, а теперь сложно представить себе время, когда его не было. И когда я смотрю на нынешних детей и подростков, растущих в

окружении социальных сетей, виртуального общения, мне кажется, что я сама застала иной мир, где всего этого еще не было. Но к добру или к худу — мир моего детства канул в лету, как и мир юности. Все изменилось, и остается только стараться воспользоваться новыми возможностями, ведь от того, что ты от них откажешься, понятное и привычное прошлое не вернется вновь и не заслонит собой стремительно меняющееся и порой пугающее настоящее и мало контролируемое будущее. Много информации, знаний обо всем на свете без цели и смысла — просто потому, что ты можешь все это узнать. Много шума, много эмоций, много событий. Таков нынешний мир, и в нем действительно много недостатков. Но есть и достоинства, правда. Помимо возможности связываться с кем угодно без всякой магии, помимо возможности для людей не умирать детстве десятками, помимо возможностей для женщин самим решать, чем заниматься в жизни без всяких брачных договоров, помимо медицинской помощи для каждого, тепла без дров, воды в доме без похода к колодцу, почти полного отсутствия голода, по крайней мере, в нашей стране... Знаешь, помимо всего этого, есть еще и шоколадки. С орехами.

И в доказательство этого Саша сама взяла один сникерс. Да и просто исчерпав аргументы. Она никогда не умела красиво говорить, теряла мысли, путалась в них, не понимая, что и как воспримет собеседник. Вот и сейчас она хотела просто показать Миклошу, что хоть нынешний мир и странный, но в нем есть свои плюсы, и они хороши, но...

Но на деле утешать людей ей никуда не удавалось. По правде говоря — и не приходилось. Только мать после пьяных ссор, но это все равно не помогало. С друзьями близости у нее никогда не было настолько плотной, чтобы говорить на подобные темы. Из тех вариантов, когда на «как дела?» принято отвечать просто «нормально», а сочувствие передают привычные всем слова, тривиальные и заезженные.

С Миклошем все было как-то несколько иначе. Хотя он был старше ее самой, кажется, но все же Саша ощущала какую-то... ответственность, что ли? Ведь из-за нее он вообще оказался здесь. Из-за ее глупого желания. Хотя может дело был в сопереживании, выросшем из короткого, но глубокого ментального контакта? Возможно, она сама получила от плененного Миклоша за те часы, пока он пробыл в ее сознании, куда больше, чем хотела и могла понять. Вполне возможно. И, опять же, окажись она сама в такой же ситуации... Легко было представить. Легко понять страх, легко понять шок, и... Одиночество. В мире, где все разом знакомо и не знакома. Где живы живущие многие человеческие жизни. Затронутые, но они стали другими, и для них ты — это уже не ты...

Утешать Саша не умела. А сочувствовать умела всегда, сама того не желая, и никакая магия тут не при чем. Хотя Отражение часто успокаивало, показывая, что ее ощущения в той или иной ситуации — вовсе не придумки.

Миклош довольно долго смотрел куда-то внутрь своей кружки с чаем нечитаемым взглядом и молчал. Потом все-таки протянул руку к шоколадным конфетам.

— Я не смогу измениться в одночасье. Но это... попробую. Шоколад.

— Если не понравится, можно не есть его больше. И попробовать что-нибудь другое. Вариантов много, на самом деле. Всегда можно выбрать подходящий.

Парень чуть хмыкает.

— Ты полна надежд.

— Вовсе нет. Я... в общем, надежды — это не ко мне. Но я правда верю в то, что возможностей сейчас вокруг много и что каждый найдет то, что ему нужно. Мне не всегда

все удастся. Но я просто верю.

Миклош чуть склоняет голову, словно раздумывая. Потом заключает.

— Неисповедимы пути Господни.

И кладет в рот вторую шоколадную конфету, теперь с видимым удовольствием.

Дальше они просто смотрят в окно, думая каждый о своем.

Незадолго до рассвета Саша наконец засыпает, убаюканная стуком колес. Она любит спать в поездах, отдаваясь мерному ритму. С далекого детства, когда больше суток в поезде вместе с матерью приводили к бабушке и дедушке, на дачу к малине и целой куче песка, из которого можно было лепить куличи часами, пока взрослые были заняты своими взрослыми делами.

С раннего детства каждый год летом она ездила в Пензу. До тех пор, пока живы были родственники там и ее собственная семья. Ездила, хотя могла и полететь. Но поезд был каким-то собственным маленьким миром. Уголком, наверное, каких-то глубинных детских воспоминаний. Приятных воспоминаний. Частью ее самой.

И сейчас, несмотря ни на что, несмотря на все происходящее, часть ее личности, определенно, сейчас ликовала. Пусть другие части и бродили в настороженности, мешая крепко спать. Совпадение ли, что из всех городов России, да и не только, и знакомый начальника, и Анастасей — оба свили гнездо именно в Пензе? Саша не хотела быть параноиком... Но в такие совпадения тяжело было поверить. Может, конечно, что-то было важное в этой Пензе. Или, наоборот, — неважное? Относительно небольшой город, где, однако, наверняка и раньше можно было затеряться. Особенно в какой-нибудь деревушке рядом, в Лермотновке или еще где-нибудь в подобном месте. Или среди мордвы. Хотя основан город вроде как в семнадцатом веке, может сбежали туда просто... Ладно, что гадать. Увидит — узнает.

Хотя защиту в несколько слоев и вокруг их пары полок с Миклошем, и на входы в вагон, и на самого напарника Саша накинула. Так, на всякий случай. И каждый, наверное, десяток минут она просто рассматривала нити защитного плетения, словно думая, что в любой момент их порвет вражеское заклинание или вновь люди вокруг разбегутся и она останется одни на одни с очередным одержимым жаждой убийства. Но потом стук колес все же берет свое, погружая в сон.

Сон полон сумбурных видений, и когда Саша оказывается в купе за столиком, то даже не удивляется. Не удивляется и когда проводница приносит белье и чай... и садится на полку напротив. Саша вглядывается в глаза, моргает — и пытается вытянуть руку в защитном жесте, прогоняя наваждение. Но тут проводница только качает головой и перетекает в иной образ.

Муза.

— Я напугала тебя. Прости, Колдунья, — губы Музы не двигаются, но слова Саша слышит с отчетливой ясностью. — Я ограничена ролью, увы, и иного пути для разговора нет. Но клятвы того, кто считает меня своей дочерью, велят мне играть роль и в этой постановке.

Клятва.

— Вред будет причинен кому-то?

Муза чуть улыбается.

— Сценарий пишется, Колдунья. Но одно известно — в нем всем есть разные роли. Я исполнила свою, отдав амулет. Ты исполнила свою, попросив счастья. Но эти реплики есть не только в том сценарии, что пишется тобой, мной или теми, кто стоит за тебя. Есть и

другой, кто плетет паутину сетей и пишет свою пьесу. И он вовсе не так привержен к искусству ради искусства, как Маэстро. Вовсе нет.

— Ты хочешь сказать, что там, в Пензе, есть кто-то, по чьему плану все происходит и кто хочет причинить вред с помощью магии?

— Сценарист. Да. Мы все, Колдунья, пишем свои пьесы. И простой люд, и маги, и мы... Но Кукловод, паук, безликий режиссер, он хочет не просто для себя главной роли в своем произведении, а хочет, чтобы все вокруг произносили им заготовленные реплики и совершали шаги и поступки лишь те, что задумал он. Кукловод плетет паутину, протягивая нити тонкие, невидимые — но оплетающие и разум, и душу. Ты с Обещанным идешь прямо в его сети.

Саша складывает руки.

— Я не могу просто взять и отступить.

Муза улыбается.

— Истинный, итоговый сценарий пока не написан. И мастерство Кукловода вовсе не значит, что никто не сменит режиссера. Он плетет свою паутину, но на каждого паука будет своя лягушка. Я лишь хочу предупредить — новый акт приближается. У каждого есть своя роль, и даже актер третьего плана вдруг может принести ту реплику, что приведет к развязке. И ружья, висящие на стенах, будут стрелять. Я играю роль в этой истории. И коль ты пошла навстречу Маэстро, то моя роль переплетена с твоей. Колдунья, ты сильна. Но не всесильна. Будь осторожна с тем, до чего прикасаешься, ведь любые щиты можно обойти, и любую оборону пробить. И помни: Обещанный — твой союзник, ключ к разгадке. И единственный, кого на самом деле боится Кукловод, ведь именно он способен раскрыть его тайну, пусть твой спутник сам даже не знает об этом. Колдунья, я доверила тебе судьбу потерявшего тело. Теперь твоя очередь играть главную роль в его пьесе и не только в ней.

Саша кивает. Туманно, запутанно... Столько вопросов.

— Ты можешь сказать, чего стоит опасаться?

Муза делает движение головой, поворачивается — и вмиг в купе напротив Саши сидит гадалка с картами в руках.

— Предвижу... Предвижу грядущее. Нежданный подарок может сгубить тебя, Колдунья, а еще вернее подарок, данный чистой душой, сгубит Обещанного, пришельца из времени, когда такой дар был бы и вовсе не возможен. Но как дар может стать проклятием, так и враг может стать союзником, сам того не желая. Будущее переменчиво, Колдунья.

Вновь движение, и вновь появляется Муза.

— Скоро твоя остановка. Хочу лишь заметить — в глубинах Отражения обитают как те, кем пугают магов по ночам, и те, кто прожив во тьме разума, ныне переродился, изменившись. Но эта глубина и связывает нас с теми, кто касается Грани. Связывает всех нас и вас. И если знать, кого звать, то зов может и дойти — и до кошмаров, и до спасителей, и до простых Затронутых. Помни об этом, Колдунья и Знахарь. Каждый миг помни.

Дверь открылась, и Муза, вновь обернувшись проводником, выскользнула за дверь купе.

А Саша проснулась от детского смеха, словно бы выпутываясь из сна. Как будто от рывка защиты — но защита уцелела. Что-то происходило, совсем рядом. Но что? Саша, еще разбираясь, в чем дело, спрыгнула с полки прямо на пол, босиком, и увидела занятную картину. В проходе около титана стоял Миклош, набирая воду в разноцветную детскую кружку.

Парень, кажется, не видя ее, развернулся и принес кружку к ожидавшему его совсем рядом мальчугану лет семи, сидевшему за столом через три боковых полки от самой Саши. Пацан улыбнулся — и протянул Миклошу здоровенную вафельную конфету. Дар...

Саша рванулась вперед, по грязному полу, так и не обувшись. И в последний момент успела ударить Миклоша по руке, неловко запинаясь и едва не роняя парня на пол.

— Ты что творишь?

— Идем. Прости, малыш, дяде нельзя такие конфеты, ему будет плохо.

— Извините, — буркнул ребенок и положил конфету на стол к кружке.

Саша бросила взор на пацана — чисто. На взрослых рядом — чисто. Во всем Отражении — ничего кроме того, что было ночью.

Дыхание сбилось. Сердце стучало в груди, а с рук в любой момент готовы были сорваться заклинания. В утренней тишине большая часть вагона тихо спала. Даже ребенок, кажется, просил Миклоша добыть воды просто потому, что его собственная семья еще не проснулась. И слышанный смех, кажется, разбудил вовсе одну Сашу.

Тихая и мирная картина.

Но она могла поклясться, что в тот миг, когда ребенок достал конфету, что-то изменилось в Отражении. Словно натянулась какая-то струна, натянулась — но не лопнула, сейчас разглаживаясь.

— Ты чего творишь? — повторил Миклош, садясь на свое место и разглядывая Сашу во все глаза.

— Ничего ни от кого не бери. Пожалуйста.

— Саша... В чем дело?

— Я пока не знаю. Просто... не принимая никаких подарков. Мне... В общем, поверь. Я говорила с той, что дала мне амулет и она предупредила, что мы идем в логово к кукловоду.

Говоря это, Саша рассматривала Отражение, пытаясь найти малейшие изменения в нем.

— Говорила? Мне казалось под утро, что что-то... было рядом с тобой. Но это не было сознанием человека, я бы узнал. Я все-таки хоть что-то могу ощутить, пусть и из-под амулета.

— Нет, не было. Это долгая история. Но она не враг. Я надеюсь.

Миклош вздыхает.

— Тени... Я мало что знаю о них. И насколько им можно верить. Но я буду осторожен. Обещаю.

— Хорошо. Может, я дую на воду. Но просто ничего не бери в руки от незнакомцев. Знаю, звучит глупо, но все же.

— Ладно. Не переживай, — Миклош говорит явно успокаивающим тоном. И переводит тему: — Я, кстати, понял, как правильно заваривать то, что теперь продают как чай. Показать?

— Да.

Надо чем-то занять — и себя, и Миклоша. Пока разум Саши прочесывает весь вагон в поисках того, что натянуло струну.

Почти перед самым выходом она это, наконец, находит. У ребенка, которому Миклош приносил воду, есть занятная игрушка. Пластиковый Бехолдер, монстр из «Подземелий и Драконов». И Саша уверена, что один из его глаз каким-то странным образом следит за всем вокруг. Каким-то собственным, не виденным никогда Сашей, образом.

Жаль только что замечает это она уже на перроне, после того как сжимающий

игрушечное чудовище ребенок пропадает из виду в толпе.

— Что-то нашла? — от Миклоша не укрылась ее настороженность.

— Да, но... — Саша обшарила Отражение. Пусто. Слишком много людей вокруг, слишком много впечатков, эмоций. Много всего. — Кажется, да. Но мальчик ушел.

— Что на дороге встали? — крупный мужчина едва не столкнул Сашу своим чемоданом, направляясь к выходу с вокзала.

— И правда — чего? Ладно, идем гостиницу искать.

Миклош горестно посмотрел на толпу, со всех сторон сжимающуюся вокруг, словно кольцо. Хотя на деле просто спешащую по своим делам. Посмотрел, сглотнул — и кивнул.

— Сейчас отойдем с дороги и я наугулю чего-нибудь, — Саша достала телефон. — Билеты нам в спешке брали, и да, как я понимаю, шеф не захотел, чтобы инспекция пробила куда мы поехали, так что в суточных еще и на номер есть, и на фастфуд, и...

— Наугулю? Фастфуд? — Миклош выглядит крайне озадаченным.

Саша только вздыхает. Это будет нелегко.

— Тебе точно не показалось?

Саша неопределенно пожимает плечами. Они с Миклошем сидят в небольшом, не совсем чистом номере не самой роскошной гостиницы на удивление недалеко от центра города и обсуждают прошедший не самый продуктивный день. Визит Саши в местное отделение Ордена не дал ничего. Почти ничего. Заместитель местного главы, сухая пожилая женщина по имени Ирина, пообещала обработать запрос коллег с юга «в кратчайшие сроки». Но честно предупредила, что займет это не меньше трех дней — Михаил Бестужев, которого Саша и искала, в Ордене не состоял, и данные об его актуальном местоположении теперь предстояло уточнить. И это не считая дюжины бумажек и того факта, что человек, отвечавший за ведение архива, был в отпуске.

Возможно, стоило проявить настойчивость... Но, откровенно говоря, Саша ступала перед властью грозного заместителя главы пензенских магов. Да и сама по жизни не слишком любила с кем-то спорить. Если у них тут так принято — кто она такая, что бы мешать? Адепт еще, даже общий курс обучения не засчитан... Так что оставалось ждать. Тем более не стоило, по ее собственному мнению, привлекать большое внимание к просьбе и настаивать на срочности и важности дела. Доверять тут едва ли можно было хоть кому-то.

К тому же Саша не могла отделаться от странного ощущения. Тот самый игрушечный бехолдер с перрона никак не шел из головы. Выходя с местной Резиденции Ордена, она, как думала, видела еще одного такого, прицепленного в качестве милой игрушки на рюкзаке какого-то подростка. Только вот один глаз у игрушки смотрел уж как-то пристально. Или показалось?

— Да ни в чем я не уверена, — Саша отмахивается.

Отражение в миг, когда она обратила внимание на диковинного гластика, словно бы дрогнуло... Или нет? Или после слов Музы она стала слишком нервно ко всему относиться?

— Ты сильна, — Миклош сидел на своей кровати, скрестив ноги по-турецки, и задумчиво жевал купленный накануне в магазине неподалеку рахат-лукум. — Возможно, ты чувствуешь то, что другие ощутить не могут. Чувствительность не сопоставима с потенциалом напрямую, но часто большой потенциал имеют именно высокочувствительные маги. В мое время на эту тему даже было несколько исследовательских теоретических баталлий, но так ни к чему и не пришли.

— Или я просто паранойю.

— Что делаешь?

— Вижу то, чего нет на деле.

Миклош с наслаждением пьет чай, отстукивая одной рукой ритм по колену. Здесь и сейчас он кажется собранным и целеустремленным, раздумывая над поставленной задачей. Саша чувствует, что дается это ему не слишком легко. Но усилием разума он заставляет себя концентрироваться на текущих делах.

— У тебя есть идеи, так? — Саша уверена, что Миклош задумался над какой-то гипотезой. Предположением.

— У меня много идей. Коль получается, что пока я не способен помочь ни в магии, ни в общении с Орденом, то только и остается или сидеть здесь за стеной не мной ставленной защиты и дрожать в ожидании нового убийцы, или смотреть на сошедший с ума мир вокруг,

или искать идеи, способные объяснить все хотя бы с точки зрения Затронутых, где магия вроде как неизменна из века в век.

Миклош взъерошил сам себе волосы жестом, явно привычным. Хотя стрижка раньше, видимо, была длиннее — движение вышло неловким.

— И что ты думаешь?

— Много разного. Например, что в мое время мужчина и женщина, не состоящие в браке, могли делить одну комнату только в том случае, когда у кого-то из них были низкие моральные принципы.

Саша сжимает руку в кулак. Неосознанно.

— Ты это на что намекаешь?

— На то, что все изменилось. Остынь. Я женат вообще-то. Был, — тяжело вздыхает Миклош. — Да и знаешь, после того, как я побыл в твоём разуме и теле, недолго для тебя, но немало для себя, на некоторые вещи волей-неволей смотришь под другим углом. Прости, я выбрал не лучший пример. Просто думаю я не только о магии, так что не стоит ждать ответов на все вопросы. Я закончил обучение в Ордене, занимался исследованиями, но я, определённо, не великий опытный маг, который мог бы во всем этом помочь.

— Брось, — Саша прищуривается. Она уверена, что у Миклоша есть идея. Просто почему-то он не хочет ее произносить вслух. — Во-первых, ты знаешь всяко больше меня, а во-вторых — одна голова хорошо, а две лучше. Выкладывай давай, что у тебя на уме. Я ведь вижу, что у тебя есть идеи про этих наблюдателей.

Миклош вздыхает.

— Вот она — сила. И чувствительность — ты без труда ощущаешь даже то, что я не собирался выставлять напоказ. А по поводу идей — давай я первым задам вопрос. Ты думаешь, что твоей знакомой из сна можно доверять?

Сон Саша пересказала Миклошу во всех подробностях сразу, едва они обосновались в номере и развернули защиту. Точнее — Саша развернула, большей частью через отданные начальником артефакты.

— Она довольно... своеобразная. Но, думаю что да. Она отдала мне вместилище с тобой, в конце концов.

— И пока даже непонятно, почему мой амулет был у этого... сознания. Вопросы, вопросы... Ладно. У меня очень мало фактов, Саша. Очень. Но есть несколько ритуалов, способных при правильном выполнении дать проводящему магу довольно большие возможности по подглядыванию и подслушиванию на хорошего размера территории. И не только подсматриванию, но даже и воздействию. Все это волшебство крайне энергоёмкое, но в теории при большом терпении и правильном использовании материальных узлов можно сделать все тонко и мягко. Похоже на Нити Слежения, только многомернее и глубже. Ритуал Великой Паутины, если я правильно помню перевод с китайского.

— Великой Паутины?

Саша о таком волшебстве ничего не слышала.

— Да. На самом деле — крайне редкая штука. Я о нем знаю просто потому, что в своё время глотал знания без разбора и успел прочесть не только орденские книги по ритуалистике, но и почти половину личной библиотеки наставника, а там были фолианты и Карины, и еще нескольких ее современников. В отличие от моих соучеников и коллег я никогда не считал сложные и долгие ритуалы скучными и бессмысленными, да и ритуальные рисунки могу создавать сложнее пары вписанных равномерных фигур. Но речь

не об этом. Видишь ли, Саш, Великая Паутина и правда может позволить через предметы-опоры не только раскидывать Нити, но и Касаться этими нитями в том числе и разума что человека, что Затронутого. Но есть несколько важных вещей в ее наложении, о которых нужно помнить и которые делают всю процедуру довольно сложной и малоприменимой. Хотя это и единственное по крайней мне известное волшебство подобного толка. Но это не значит, что других нет, просто я о них не знаю.

— Но ты сомневаешься в наличии этой Паутины.

— Конечно. Ты описала ощущения, но этого мало. Ничтожно мало. Просто если мы предполагаем, что Анасталея здесь и что он тот самый Кукловод, то едва ли он находится в Ордене. Точнее, тут как всегда два варианта, — Миклош морщится, словно от зубной боли. — Первый — предатель в Ордене. Едва ли это сам Анасталея — было бы заметно. Ну или ему пришлось бы проводить специфические ритуалы, скрыть которые мог бы кто-то уровня главы местного отделения или, что лучше, член Совета. Тогда все крайне плохо и мы приехали прямо в ловушку. Может правда предатель из Ордена будет работать на Анасталея, но тут все равно не понять пока. Второй вариант — наш подменьш действует без известия Ордена. О нем не знают. Тогда Великая Паутина могла бы быть хорошим выходом для того, кто хочет все видеть и во все вмешиваться. Запрещенная в Ордене, она, тем не менее, при правильном использовании почти невидима, может поддерживаться веками и дает магу с достаточным количеством ментальных навыков большую власть, способную изменить мысли даже членов Ордена.

Саша склоняет голову, обдумывая слова.

— То есть для использования Паутины нужно быть менталистом?

— По крайней мере, уметь делать некоторые вещи из этой области магии. Полная специализация не нужна, но будет плюсом. Именно поэтому я вообще об этом ритуале вспомнил. Видишь ли, Паутина опирается на предметы, но тут есть ограничение — на них должно быть хотя бы символическое изображение глаза, а лучше — не одного. Почему — длинная история из теоретической магии и китайского подхода к косвенным взаимодействиям с Отражением. Но факт. И это вторая причина, по которой я подумал про Паутину.

Саша склоняет голову.

— Если Анасталея где-то около Ордена — стал бы он гонять этого Дмитрия? Можно ведь было иначе действовать, достать потом меня или тебя. Но инспекция...

— Все портит, да. Но давай не забывать о том, что с самого начала вся эта история, очевидно, не могла не затронуть кого-то в верхах. Иначе бы это просто не провернули бы.

На несколько минут устанавливается тишина.

— Невеселая перспектива, — Саша сама складывает ноги по-турецки, подпирая рукой голову. — Или Орден местный придет по наши души, или за нами прямо сейчас следит кто-то всевидящий и могущественный.

— Таков мир магии — перспективы те еще. Но на каждого всевидящего и могущественного найдется еще более всевидящий и еще более могущественный.

— А проверить собственно есть эта Паутина тут или нет можно как-то?

— Да, — Миклош кивает головой. — Точно узнаем, если найдем рисунок. Вот только провести такой ритуал тихо под носом у Ордена не выйдет, так что рисунок должен быть где-то или в месте полном магии, чтобы фон был, или где-то рядом с источником постоянных эмоций, ярких, чтобы опять же все заглушить — это раз. Второе — нужны точки

фокуса. Как раз предметы Паутины, и их опять же не просто так распространять нужно. Если все правильно сделать, такие точки накроют большую площадь, на самом деле. Но вручить их абы кому не выйдет, нужны несколько символических ритуалов. Да и форма такая... приметная. Или не вручать, можно и установить стационарно. И третье — такой ритуал не проведешь в одиночку, и поддержать его в одиночку нельзя. Нужна подпитка, и если не чистая магия, то что-то через эмоции. И их необходимо откуда-то брать, причем страдания и боль не годятся, их тяжело нейтрализовать. То есть нужно собирать с помощью специальных артефактов эмоции с циркового представления или театра, или ярмарки какой, и потом их использовать. Если вкратце.

Саша задумывается.

— Слушай. Я не знаю насчет старых строений, может что от крепости осталось, или в музее глянуть. Но насчет точек фокусов и ритуалов — бехолдер, это игрушечное чудовище, он ведь из как раз Подземелий и драконов. Очень известный противник. И ритуалы — там мастер игры может, думаю, игроков о чем-нибудь попросить. У ребенка конечно странно, что была такая игрушка. Очень странно. Но может, просто подарил кто? Если я правда что-то видела. Дмитрий ведь ходил в игровой клуб, Анастасей мог его найти там, и не только его, и маскировать свои действия по поддержанию Паутины какими-то связанными с настольными играми традициями и просьбами. И по поводу эмоций — я точно знаю, что в городе есть старый парк аттракционов, нечто вроде ярмарки постоянной, зоопарк и кинотеатров несколько. Что-то из этого подойдет?

Миклош тяжело вздыхает.

— Я только примерно представляю себе многое о том, о чем ты сейчас спросила. Но по поводу сбора эмоций — есть только один способ проверить: прийти на место и выяснить все. Если артефакты есть, то я смогу их опознать, или ты ощутишь. При хорошей маскировке и работающей Паутине местные маги могли годами их не замечать, главное нам самим не вляпаться в сеть. А игровой клуб в моем мире только с картами и костями, ты уж прости. Мне пока объяснения и те движущиеся картинки мало помогли. Только если сами сходить и посмотреть.

— Судя по их группе в соцсети, игры только по воскресеньям. Тогда надо пока обойти все интересные места, коль речь об эмоциях идет. Ночные клубы еще есть, тоже могут подойти?

— Ночные... что?

— В общем, увидишь. Если придется осматривать.

— Увижу. Куда я денусь. Увижу все чудеса нынешнего мира.

Саша только хмыкает в ответ на ироничный тон Миклоша.

Ты уверен в безопасности общения?

Да.

Саша прикрыла глаза, ощущая слабое, но все же существующее присутствие Серафима в связи. Сейчас она была инициатором контакта. Наверное, это было глупо... Но говорить с Миклошем было не о чем, а с шефом пока рано.

На зашифрованное сообщение, отправленное в мессенджере несколько часов назад, почти сразу пришел ответ со временем переписки.

И теперь, сидя на полу у кровати — так, чтобы не мешать уже давно спящему Миклошу, Саша печатала на планшете. Она не любила звонки. Серафим же, насколько Саша смогла понять, был равнодушен к электронной коммуникации вообще, но все же при необходимости пользовался и возможностями звонить, и перепиской.

Саша просила по возможности писать — и наставник согласился. Ей так было проще — не нужно переспрашивать, можно прочитать еще раз и понять, о чем речь. Да и сама она лучше формулировала мысли тогда, когда могла потратить время на их оформление. Хотя они при таком электронном договорились и в некотором роде видоизменять связь, усиливая контакт. Больше, конечно, наставник, Саша слабо понимала, как он вообще управлял всем этим. Но такое общение создавало иллюзию присутствия мага рядом — эмоции по связи ощущать можно было.

Выкладывай, Саш.

Прости, что беспокою. Это не про расследование. Дело несколько в другом.

Не извиняйся — во-первых. А во-вторых — в чем?

Ты знаешь, куда направили Аню?

Александрову?

Да.

Нет, Саш. Протоколы внутренней службы для меня недоступны, да и я не видел для себя смысла следить за ее судьбой. И тебе не советую — пока, по крайней мере. Но если ты хочешь удостовериться, что с ней все в порядке — я спрошу Мишу. Или сама ему напиши.

Саша на секунду замерла, задумываясь о том, как и что сказать. На деле ее раздирали противоречивые чувства — не было ли все это ошибкой? Все ее подозрения, все мысли? Она вообще могла обознаться. Миклош мог ошибиться — они пока так и не нашли никаких подтверждений Великой Паутине. Правда, пока позади остались только несколько десятков ночных клубов да кинотеатры. Парк аттракционов решили отложить — Миклош говорил, что нужно приходить и искать работающие амулеты во время эмоциональных всплесков на местах. И если зарядивший в последние три дня дождь никак не мешал людям наслаждаться музыкой и фильмами, то посетителей в парке было ужасающе мало, сколько Саша не ездила мимо на автобусе в надежде на изменение ситуации.

Погода обещала измениться уже завтра.

Но сегодня... Сегодня она могла поклясться, что видела в небольшом ресторанчике, куда затащила Миклоша на обеденный перекус, Аню с каким-то незнакомым парнем. На вид ее отпечаток в отражении чуть изменился, но оставался знакомым. И сама Аня изменилась — но была собой. Сашу она не узнала, правда. Но та и не настаивала. Разумеется, после истории со Свободой подруга, пусть и полностью оправданная, наверняка не захочет видеть

ту, что уничтожила и ее семью, и всю общину. Саша успела привыкнуть к мысли о том, что Аню, своего первого друга из мира Затронутых, она больше не увидит.

И ошиблась.

А еще у парня, общавшегося с Аней и кормившего ее с ложечки мороженым, на рюкзаке был принт с изображением здорового глаза. Парень был человеком, глаз никак в отражении не выделялся — но Саше было не по себе до сих пор.

Могла ли она обознаться? Было ли вообще важным что Аня была здесь? Или просто совпадение... Что она паникует?

Тебя что-то тревожит. Выкладывай.

Саша несколько секунд раздумывает, как сказать. И что сказать.

Или я позвоню)

Она только глупо моргает. Серафим — и смайлик. Нет, вообще-то, наставник имел полное право, просто никогда не использовал все эти скобочки в переписке.

До сего мгновения Саша вообще была уверена, что маг просто не знает о таких возможностях.

Не надо. Просто я не знаю... Мне кажется, я придумываю ерунду.

Тебя это беспокоит, так что в любом случае не ерунда. Выкладывай.

Саша вздыхает. И этот же человек ее как-то почти пять часов гонял по паре ментальных задачек, пока она не разобралась, что и как...

Я не собираюсь оценивать твои действия. И нет никаких задач, которые сейчас важно выполнить. Просто расскажи.

И откуда такая робость?.. Хотя бы оттуда, что Серафим может все бросить и приехать. Сейчас только до Саши это доходит. Михаил Ефимович ведь сам говорил, что хочет с ним общаться. Что важно, чтобы наставник не подавал виду что обо всем знает, что Серафим может показать тем, кто наблюдает за ним, что-то лишнее...

После короткого колебания Саша сглатывает — и набирает.

Пообещай, что ты не приедешь сюда и ничего не будешь делать, о чем бы я тебе не сказала.

Пять минут не происходит ничего. Только в связи Саша чувствует целый ворох эмоций. Потом Серафим все-таки присылает ответ.

Ты переобщалась с Мишей. Я способен трезво оценивать реальность.

Извини. Но это важно.

Я не собираюсь никуда срываться без причины. Выкладывай, во что вляпалась.

Тревога и нетерпение, казалось, просачивались через экран.

Ничего. Просто — я видела Аню.

Александрова — в Пензе?

Да.

Она тебя узнала?

Нет. Я не стала подходить сама, но Аня смотрела на меня и не узнала. С ней... что-то сделали?

Короткую радость от встречи, пусть расстались они паршиво, заглушила тупая боль в груди от равнодушного, пустого взгляда без капли узнавания. Не то чтобы они долго были подругами... Но Аня была той, с кем Саша постигала магию, той, кто дала ей кров, когда все отвернулись. И той, чья жизнь разбилась вдребезги из-за событий, в которых Саша принимала самое непосредственное участие.

Не то чтобы теперь они могли бы дружить или общаться.

Но где-то в глубине души жила надежда на прощение. А теперь поселилась разом и горечь, и подозрение в том, что Аня могла пострадать за это время.

Саша. Не с ней — а с тобой. Ты попала под Вуаль Времени, помнишь? Твой круг общения неширок, и изменений ты могла и не заметить. Но то, что наши городские Затронутые тебя не забыли, не значит, что не забыл никто.

Но меня помнили ролевики. Гвен, Волхв... Мы были знакомы чуть дольше, но не так близко. И они люди! И остальные... Они помнят, а Аня — нет?

Вуаль времени — магия малоизученная. Но во-первых, есть предположения, что ее воздействие зависит от расстояния между людьми в момент колдовства — чем оно больше, чем больше вероятность забывания. Во-вторых — влияет настрой, собственное отношение к тому, кто оказывается под Вуалью. И в третьих — ты уверена, что твои товарищи по играм помнят именно тебя, а не созданный тобой образ?

Ответить было нечего.

Но все же, Саша, я прошу тебя — без крайней необходимости не возобновляй контакт с Анной. Не потому, что я против ее самой, вовсе нет. И нет никакого официального запрета.

Но?..

А «но» было, Саша его чувствовало.

Но слишком много людей и не только, связанных с тобой, сейчас в Пензе. Слишком.

Аня не навредит.

Не навредит — я считаю так же. Но она может привлечь внимание. Указать на твою подлинность — думаю, ты слышала про идею «двойников». Вполне возможно именно поэтому вы сегодня встретились.

Она искала меня?

Нет. Но кто-то, наблюдающий за всем, мог бы наблюдать и за этой встречей. Я попрошу Мишу узнать насчет Александровой, ее перевода и нынешнего официального места жительства. Это не будет быстро, увы. Но будь крайне осторожна.

Саша вздрагивает. Серафим что-то чувствует... Или просто переживает вдали от ситуации?

Ты думаешь... Стереть. Ты заметил... Стереть.

Каков шанс, что столько связанных со всем происходящим магов совершенно случайно находятся в городе, откуда родом семья моего отца?

Саша прикрыла глаза, не желая видеть ответ. По крайней мере — прямо сейчас. Просто слабость и глупость.

Сеть. Паутина. Режиссер.

Как она сама могла быть со всем этим связана?

Саша любила Пензу. Город, где проводила много дней летом и иногда Новый год, город, где жили бабушка с дедушкой. И все же через пелену воспоминаний иногда проглядывали теперь пугающие ее моменты — исчезнувшие едва купленные красные штаны, просто растворившиеся среди дивана за секунду, когда она отвернулась. Сменившаяся картинка на телефонном справочнике, которую, как она помнила, видела и бабушка, и мать. «Друг отца» несколько раз подходивший к ней на улице и пугавший до дрожи. Неожиданно появившаяся у памятника первым переселенцам кольчуга, и так же неожиданно исчезнувшая без следа.

Такие воспоминания наверняка были у каждого ребенка, приправленные и измененные пластичной неокрепшей психикой, в которой фантазия переплеталась с реальностью самым причудливым образом.

Но в свете подозрений, в свете возможной Паутины, того, что местное отделение Ордена пока не могло найти документов на как сквозь землю провалившегося Михаила Бестужева... Все это выглядело совершенно иначе.

Могла ли быть она причастна к происходящему? Даже сама того не зная?

После нескольких вдохов и выдохов Саша все-таки решается прочитать ответ Серафима.

Не знаю. Слишком много переменных.

Хотя бы честно.

Но в чем бы ни было дело — Саша, ты была и остаешься моим учеником. Появление Миклоша этого не меняет. Нынешние события, прошлые события и будущие события этого не меняют. Что бы ни происходило и кто бы тебе что не говорил.

Саша сглатывает.

Если хоть что-то покажется тебе подозрительным или в чем-то, неважно в чем, понадобится помощь — пиши. Звони. Используй связь. Неважно. Я сделаю все чтобы помочь. Понимаешь меня?

Да.

По всем параметрам пока для вас безопаснее если я останусь там, где нахожусь сейчас. Но это не значит, что ты одна в логове врага. Что бы там не происходило — извести меня. Сразу.

Хорошо. Я постараюсь.

Пришли свои заметки по делу. Не отчет, ничего такого — просто опиши все, что видела и слышала. И пришли на резервную почту. Сможешь?

Да.

Спасибо.

Извини, что побеспокоила.

Все в порядке.

Доброй ночи.

Доброй.

Саша выдыхает, словно до того задерживала дыхание. Она не получила ответов — только новые вопросы. Но все же нужно написать обо всем, что она видела. Все равно Серафим единственный, на кого вообще сейчас можно рассчитывать. Если рассчитывать хоть на кого-то.

Через пару часов, почти перед рассветом, заканчивая заметки, Саша замечает еще одно сообщение от наставника.

В чем бы ни было дело — ты справишься. Я уверен. Все будет хорошо.

У Саши такой уверенности не было. Слишком быстро все происходило, слишком много всего происходило.

Но она все равно улыбается.

— Что мы ищем?

Саша чуть нахмурилась, пряча ладони в рукава ветровки. Несмотря на лето, сегодняшняя ночь выдалась весьма холодной, и пока солнце еще не успело прогреть окружающий мир. В автобусе было пусто. Впрочем, неудивительно. Желających в восемь утра воскресенья куда-то ехать было не слишком много.

Миклош отстраненно смотрел в окно на проплывающие мимо дома, держась за поручень так, что побелели костяшки. Поездка ему явно не доставляла никакого удовольствия. Но все же парень ответил, после некоторого раздумья.

— Что-то неправильное.

— Очень определённо.

Миклош чуть пожал плечами.

— Ладно, нам выходить. Завернем куда-нибудь к фастфуду и заодно ты расскажешь все более подробно.

Ответом был страдальческий вздох.

Уже сидя за столом в ожидании своей порции бургеров и картошки фри, Саша чуть толкает в плечо хмурого с самого утра Миклоша.

— Тебе забегаловка не нравится или что-то более глобальное?

Миклош только чуть поводит головой.

— Ты таскаешь меня почти неделю по местам, куда бы я добровольно не пошел никогда в жизни. Неделю. И ничего из этого мне не нравится. Ни сотни людей в странных нарядах,двигающихся под ужасно негармоничную громкую музыку, ни другие сотни людей, что на многоярусной ярмарочной площади толкуются локтями среди лавочек с какими-то безделицами и кичливыми одеждами, а потом, покупают отвратительную полную воздуха еду у крикливых продавцов и как замороженные смотрят в темноте надвигающееся полотно с картинками так пристально, что не видят, как с их подбородков капает слюна.

Саша подавила вздох.

— У меня возникло ощущение, что фильм тебе понравился.

Миклош чуть поморщился.

— Записанное представление не передает истинных эмоций... Но все же признаю — такие возможности смотреть на лицедеев в любой или почти любой день могут иметь потенциал. Я никогда не был заядлым театралом, но все же этот вид искусства куда интереснее, чем цирковые акробаты, факиры или дрессированные звери на ярмарках. Но чтобы понимать, что изображено на сцене, надо понимать, о чем идет речь и в репликах героев. А для меня что «менеджер», что «ракетная установка», что «реалити-шоу» просто слова, за которыми нет никакого смысла. Хотя признаю, что наблюдать за нынешними взаимоотношениями героев все равно довольно занимательно. Эмоции людей мало меняются, хотя раньше столь больших вольностей ни в словах, ни в одежде, в поступках благовоспитанные дамы и кавалеры не допускали.

Саша чуть пожимает плечами.

— Фрейд произвел что-то вроде «революции» во взаимоотношении полов с век тому назад. С тех пор отношение к сексу поменялось.

Миклош чуть склонил голову.

— Я знаю, о чем ты говоришь — потому что в моем разуме не только мои образы. Но не будь этого — я не знал бы, что ответить. Так много развратных образов, которые откровенно дурновкусны. Везде, на ваших больших фотографиях по городу, на движущихся картинках перед этим... «киносеансом». И сейчас, — парень окидывает взглядом посетителей зала. — Оголенная грудь у дам и едва заходящие на бедра штаны. И мужчины не лучше — ходят в портах, как последние крестьяне.

— Это шорты. В них нет ничего предосудительного. И у женщин одежда нормальная, сейчас все-таки лето. В этом нет ничего плохого.

— Нет, — Миклош кивает, — Но я привык к иным нравам. К тому же ты так не одеваешься. Только носишь штаны, как мужчина. Но к этому я уже привык. Почти.

Саша чуть улыбается.

— Нынешний мир позволяет мне носить то, что я хочу. А мне удобнее так как я одеваюсь. Нынешний мир вообще многое позволяет. Я могу получить образование даже родившись не в семье аристократов. Строго говоря — вообще все равно, где ты родился. Понятно, что если твоя семья, скажем, богатые торговцы, то деньги решают многое... Но все равно — женщина сама может решать, куда пойти после школы, в которую берут всех. Она может продолжить учиться по профессии, которая ей нравится, заниматься в жизни тем, что она хочет и зарабатывать на этом деньги. И все это верно и для мужчин. Никто не принуждает к браку и рождению детей. Родители не женят детей, никаких договорных браков — почти везде. Никакого голода, в каждом доме есть теплая вода, комфортное отхожее место, возможность самому готовить еду, магазины...

— Да понял я, понял, — Миклош отмахивается. — Ты говоришь так, словно защищаешь свой мир. Но я не нападаю. Я просто вырос в иных условиях, и все. Я — другой, и мне странно быть здесь.

Саша чуть улыбается.

— Мы все в чем-то другие, это нормально. Ты не обязан любить это место.

— Но мне здесь жить, — с некоторым огорчением говорит Миклош. — И с этим нужно смириться, все равно ничего не изменить. Просто это не произойдет быстро, а пока придется тебе потерпеть мое не вдохновляющее лицо. Не говоря о том, что у нас пока много нерешенных вопросов помимо моего настроения.

— Ага. И ты так и не ответил — что нам искать в парке?

— То, что забирает эмоции. Втягивает или меняет настроение толпы — ты ощутишь. Скорее всего, артефакт выглядит как что-то, что легко заменить, ведь такие вещи нельзя держать активными слишком долго. И внимание привлекают, и начнут на обратном движении отдавать накопленные силы. Но может быть, наоборот, неподвижной вещью, если будет находиться где-то подальше от людей, если потом из нее просто силы маг извлекает прямо на месте.

— Ладно. Но сначала поедим.

— Ты уверена, что этот... «фастфуд» съедобен?

— Да. Более чем. И картошку-фри ты уже ел, как и наггетсы. Расслабься, если не понравится, то сходим куда-нибудь в место с традиционной кухней.

— Щи и кашу из перловки с пивом предложишь?

— Возможно.

— Ладно, кажется, быстрая еда действительно быстрая, — Миклош усмехается и показывает взглядом на номер чека в руках Саши и такой же номер на экране

приготовленных блюд.

Завтрак проходит в молчании. Миклош с явной брезгливостью оглядывает вначале окружающее в поисках ножа и вилки, но потом, посмотрев на других посетителей, только вздыхает и начинает есть руками так же, как и все остальные.

Делал он все это с несколько затравленным выражением. До этого Саша старалась выбирать для питания какие-то более традиционные рестораны или столовые, не желая слишком уж шокировать Миклоша, или хотя бы брать ему более-менее понятные блюда. Но, с другой стороны, рано или поздно все равно стоило показать ему и эту часть современной культуры.

— Согласись, все не так плохо.

Миклош только вздыхает.

— Дмитрий, привычный к такому, сказал бы, что да. Я же... пока не знаю.

— Ладно, идем. Если мы хотим обойти аттракционы до открытия, то стоит поторопиться.

Правда, обход парка развлечений по периметру не приносит ничего.

— Думаешь, стоит попасть через Отражение внутрь?

Миклош качает головой.

— Я оставлю без внимания то обстоятельство, что тогда мне придется только подбадривать тебя отсюда... Но, боюсь, если здесь и правда есть что-то, то это что-то наверняка под присмотром. И пройдя через Изнанку, мы заявим о том, что наступаем нашему противнику на пятки. И я не знаю, к добру это будет или к худу.

— Ладно, я так понимаю это ответ «нет».

Миклош чуть качает головой.

— Из нас двоих у тебя есть магия и ты лучше понимаешь, что происходит вокруг. Но да — я бы не стал этого делать. Но мне стоит предупредить тебя — Саша, я никогда не был хорошим воином. Мне приходилось бывать в бою — тогда, когда этого не удавалось избежать. И только.

— Ладно. Я учту. Пошли к кассам, билеты покупать.

— И ты опять расплатишься куском картона?

— Это пластик, и расплачусь я теми деньгами, что привязаны к нему на счете в банке. Просто не получая их на руки.

— Разумный подход. Ладно, идем на твою постоянную ярмарку.

Саша усмехается про себя. У нее нет уверенности, что американские горки понравятся Миклошу. Но не попробуешь, не узнаешь, как говорится.

И она успевает затащить парня и на колесо обозрения, и на мини-картинг, и прокатиться, честно замирая от ужаса, на «Емеле», и заглянуть в комнату страха — до того, как Миклош устало садиться на лавочку.

— Как бы то ни было, сейчас с меня достаточно впечатлений. На годы вперед, пожалуй. Давай просто обойдем это место, и все. Без всех этих развлечений.

— Ну уж.

— Я серьезно. Саша, я участвовал в атаке кавалерии на артиллерийские позиции. Один раз в жизни — но участвовал. И я точно могу сказать, что сейчас меня раздрают не менее сильные эмоции, пусть в них и меньше смертельного ужаса. А дети твоего времени просто ходят сюда по выходным.

— Не только по выходным.

Миклош качает головой.

— В том и дело. Найти возможность разместить здесь собиратель силы не так и сложно, особенно если поставить его вбирать совсем немного от общей высоты волн Отражения.

— Волн?

— Колебания, связанные с чувствами. Чувства людей, всех людей, как ты знаешь, меняют Отражение. Вот эти изменения и можно подловить, поставив что-то вроде... плотины, наверное. Фигурально выражаясь.

— Но пока там, где мы были, ничего такого я не ощущала.

Миклош кивает.

— А должна была. Ладно, давай обойдем оставшуюся часть парка, может что найдется.

Саша развернулась, привлеченная чем-то в Отражении — и замерла.

— Не думаю, что нам нужна вся оставшаяся часть парка.

Миклош проследил за ее взглядом и присвистнул.

В отдалении слева из-за ветвей выглядывал небольшой павильон темно-синего цвета, венчал который приличного размера глаз.

— Или это место продажи игрушек, посвященных Саруману, или... все может быть так просто?

— Если ты о том, что здесь находится сосредоточение Паутины — то нет, определённо и точно нет. Она светилась бы так, что видно было за километры, Орден бы не пропустил. Но вот накопитель... Вполне возможно. Тем более что в мое время Орден, проверив всех этих «человеческих» гадалок и магов-шарлатанов, обычно на повторные заметки по их поводу не откликался, не желая распылять силы. Понятно, что никому не нужно патент выдавать, что люди балуются — и за следующее дело.

— То есть думаешь, что там сидит человек? — Саша поднялась с лавочки и направилась к павильону.

— Пошли, посмотрим.

Надпись на павильоне гласила «Провидица Мария».

Саша только хмыкнула, изучая в Отражении глаз. Он был самым обычным — сейчас. Вот только она почти физически ощущала, как ее разгоряченный аттракционами разум сам собой успокаивался рядом с этим местом без видимой причины.

— Чувствуешь? Эмоции уходят.

— Да, — Миклош кивает. — Изучи Отражение, только не трогай ничего.

— Почему?

— Не думаю, что стоит давать знать о нас так открыто.

Саша усмехается. И едва успевает отойти в сторону, когда из павильона показывается Аня, которая идет за руку со своим молодым человеком и тихо о чем-то смеется.

Саше просто невероятных усилий не изменится в лице. Аня скользит по ней взглядом и продолжает разговор.

— Вы хотите узнать будущее? — из павильона выглядывает «гадалка», на вид даже младше Саши.

В ней чувствуется какая-то усталость и даже некоторая обречённость. Но она, определено, человек.

Саша кивает девушке.

— Проходите. В билет это не входит, но оплатить можно прямо здесь, —

«ясновидящая» кивает на небольшой терминал за стойкой у входа.

Саша оплачивает — и минует монументальные синие занавески, отделяющие вход и стойку с терминалом от основной части помещения. Сам павильон крошечный, и из-за нагромождения занавесей и темного бархата кажется еще меньше. А еще Саша почти кожей ощущает давящую атмосферу этого места. И из-за того, что сейчас ее чувства в отражении словно бы смазаны и потому, что в детстве она совершенно точно уже была здесь. И даже зеркальце, висящее прямо за местом гадалки и сейчас явно впитывающем в себя эмоции, и ее эмоции в том числе, видела. И вместительные пуфики, и стол с шаром из темного хрусталя.

— Хрустальный шар откроет будущее, но ответит он только на один вопрос, — «ясновидящая» обводит Сашу и Миклоша взглядом. — Задавайте его в уверенности, что это тот самый вопрос. Ну или приходите завтра за следующим, — заканчивает фразу она довольно буднично.

Саша фыркает про себя. Она уверена — гадалка самый обычный человек. А вот шар... Шар куда хитрее. В нем есть магия, отчетливо ощутимая. Что бы тут ни было, это не только место, где Паук собирал нужную силу, но и что-то вроде... Регистрации прибывающих?

Спросить совета сейчас было не у кого. Но в теории, о ее силе столько говорили... Разве нельзя просто изолировать себя от воздействия этого шара и попробовать выяснить, что он такое и к чему или кому привязан?

— Мне нужно говорить вслух?

— Нет, — «ясновидящая» качает головой, — прикоснитесь к Оку, и я прочту его ответ. Только прикосновение и мысль.

Саша фыркнула про себя и дотрагивается до холодной гладкой поверхности шара, обернув руку защитой. Она не задавала вопроса — напрямую. Только обратилась с вопросом о том, что есть Око. И в тот же миг на ее собственный разум обрушились образы. Не один и не два — десятки, сотни, тысячи. Саша затрясла головой.

— Шар говорит о том, что ваш ответ... в вас?

А эта ясновидящая-то связана с артефактом, пусть и человек... Но это не имело значения. Ничего не имело значения, кроме множества мыслей и чувств, обрушившихся на Сашу за секунды контакта.

— Прекрасно, о юная дама, — Миклош поднялся на ноги. — Жизнеутверждающе.

— О, это не все, возможно, вам нужен другой вопрос...

— Нет, мы пойдем. Всего хорошего.

Миклош почти выволок Сашу за руку из павильона. И потащил на лавочку.

— Ты что творишь? Хочешь, что бы о нас все узнали? О тебе?

— Это не... мой выбор. Я не хотела. Просто решила... посмотреть. Поставить защиту. Потянуть на себя артефакт. И... вышло что вышло.

— И что вышло? Что ты увидела?

Саша сглатывает.

— Много. Разного, надо... Надо куда-то, уложить мысли. Но... Главное. В городе есть менгир.

Выражение лица Миклоша балансировало между недоверием, ошеломлением и испугом.

— Сталесский менгир? Ты уверена?

— Да. Уверена. Я... — Саша на секунду почувствовала колыхание клятвы в разуме, но

все же поняла, что кое-что открыть может, — я связана с одним. И я точно чувствую, что здесь неподалеку есть еще.

Миклош прошептал несколько слов. Молитву.

Саша завидовала ему. Сама она молиться никогда не умела. А хотелось. Иногда, по крайней мере.

— Что ты вообще знаешь о менгирах? — Миклош изучал Сашу, устроившись на своей кровати в гостиничном номере. Взгляд парня в упор... нервировал, по меньшей мере.

Словно она была каким-то особо опасным животным в зоопарке.

— Немногое, — Саша чуть пожимает плечами. — Я, разумеется, пыталась найти информацию, но, кажется, о них вообще известно не так много. Это вроде как древние мегалиты, первый из которых был найден около Сатлесса, которые по неизвестной сейчас причине были выбраны нашими далекими предками для аккумуляции, ну или сбора, силы. Не только силы магов, которые вливали ее в камень, но и просто сил эмоций людей, которые обо всем знали... Тогда, когда все еще обо всем знали. Веками таким камням поклонялись, проводили церемонии, окропляли кровью, приносили жертвы, как животных, так иногда даже и людей. С тем чтобы камень вобрал их силу. И с тем чтобы при необходимости эту силу вычерпывать обратно для защиты поселений и вот это все. По прошествии времени сил стало столько, что менгиры обрели что-то вроде... Не разума, но, по крайней мере, избирательности. Многие заклинания, наложенные на них, иногда менялись — и все это привело к тому, что в итоге черпать силу из такого камня мог только один оператор, Затронутый-маг, на которого менгир настраивался и которому давал доступ к своей силе на большом расстоянии для защиты и нападения. Вот в целом и все. После того как люди забыли о магах и Отражении, подпитка эмоциями менгиров прекратилась, хотя многие оставлены были и раньше, когда ушли в неизвестность племена, что их питали. Сегодня, насколько я знаю, в открытом доступе нет данных ни о том, сколько существует сталесских менгиров, и ни о том сколько из них не спят из-за того, что их сила израсходована. Но я не знала, что они могут быть в городах.

— И ты настроена на менгир... Вот значит что я видел. Ты настроена на менгир, и столь мало понимаешь в них, — Миклош качает головой с явным непониманием и укоризной.

— Ну, знаешь, мне никто лекций не читал на эту тему всеобъемлющих, а в «Википедии» что-то ничего про это нет, — с раздражением качает головой Саша.

— Вики...что? Ладно, не важно. Саша, я какое-то время изучал менгиры, надеясь найти решение своей проблемы, их сознание... Неважно. В общем, кое-что я знаю. Это одно из самых интересных и таинственных творений древних артефаторов-ритуологов, псевдоживые мегалиты. О них много вопросов, про них много загадок, считается, к тому же, что во времена Отделения, когда Великие Войны еще бушевали, а Перемирие не было принято, почти все менгиры были выбраны начисто той или иной стороной противостояния, а оставшиеся позаботились о том, чтобы скрыть сами себя... Ну да неважно. Ты оператор... Подумать только. Ты знаешь, что камни допускают к себе не только потенциально сильных магов, способных провести их силу и не выгореть, но и тех, кто наследует кровь их создателей? Последнее очень трудно вычислить, понятно, что таких потомков — сейчас десятки тысяч, сотни, может и больше, но тем не менее. И ты — одна из них. И знаешь ли ты то, что тот, кто настроен на один менгир, предположительно может управлять и другими без годов настройки, получив доступ к силе одним прикосновением тела или, возможно, даже разума? Что до сих пор никто не мог повторить сталесские менгиры и что скиа, трагичные гении, чувствуют таких вот операторов, как маяк во тьме мира Отражения? И что до сих пор,

как я помню, не один из таких вот настроенных на менгир не прожил после первого контакта с камнем больше десятилетия?

Саша просто вытаращилась на Миклоша. Парень уже давно встал, и теперь расхаживал по номеру.

— Теперь я понимаю, как объяснить многое из того, что я видел в твоём разуме. Теперь понимаю. И это... невероятно.

— Невероятно то, что мне как-то забыли сообщить обо всем этом, — Саша складывает руки на груди, чувствуя обжигающий холод в самом центре грудной клетки.

После истории со Свободой, она, разумеется, прочитала абсолютно все, что нашлось в доступных источниках о менгирах и расспросила Серафима. Маг на эту тему говорил неохотно, ссылаясь на то, что он сам никогда связан не был с таким объектом, и рассказал почти все ровно то же, что Саша сама прочитала в книгах.

— Например о том, что с таким не живут долго. Просто отлично. Меня держат за идиотку — вот что мне нужно было знать. И это невероятно.

Саша с трудом сдерживала рвущуюся наружу злость. Ее опять использовали, просто использовали... ради чего?

— Эй, остынь, — Миклош теперь явно не был в восторге от того, что, блистая эрудицией, зашел слишком далеко. — Если тебе не рассказали, значит у Серафима были основания...

— Какие к черту основания?! Он уже втянул меня в ту операцию против моей воли, погибли люди, разрушилась семья моей подруги, сгорели заживо на моих глазах ни в чем не повинные Затронутые... Потому что я подходила им, понимаешь? И теперь выясняется, что это они все и задумали, сделали меня сосудом непонятно для чего, разменяли мою жизнь, и...

— Остынь! — вышло резко, так что Саша осеклась. — Наставник не ангел, но ни на что он твою жизнь не разменивал, я уверен.

— Да ну? Десять лет... Я все-таки на большее рассчитывала. Ну конечно, развести наивную идиотку...

Саша выдохнула. Хотелось закрыться ото всего и просто плакать. Она чувствовала связь, которую больше всего хотела просто разорвать на куски. Чувствовала тревогу в связи, чужую тревогу. И чужой вопрос. Невероятным усилием воли она окружила себя глухим блоком, едва не уничтожая полностью и так пострадавшую нить связи. И отключила телефон.

Никаких больше оправданий. Довольно.

Миклош сглатывает, смотря на нее. И осторожно, словно боясь спугнуть, подходит и садится на кровать, не зная, куда себя деть, хотя говорить старается просто и мягко, явно желая успокоить.

— Саша, послушай. Быть носителем силы менгира не обрекает тебя на смерть. Я неправильно выразился... Все будет в порядке с тобой, правда.

— Ага. А те остальные, которые и десять лет не прожили...

— Саша. Пойми — сила менгира, из тех, что не были уничтожены во время Великих Войн, огромна. Эта сила десятков, сотен, может и тысяч поколений. Может и больше — никто не знает, сколько всем этим камням лет. Огромная сила. Ты сама... Ты провела ритуал, переселив меня, просто с моей передачи картинки, на одном желании всколыхнув Отражение до глубин, без всяких приспособлений, даже рисунок не понадобился, я только потом понял, что показал символы не совсем верно... Но это не имело значения. Ты дважды

контактировала со скиа. Почувствовала Паутину. Сегодня вышла на контакт с еще одним менгиром просто выкачав на реверсе всю информацию из наблюдательного узла, из Ока, старого, сложного артефакта, одним только желанием, без заклинаний, без подготовки, без всего... У тебя ведь и так высокий природный потенциал. А сейчас если ты захочешь, то без труда сравниешь этот дом с землей просто усилием воли, расплыв все на куски. Или исцелишь всех на милую округу. Или... в общем, ты можешь многое. Но вот только... Сильные заклинания повредят твое неподготовленное к такой энергии тело, могут даже выжечь, истощить до предела, от которого нет возврата. И именно поэтому, Саша, связанные с менгиром не живут долго — из известных случаев. Или сжигают себя, выполняя доступное, но уничтожающее тело воздействие, или вовсе становятся марионеткой в чужих руках или заложниками собственных амбиций, и в желании изменить мир оказываясь втянуты в войну против всех. Менгир дает огромные силы, но он неспособен подарить бесконечные знания, не заменяет долгих часов практики в магии. Это дармовая энергия, и как и любое пришедшее легко могущество, она слишком большое искушение.

Кажется, эта короткая, но наполненная эмоциями речь истощает самого Миклоша, явно к таким вещам не привыкшего.

— Я... в общем, Саша, я не могу указывать тебе как жить и что делать. Как и что решать. Но, если мое мнение тебе интересно...

Саша кивает. Несмотря ни на что, Миклош все же сказал ей правду. Не побоялся. И явно пытался утешить, объяснить.

— В общем. Я знаю наставника чуть дольше чем ты. Как я понял, вы знакомы сколько... три года?

Саша нехотя кивает. Она так и думала, что об этом пойдет речь.

— Серафим старый маг, он видит мир иначе, чем мы с тобой. Но он никогда не играет окружающими, словно пешками, несмотря на разницу в знаниях и могуществе. В отличие от многих и многих других. Почти всех, на самом деле. И, да он мог скрыть от тебя важные вещи, это правда. Но только в надежде, что это поможет тебе самой, а не навредит.

Саша только фыркает.

— Да ну? Что-то не похоже на помощь. Есть то, что о себе надо знать. И что-то ты сам оказался в одиночестве в своих исследованиях, помнишь?

Миклош вздыхает.

— И к чему привело мое упрямство и желание потешить самолюбие? К тому, что моя семья мертва, мое имя опозорено, а сам я — приживалка в чужом теле. А ведь меня предупреждали, Саша. И не один раз. И... Я не думаю, что ошибусь, что после того, как я официально во имя собственных идей совершил преступления, наставник боится, что и ты, получив большую силу, погубишь себя в желании совершить благой, но глупый поступок.

— Ага, и поэтому ведет себя так, словно я уже совершила все, что написано в Уголовном кодексе не по одному разу, и меня теперь нужно перевоспитывать, словно малолетнего преступника. Гоняет по всякой ерунде и мозги выносит детскими упражнениями и миллионом дерьмовых логических задач вместо того чтобы взять и рассказать все как есть. Отличный подход.

— Я не говорю, что его метод хороший и правильный. Но думаю, что могу понять в некотором роде причины такого поступка.

Саша еще раз хмыкает.

— Или просто одна безродная дурочка нужна ему для своих целей в будущем.

— Саша, это...

— Это неважно. Есть поступок, а все остальное — слова.

Отчаянье ушло. Его место заняла злость.

Телефон завибрировал, просигнализовав о входящем сообщении. Не в первый раз — но теперь это, по крайней мере, не сопровождалось ощутимым давлением на блок. Сообщение было от Ирины Владимировны.

— Адрес этого Михаила наконец нашли, так что мы можем ехать, — Саша сменила тему почти физически ощущаемым с удовольствием. — Теперь есть чем заняться.

— Ты уверена, что это стоит сделать сейчас, на ночь глядя?

— У нас есть задание, и его никто не отменял. Тем более, — Саша криво усмехается, — если верить всему сказанному, то есть понадобится, я просто найду менгир и достану этого Паука из его паутины. Должна же быть какая-то польза от всей этой ерунды с силой и камнями.

Миклош смотрит на нее сложночитаемым взглядом. Но вслух ничего не говорит. Только кивает и направляется к выходу из номера.

— Ты думаешь, ехать прямо сейчас, на ночь глядя, в этот дачный поселок — хорошая идея?

Саша морщится. Они уже сели в автобус, так что какая разница?

— Не думаю. Но, во-первых, этот Михаил может узнать, что нам сдали его адрес и смыться. Во-вторых — Паук или кто он там может узнать о нас, о том что нам известно или о том, что мы знаем о Михаиле. В-третьих — мы приехали сюда заниматься делом, и мы им займемся. Если хочешь возвращайся в номер, там есть защита, и я поеду одна.

Миклош только вздыхает. Саша качает головой не скрывая своего раздражения. Злость пришла на место боли и непониманию. И не хотела уходить. Все, что она могла сейчас — эту злость направить хоть в какое-то мирное русло. По крайней мере, продуктивное русло.

— Скоро стемнеет, и мы непонятно как будем добираться до этих дач.

— Понятно как, — отрезает Саша. — Я знаю дорогу.

На деле она не ходила ей сколько... десять лет? Меньше? Но почему-то сомнений в том, что она все вспомнит, не было. Возможно, и правду лучше было ехать днем. Хотя бы потому что ночь — время оборотней, вампиров и колдунов. Время людских страхов.

— Ты уверена?

— Да. Я каждое лето ездила на эти дачи.

Миклош сглатывает.

— Адрес...

— Это адрес дачного массива, на котором была дача семьи моего отца.

Когда Саша прочитала присланное Ириной сообщение, то сначала не поверила. Потом замерла, перечитала еще раз. Потом бросилась к электронным картам — и замерла вновь, понимая, что это то самое место.

— Саша, — Миклош говорит очень тихо, хотя сейчас, на последнем рейсовом автобусе, кроме них едет разве что одна-единственная пожилая женщина в пуховом платке, которая вовсе никакая не Затронутая, да и предметов с глазами у нее нет. — Ты понимаешь, что кто-то, судя по всему, намеренно, подсовывает тебе собственное прошлое?

— Я не идиотка.

— И ты понимаешь, что возможно сейчас нас ждет... что-то неприятное в точке назначения?

— А что ты предлагаешь? Ждать у моря погоды? Не делать то, зачем мы приехали?

Миклош качает головой.

— Нет. Но может... стоит рассказать хоть кому-нибудь?

— Для отчета пока рано.

— Нет, я не...

Саша поднимает глаза на парня, смотря максимально прямо.

— Я думаю, что стоит избавить окружающих от лишней информации, которая может им повредить.

Миклош тяжело вздыхает, прекрасно понимая намек.

— Саша, я уже говорил...

— Тема закрыта. Вот, держи, — Саша стаскивает с шеи абсолютно все навешенные амулеты. В том числе и тот самый вероятностный щит. — Носи.

— Я не могу...

— Ты говорил, что мой вечный должник. Носи. Не снимая.

Миклош был совершенно прав. На них и правду могли напасть. И если Саша могла себя защитить, то отрезанному от магии парню что делать?

Не надо было его с собой тащить. Но что теперь — обратно отправлять? И что может случиться, если Паук появится, и Миклош будет один? Пока он рядом, защиты она удержит. Блок связи — тоже. Очевидно, что Серафима это нервировало — судя по ненавязчивому давлению. Ощутимому, словно монотонный глухой стук в дверь. Раздражающий стук, надо признать.

Но сейчас даже мысль о разговоре с наставником вызывала такую ярость, что Саша откинула даже призрачную возможность этого. Вот значит откуда все эти логические задачи, все эти придирки, вся эта концентрация на общей программе... Из-за менгира. И история Миклоша, рассказанная так искренне, — только попытка отвести внимание от истинного положения дел.

Кто она теперь — ходячая бомба? Источник одной, но шикарной возможности для чего-нибудь? Приманка? Может, именно поэтому ее и Миклоша и отправили сюда, в Пензу, чтобы враг заглотил наживку, а она атаковала, била наотмашь, уничтожая его, кем бы он ни был, и сгорая сама, чтобы ни вопросов, ни свидетелей? Вся эта идея с двойниками...

Ее судьба — сгореть в волшебстве. Раствориться в Отражении. Не больше десяти лет... Саша уловила образы в голове у Миклоша. Говоря это, парень не думал о реальном человеке, только о книжных цифрах, статистке, историях, в которых овладевшие огромными силами отдавали всего себя какой-то высшей цели, выжигая тело. Или погибая от руки того, кто был против их идей.

Что еще от нее утаил Серафим? О чем еще она должна была знать, но не знала? Какую игру с ней вели?

Вопросы, вопросы. Теснившиеся в голове, не дававшие покоя.

Надо было все обдумать — наверное. Прийти к какому-то решению. Позиции.

Но «думать» никогда не было ее сильной стороной. Есть проблемы, и их надо было решать. Действовать.

Саша бросила взгляд за окно.

— Пошли, Вася.

Миклош только хмыкает, показывая отношение к фальшивому имени.

Остановка почти не изменилась. В темноте найти нужную тропку вдоль поросшего бурьяном футбольного поля и закрытой сейчас на каникулы школы было не так просто. Но Саша справилась. Даже тот самый паршиво сделанный мостик через местный ручей без нормальных перилл был на месте. Словно и не было этих лет.

Она остановилась на краю поля. Саша понятия не имела, что именно тут сеяли. Никогда не спрашивала, пока была ребенком, а потом уже и желания как-то не было. Но злак рос вокруг, оставляя, как и раньше, неширокую уходящую вверх дорогу.

Как-то раз в детстве она пошла по ней с весьма шустрой женщиной, бабушкиной подругой, а сама бабушка осталась позади. Ох и влетела ей тогда...

Саша сглатывает, понимая, что так и стоит, не сходя с моста. Она не знает толком, почему, но сейчас, под огромным звездным небом, в окружении тихо шумящих на ветру колосьев, ощущение нереальности происходящего только усиливается. Словно мир сошел со своей орбиты, и теперь куда-то мчится, мчится прочь. А она случайно вышла не на той

остановке, и теперь заглянула в какой-то закоулок времени, давно оставленный убежавшей в сторону реальностью.

А еще на ум некстати пришла деревня у леса. Женина деревня.

— Саша. Еще не поздно вернуться. Поймаем такси, и...

Она дергает головой.

— Идем, Мик. Только смотри в оба, ладно? Все равно... Все равно никто не поможет.

Какая разница — идти днем или ночью. Отражение всегда одинаково.

Это правда. Тем более что здесь, вдали от городской суеты и ярких эмоций сотен тысяч людей, Изнанка казалась спокойной на километры вокруг. Саша даже в Свободе такого не ощущала — там были щиты, другие Затронутые, менгир... Здесь же ничего из этого не было. Только поле, далекие одинокие дома и бесконечность природы. И лес вдалеке на холме, на опушке которого и стояли нужные им дачи.

Миклош вздыхает, и Саша ощущает укол совести. Она набрасывает на парня еще несколько щитов — на всякий случай. Не надо было его брать... Но Миклош просто уперся, не силой же его в номере оставлять?

По правде говоря — ей было тревожно. Не потому, что сейчас Саша с неспособным к магии потенциально являющимся целью очень плохих парней малознакомым соучеником шла под луной через поле, зная, что на десятки минут хода в любую сторону нет ни единой живой души. Вовсе нет.

Она вновь осталась одна. Как в тот раз после случая на практике с парнем и машиной... Тогда она пыталась обратиться к Серафиму — но его не было. Теперь же только пожелать... Но — ее не было. Если наставник утаил все то, что вон Миклош знал, даже проведя в мире затронутых сколько... Десять лет? Двадцать? Вроде как не больше. Что тогда еще он утаит? О чем промолчит — про нее, Сашу? Что уже утаил...

Придется действовать самой. Она слишком привыкла к тому, что кто-то рядом может дать совет, рассказать что-то из своего опыта или просто выслушать. Привыкла. Сама поверила в созданный образ.

Плевать. Справится. Она уже не тот наивный новичок в мире магии, как-то три года отучилась — справится. Миклош считает, что у нее сил немерено. Вот и выяснит, так ли это.

— Далеко идти?

— Еще минут двадцать, — Саша чуть пожимает плечами. — Вроде. В детстве все кажется дольше, знаешь ли. В любом случае мимо не пройдем, эта дорога больше никуда не ведет.

— Никуда? Зачем тут тогда вообще было делать что-то? Я ведь как понимаю, теперь ко всем местам, где живут люди, ведут ровные подъезды для нынешних махин?

— Машин, — автоматически поправляет Саша. — Да, асфальтированные дороги. Но когда советская власть выделала участки для дач, никто особо не спрашивал, где кто хочет получить землю. Что дали — тем и пользуйтесь. Картошка, посадки, вот это все. Обещали когда-нибудь доделать, но воз и ныне там. Так до дач-то доехать можно через Лермонтовку, или как-то похоже называется деревня, и пройти лесом. Но что-то мне не хочется, да и заплутать там проще.

— Какая власть?

До уроков истории они как-то и не дошли за прошедшее время. Только Саша вскользь упомянула, что царя уже нет. А остальное, как она думала, Миклош почерпнул из ее разума. Но — это было не так.

— А Дмитрий не в курсе?

Миклош пожимает плечами.

— Я ведь не до мелочей все знаю, что он знал. Только то, что с повседневной жизнью связано, самое яркое.

— В общем, после свержения царя у нас у власти семь десятилетий были коммунисты, и страна называлась — Союз Советских Социалистических Республик. Потому и советская власть. Она выделяла тем, кто хорошо работал, участки земли за городом. Чтобы подсобное хозяйство было и досуг. Наверное. В общем, дачи. Куда мы и идем.

Миклош негромко повторил сказанное. И еще раз — название государства. Но, кажется, ему так и не удалось понять, что это значит.

Наконец дорога, вьющаяся между колосьев, пересекла небольшой ручей, пошла в горку — и вывела Сашу и Миклоша мимо заброшенных огородов напрямик к первому ряду примостившихся в темноте на пригорке дач.

Она остановилась. Было красиво, и бесконечно далекое и прекрасное звездное небо привлекало взор. Но Сашу занимало не оно, не вид темных провалов смутно знакомых окон, а смазанное движение в Отражении, приближавшееся от опушки леса.

— Мика, держись за мной. И никуда не лезь.

— Что...

Но договорить ему не дали.

Черная густая тень приблизилась стремительным росчерком — и со всей скорости врезалась в Сашин щит, отлетая назад и падая в уже не в облике худого мужчины.

Саша хорошо ощутила тот миг, когда Отражение дало ей подсказку. Тенями повелевали вампиры, способные становиться невидимыми даже глазу мага, но никак не исчезая с Изнанки. Она выпалила связывающее заклинание, выбросила пресс на поверженного врага и приготовилась защищаться вновь, увидев движение от ближайшего дачного домика.

Но защищаться не понадобилось. С дороги, совсем не таясь, вышел седовласый мужчина в простой рубаше и шароварах.

— Вижу, вы, гости мои, не наделены терпением и не обделены силой. Соглядатая отвадили — хорошо. Но на ночь глядя опасно приходите к незнакомцам.

Саша чуть ухмыляется.

— Я здесь по официальному делу Ордена, и любая агрессия в мой адрес...

— Карается по Закону. Да, да, я хорошо знаю законы, — старик усмехается. — Но что ж, я сам выдал собственный адрес, так что теперь невежливо заставлять вас ждать на пороге. Тем более, можете прихватить с собой этого дитя ночи, может, он вам даст ответов на вопросы больше, чем я сам.

— Вы даже не поинтересовались о том, кто мы, — Миклош нахмурился, явно недоверия мужчине.

— Не поинтересовался — это правда. Но я знаю, что моим нынешним местоположением, о котором я обязан отчитываться без утайки и промедления, интересовались по приказу Новгородского. А значит, пора выплачивать долг. Или вы пришли не за ответами?

— За ними.

— Ну тогда берите этого нетопыря и идите за мной. Или ночевать под звездами хотите? И не нужно беспокоиться, посланникам Новгородского я навредить не смогу, даже если пожелаю.

Саша ощутила горечь при этих словах и темное пятно около головы старика. Клятва. Обет, о которой тот явно жалел.

— От военный преступник, — негромко говорит Миклош на ухо Саше. — Ты уверена?

— У нас немного вариантов.

— Ладно.

Миклош после короткого колебания подошел и несколько нелепым, но все же вполне практичным движением, закинул по-прежнему находящегося без сознания под несколькими заклинаниями вампира себе на плечи.

— Ну что, идем?

Отступить все равно было некуда, и Саша кивнула.

Жил Михаил Бестужев в дальнем, самом крайнем доме по левому ряду. Саша шла мимо вереницы тихих, погруженных в темноту дач. Большинство казались ей знакомыми, но полной уверенности в том, что здесь ничего не изменилось, у нее не было. Миклош шел рядом, неся вампира, которого она сама по большей части контролировала левитацией. Парень был молчалив и явно напряжен, хотя и старался казаться расслабленным.

— Пришли, — Михаил отворил тяжелую даже на вид калитку и шагнул на территорию участка.

Самая обычная дача. Шесть соток, поросших буйной зеленью, во многих местах явно свободной от сорняков. Саша мало что понимала в садоводстве, но разглядела знакомые с детства и полукруглые секции парников, и вкопанные для поддержки вертикальные палочки, и кусты малины в дальней части огорода, и три громадных яблони, своими ветвями затеняющие почти весь одноэтажный кирпичный дом. Около малины росли, кажется, кусты черной смородины — Саша не была бы в этом уверена.

Все как на даче бабушки. Даже водокачка в углу.

— Идем в дом.

Только сейчас Саша обратила внимание, что их провожатый был бос. Сегодняшняя ночь, как и предыдущая, были холодны для лета, но не похоже, что хозяина дачи это смущало.

Михаил Бестужев был магом. Совершенно точно был — Саша ощущала специфический отпечаток в Отражении. Но весь этот отпечаток был словно бы смазан серостью, словно... скован?

— Нечего на меня пялиться, — ее внимание не осталось незамеченным. Михаил уже на крыльце, отпирая дверь, обернулся. — Никогда что ли Ограниченных не видела?

— Приношу свои извинения.

Мужчина только фыркнул.

— Заходите, — дверь наконец открылась.

Саша зашла в дом, по привычке остановившись снять на входе обувь. И оглянулась, удивляясь тому, что видела. Хотя на самом деле удивляться тут было нечему. Самая обычная дача. Много дерева — им отделаны и кирпичные стены, и даже потолок. Большая комната, в которой и печь в дальнем углу, и крохотная кухня с разделочным столиком и самоваром на нем рядом, кровать около стены. Есть даже пара старых диванов вокруг столика в центре, явно пришедшего откуда-то из середины прошлого века.

И... Все. Никаких современных устройств. Никаких артефактов, которых было полно в квартире Серафима и немало даже у близнецов, в чьем доме Саша пробыла не так долго.

Не было даже книжных полок. Точнее, были — одна рядом с кроватью. Но там стояла классика в потрепанных переплетах да несколько старых изданий, посвященных шахматам. И неожиданный справочник военной техники. Никаких книг по магии. Никаких вообще книг, которых не могло бы быть у самого обычного пожилого дачника в самом обычном отдаленном дачном массиве средней полосы.

— Положи сюда этого красавца, — Михаил кивает Миклошу на кровать. — Сейчас заварю иван-чай и поговорим.

Саша в недоумении еще раз обводит квартиру внимательным взглядом. Здесь нет не

только артефактов — здесь нет и магии вокруг. Защитных чар. Ничего нет — дом как дом. Единственное, что она ощущает — слабую, тонкую нитку заклинания. Малоразличимого, искусного и уходящего куда-то вглубь Отражения.

— Мой тебе совет — не стоит так откровенно показывать свое удивление. Садись. Садитесь оба, — хозяин дома указал на продавленный диван у столика и принялся колдовать с самоваром.

С запозданием Саша поняла, что печь сейчас топилась дровами, самыми обычными.

— И второй совет — если хочешь таскать с собой за руку вроде как обычного человека, то не стоит вешать на него амулеты так, словно он елка новогодняя, — Михаил усмехается. — Привлекает внимания и вызывает вопросы.

— Я не думаю, что это имеет какое-то отношение к делу, — подбирается Саша.

— Не имеет, это правда. Просто я удивлен, что Новгородский прислал ко мне столь юных сотрудников, и считаю своим долгом помочь им в дальнейшей жизни. Ведь благодаря ему у меня есть все то, что вы видите вокруг.

Сказано это было с явной иронией.

— Не похоже, что вы друзья.

Михаил пожимает плечами.

— Мой тезка — тот, с кем способны дружить единицы. Я за все годы слышал только об одном его друге, и тот был побратимом и связанным кровью. Разве что ученики его вроде как переваривают, хотя я и не знаю как. Впрочем, думаю, вы пришли слушать явно не о сентиментальных воспоминаниях старика.

— В общем контексте это тоже представляет интерес. Информацию трудно отделить от того, кто ее произносит, — Саше казалось, что говорила он это не столько этому Бестужеву, сколько себе... Но какая разница?

— Не доверяешь. Что ж, я не давал повода, — Михаил разливает чай в довольно-таки красивый фарфоровый сервиз и ставит на стол поднос с конфетами. «Мишка на севере» и «Белочка». — Хотя, между прочим, тебя, Александра, я помню еще ребенком несмышленным, ни о какой магии не ведающим и только бегающим в короткой майчонке да шортах по участку.

По спине Саши пробежала холодная дрожь. Неужели некоторые воспоминания правда? Там, где то ее бабушка, то дедушка останавливались поговорить, идя на дальний участок окучивать картошку, со странным босоногим стариком, вечно смотрящим на нее непонятным, пробирающим до глубины души взглядом.

— Вижу, и ты меня помнишь, — Михаил чуть улыбнулся. — И прошу заметить — я не позволял себе ничего лишнего. Хотя мог.

— И с чего же такая смиренная покорность?

От понимания того, что часть детских страхов, как оказалось, имели под собой основания, было крайне неудобно. Крайне.

Михаил хмыкает.

— Когда живешь долго — учишься терпению. Во-первых. А во-вторых — Ограничение предполагает и запрет на Становление. Но если ты хочешь подвоха, то можешь найти его — я не стал сообщать о тебе в местный Орден. Хотя мог. Так что, думаю, не стоит беспокоиться о моем мнимом благородстве. Я стар, осужден и вот уже почти век влачу свое существование в этом богом забытом крае среди обычных людей, надеясь, что поставленная по договору с Новгородским защита сбережет меня от Затронутых-мстителей, как раньше

сберегала от охочих до моей крови людей. И прошу заметить — я не использую магию уже много лет. Даже бытовую. Все по закону. Даже когда речь зашла о расстреле.

— Расстреле?

Михаил улыбается. Оглядывается на бессознательного вампира и кивает сам себе.

— Ваша законная добыча не очнется достаточно долго для того чтобы мы могли поговорить. Конечно, я не на все вопросы хочу отвечать, но договор не оставляет мне выбора. Так что вкратце, если вам интересно... Да, молодой человек, — на слове «человек» старик делает явный акцент, — я военный преступник. С хорошим слухом.

Лицо Миклоша заливают краска. А Михаил продолжает.

— Не знаю, откуда у вас эта информация, но она правдива. Я осужден Советом вот уже больше двух веков, с событиями Отечественной войны 1812 года. Не буду вдаваться в подробности той истории, если понадобится — Новгородский вас просветит. С тех пор еще не вышел срок для подачи апелляции, тем более в моем случае она едва ли возможна. И я, как и остальные маги Ордена, попал под Эдикт о Разделении Правосудия.

Видя непонимание на лице Саши, Бестужев чуть поясняет.

— Я не удивлен, что сейчас новичкам о нем не рассказывают. Часть членов ордена считает его позорным пятном на своей репутации. Трусливая попытка отмежеваться от зверств, творимых в дни революции, Гражданской войны и всех последующих репрессий. Попытка уйти в тень и оставить людям решать наши судьбы. Эдикт запрещал магам вмешиваться в судебные процессы людей, господа. В том числе и те процессы, в которых обвиняемыми были Затронутые. Полный запрет на вмешательство. И используя ресурсы Ордена, и по частной инициативе. Никакой магии — даже если тебя завтра поставят к стенке и расстреляют. Даже если ты уже стоишь у стенки. Тогда многие покинули Орден, а те, кто остались, опасались за свою жизнь. Почти два десятилетия бесправия в дни, когда каприз человека мог приравнять мага к отбросу, к преступнику, чья казнь без суда и следствия — реальность. Времена, о которых предупреждали в Совете до Эдикта, но к этим голосам не прислушались.

Старик вздыхает.

— Перед многими встал выбор — применить магию и стать за границу Закона или не применять и стать осужденным на расстрел за границей человеческого закона. Такой себе выбор, знаете ли. И хочу подчеркнуть, я не нарушал взятых на себя обязательств даже тогда. После, разумеется, разум возобладал, и голоса, говорившие о необходимости ограничить влиянием людей на наш мир, стали звучать громче и слышнее. Эдикт отменили, людские порывы стали контролировать лучше, а после событий Второй Мировой даже закоренелые скептики поняли, что попустительство в отношении существующих научных изобретений и вся прошлая политика невмешательства и свободы для незатронутых может привести мир к гибели. Разработали планы и проекты, нашли возможности когда захотели и начали все подобные инициативы контролировать. Ну да ладно, это все дела прошлого. Вы пришли ко мне не за этим.

— Не за этим, — Саша отпивает уже постывший чай. Дед собирал такой же. И вкус похожий — как в ее собственном детстве. Впрочем, иван-чай все равно не рос на юге, так что и он тоже был каким-то своеобразным билетом в прошлое.

— Спрашивайте. Правда, я не всеведущ.

— Но все же для простого дачника, живущего человеческой жизнью, у вас немало информации.

Бестужев улыбается.

— У меня немало гостей. Старые связи, знаете ли. К тому же ко мне могут беспрепятственно прийти только те, кто сам не желает зла — такова особенность чар вокруг этого места. Поэтому, кстати, пойманный вами молодой нетопырь так и не нанес мне визит, решив караулить гостей. Он довольно скоро очнётся, и пока этого не случилось — я хотел бы узнать, зачем Новгородский послал вас сюда.

— За информацией.

— О чем же?

— Как найти Григория Волконского?

На лице старика появилось какое-то бесшабашное выражение.

— А я все думал, кто и когда о нем спросит. Гриша, Гриша... Оставленный в прошлом не то герой, не то злодей, чья роль, кажется, еще не сыграна.

Саша хмурится, чувствуя какое-то злорадное удовольствие, исходящее от старика.

— Вам кажется это смешным?

— Подглядывать за эмоциями нехорошо, юная подруга Новгородского, — наставительно поднимает палец Бестужев. — И — да, пожалуй. При жизни, видите ли, мой давний друг с натурой крысы никого не интересовал, а после смерти стал вдруг нужен.

— С натурой крысы? И как и когда он умер?

Неужели все это зря?

— Ну, ну. Терпение — добродетель, — старик наставительно поднимает палец.

И идет заваривать еще чая. Совершенно игнорируя многозначительный взгляд Саши.

— Не кипятись, — впервые за все время разговора подает голос Миклош. — Он не может причинить вред и просто издевается. Но нам нужно то, что он скажет.

— Да, нужно, — Бестужев возвращается из своей кухоньки и вновь садится на диван. — И я обязан вам все рассказать, так что придется потерпеть. Но никто не обязывает меня отвечать быстро и ясно, так что не вижу смысла отказывать себе в удовольствии.

Саша на секунду прикрыла глаза, чувствуя, что ее ярость еще немного, и вырвется на свободу, уничтожая все преграды, все отговорки и все недомолвки.

— Говори.

Старик усмехается.

— Расскажу. И не стоит уничтожать все вокруг, я все-таки кой-никакой, а Затронутый, и мою смерть даже Новгородский просто так списать не поможет.

Миклош только кладет руку Саше на плечо, чуть сжимая.

— Я думаю, в ваших интересах нам рассказать все как можно быстрее, — говорит он довольно спокойно. — Тогда мы отсюда уберемся, и заберем своего вампира.

Старик чуть усмехается.

— А я все думал когда ты, Миклош, подашь голос, сколько вытерпишь в этом маскараде?

Саша одним движением впечатала старика в диван, прижимая его прессом.

— Откуда тебе известно это имя? Отвечай!

— Прекрати, — прохрипел разом побелевший от давления Бестужев. — Я все расскажу, если отпустишь.

Саша чувствует, как ярость и страх начинают застилать глаза. И как Миклош вновь берет ее за плечи, оттаскивая назад.

— Саша, успокойся. Успокойся, надо выслушать его. Саша!

Миклош каким-то чудом оказывается между ней и стариком. Отталкивает, заслоняет.

— Если ты убьешь его, то мы ничего не узнаем. Ничего!

Саша сглатывает, с трудом понимая, что парень прав. И отходит на шаг назад, опускаясь на диван.

— Только попробуй утаить что-то, что тебе известно обо всем этом, старик. Только попробуй!

Михаил с трудом, но все-таки выпрямляется на своем диване. Скрипят пружины.

— Куда уж пробовать, с таким-то могуществом... Боюсь, я не переживу такой пробы, а жить-то еще хочется, — он трет горло, — Ладно. Давайте поговорим теперь без всяких недомолвок.

Саша хмыкает, чувствуя, как ее вспышка только усилила пресс на вампире, который еле слышно застонал, по-прежнему бессознательный.

— Я думаю, нам пригодится уже не чай, — Бестужев с трудом поднимается, и под пристальным взглядом Саши достает из небольшого шкафчика под разделочным столом бутылку с прозрачной жидкостью и рюмки. — Даже если вы не хотите, мне не помешает. Красавица, кто тебя с такими силами без присмотра оставил? Ладно, молчу, второй раз еще не сдержишься совсем и расплужишь меня, аки козявку. Проклятое соглашение — пришли вы без зла в душе, но после пересечения порога все иное — уже следствие моих действий, и никакая защита не шелохнется, случись что.

Старик наливает себе стопку водки, пьет — без закуски, залпом. И еще. И поднимает глаза на Миклоша:

— Как под каток попал. Мда. Ты... как тебе правильнее называть сейчас, в этом теле?

— Василий, — холодно говорит Миклош.

— Ты, Василий, присматривай за своей спутницей. Не ровен час еще не сдержится и распылит кого-то в труху. А потом жить с ограничениями поверь, несладко. Особенно для столь порывистой особы.

— Не испытывай мое терпение, Бестужев, — цедит Саша.

Старик поднимает руки.

— Хорошо, хорошо. Тем более что нельзя испытать то, чего нет... Задавайте свои вопросы.

— Отвечай по существу — откуда ты знаешь, что это Миклош?

— О, — старик неприятно улыбается. — Я не знаю. Точнее — не знал. Но иногда озвучить догадку — все равно что подтвердить ее. Я ведь говорил, что не стоит показывать свое удивление. И не только его. Но выстрел наугад имеет под собой основания.

— Рассказывай.

Бестужев только ухмыляется — и пьет еще стопку.

— Все не слишком сложно. На самом деле. Я знал Григория Волконского. Много лет знал, и знал его трусливую натуру. И знал, что некоторое время Григорием был знаком, и довольно близко, с Миклошем, позднее названным Миклошем-Безумцем. Знал я и то, что вокруг Миклоша и истории его преступлений ходило много всяких слухов, один интересней другого. И о том, что его наставник никогда бы не допустил такого, и что все это выдумка. И о том, что сам Миклош в своих экспериментах по переселению разума нашел что-то, что заменило его самого, и оттого совершил все, что ему вменялось. И то, что Миклош и в самом деле сошел с ума... Но все это не было важным. Я, господа, собираю информацию. Это мое развлечение, если хотите. И поэтому Новгородский оставил меня в живых. Я знал много, а насколько много — не знал он сам. Не знал он и какие клятвы и как можно обойти и что я могу рассказать, если правильно спрашивать. Но разобраться ему никогда не хватало времени. И когда, я, так скажем, оказался на стороне проигравших и попал под суд, Опричник вспомнил про это знание. Так что моему тезке больше я нравился живой, чем мертвый. Хотя, надо признаться, мог бы и забрать меня под вассалитет и просто выкачать все знания из моего разума... Но Новгородский всегда страдал излишним человеколюбием. Ну да ладно, это не имеет значения. Имеет значение только то, что я немало знаю и что я вынужден делиться с вами своими знаниями. Давайте вернемся вновь на два века назад. Теперь я могу говорить спокойно — Григорий мертв, и все обеты, данные ему, не имеют смысла. Судя по всему, никто так и не узнал, что Волконский говорил со мной. По крайней мере — достоверно не узнал, коль сюда пока пришли только вы. Но, боюсь, это вопрос времени. И я вновь отвлекся. Прошу простить — лет мне немало, и иногда хочется просто поговорить... Не сверкай так на меня глазами, юная волшебница без терпения. Я все расскажу. Собственно, я уже рассказываю. Волконский, господа, был трусом, каких поискать. Но он был моим товарищем, даже, можно сказать, другом. А друзей у таких, как я, немного. И под страшные клятвы Гриша рассказал мне, что у него кое-кто из Верховного Совета интересовался в приватной беседе изысканиями Миклоша. И не просто интересовался, а когда Григорий занервничал и начал запираяться — просто вытащил из разума абсолютно все, пригрозив быстрой и окончательной смертью в случае, если тот хоть кому-то скажет хоть что-то. А ведь Волконский знал, что Миклош собирается провести эксперимент в одиночестве, не желая ни слушать своих друзей и наставника. Гордый, не хотел рисковать кем-нибудь еще в желании достичь своих целей. И это узнал и Советник, прятанный лицо за маской. Григорий не знал, что случится из-за того, что из его разума вытащили ответы. Он побоялся, что проговорится кому-то еще и сбежал из Петербурга в глушь в тот же день, когда Миклош стал Безумным, а его первый эксперимент принес гибель... А Гриша так и сидел, набрав воды в рот. Он рассказал мне обо всем этом, о причине своего бегства из столицы, на деле не так давно — в дни Эдикта, когда нас обоих могли расстрелять. Советник тогда не стал брать с него клятв и обещаний, видимо понимая, что их может увидеть опытный менталист вроде Новгородского, если вдруг дело Миклоша будут расследовать. И когда смерть была близко, Волконский рассказал все. И то, что у Советника была приметная янтарная бусина на шее. Гриша увидел ее и запомнил. Подумал, что она в чем-то так похожа в Отражении на передатчики, поддерживающие чужое сознание в захваченном теле, о которых так много читал он и рассказывал Миклош.

На несколько минут воцарилась тишина. Потом Михаил продолжил.

— Григорий сложил два и два. Он был трусом — всегда. И когда казнь не состоялась,

боясь теперь уже последствий того, что я узнал обо всем, сбежал после нашего разговора куда-то еще дальше, на юг куда-то, в надежде, что Советник там его не достанет.

— И ты промолчал, — Саша оглядывала старика теперь не с яростью, а с презрением.

— Да. Я поклялся.

— Любую клятву можно обойти.

— Да, — Михаил улыбнулся, обнажая желтоватые неровные зубы. — Но зачем? Ради чего? И не надо о справедливости и благих порывах. Если кто-то взял в тиски тело Советника, если туда проник Анастасей — не надо делать такие большие глаза, я все-таки как-никак долгие годы собирал самую разную информацию... Книжный Червь Бестужев, так меня называли. Ну да ладно, неважно. Если кто-то проник в Совет, то его никакая преграда Новгородского не остановит. И даже проще — новое дело против меня по какому-нибудь сфабрикованному обвинению и прощай, жизнь. А жизнь, пусть и такая, мне нравится. Я не испытываю любви к неограниченным, и тем более к посланцам Новгородского, который и положил конец моим... исследованиям. Но быть живым лучше, чем мертвым.

— Как ты понял, что Василий может быть Миклошем?

Старик только усмехается.

— Сделал выводы. Перед отъездом Григорий дал мне один занятный талисман. Вы здесь его не найдете в Отражении. Вы здесь его не найдете, но могу отдать просто так, — он поднимается и идет к книжной полке. И возвращается с небольшим нательным крестиком из серебра. — Сейчас в нем нет ни грана магии, хотя до того он был полон ей.

— Не все артефакты теряют свою силу после смерти владельца. И не все не теряют ее до, — Миклош хмуро смотрит на старика.

— Да. Разумеется. Но сначала из этой вещицы, что Гриша отдал мне для того чтобы я мог найти его, если захочу, пропадает сила. А потом, на следующий день, Паук просит со мной встречи. Паук, который поселился в городе еще до Эдикта и который проник уже во все его уголки, но до того не приближался ко мне, просит встречи. И его человека не пропускает защита. Потом один мой товарищ говорит, что из города резко сорвался и исчез один из людей Паука, Дмитрий. Потом другой товарищ говорит, что мной интересуется Орден по просьбе Новгородского. И что-то мне подсказывает, что все обо мне вспомнили лишь потому, что вспомнили о Волконском — иначе пришли бы раньше. А теперь к моему порогу приходят посланцы Новгородского, и один из них — юноша, замаскированный под человека, но с таким количеством амулетов на шее, что только дурак ничего не поймет. Ну и этот юноша отчего-то знающий, кто я и что сделал. Если сложить два и два, то паззлы начинают шевелиться. И дальше было достаточно сказать правильные слова.

Бестужев паскудно усмехается.

— Если вы хотели поговорить с Волконским, то это все, чем я могу помочь. Клянусь — если моего слова, данного Новгородскому, недостаточно. Я рассказал все, что знаю о нынешнем деле. Если вам нужно больше — расспросите Паука. Если, конечно, он не доберется до вас первым. Мы с ним не то чтобы ладим, — старик хмыкает, показывая на вампира. — И он, похоже, заинтересован в моей смерти. Жаль, жаль. До того я надеялся, что ему хватит своей Паутины, и меня он не тронет. Но, видимо, пришла пора переезжать.

— Что ты о нем знаешь?

— О Пауке? Он живет в городе — это я знаю точно. Как только он объявился там, так я и переехал подальше. Сначала в Ртищево, потом сюда. Не было желания выяснять, не меня ли он ищет после всех событий и признания Гриши. Я знаю только, что он раскинул в городе

Паутину — видел ее на дачниках, но сам не лез.

— И Ордену не сказал.

Михаил пожимает плечами.

— Я Ограниченный. Я не имею право применять магию, кроме как в быту на самом минимальном уровне, но не делаю и этого. И меня осудил этот самый Орден за старание сделать мир лучше...

— Оплаченное множеством жизней, — вклинивается Миклош.

— Миклош-Безумец — кто бы говорил. К тому же, врачи в нацисткой Германии тоже совершали много интересных вещей. И делали не меньше открытий.

— И их осудили.

— И их трудами пользуются, — в тон Миклошу ответил старик. — Ну да ладно, спор об этике оставим на другой раз. Я ничего не должен Ордену. Только Новгородскому — должен. Остальным — помогаю, если хочу. И точка. Орден должен был и в начале прошлого века сам заниматься городом, а не прятать голову, подчиняясь Эдикту и теряя контроль и за людскими властями, и за магией на их территории. А теперь они увязли в этой паутине, — усмехается старик. — И ничего не видят под собственным носом.

— И все же ты наверняка знаешь о Пауке.

Михаил качает головой.

— Я никогда не видел его. Знаю, что он есть, и есть Паутина. И коль ее до сих пор не нашли, то значит кормится на людях и, скорее всего, сидит где-то в музее или близь древней крепости, если от нее что-то осталось. Или в парке — но тут могу и ошибаться.

— У него должна быть не только Паутина, но и информаторы, — хмуриться Миклош.

— Должна быть. Но я никого не видел здесь. Так что или дачники не входят в круг интересов Паука, или он своих агентов ищет где-то в другом месте. Тот, кто приходил как-то сюда на разведку, был молод и одет в молодежные вещи.

— Обращенный?

Бестужев кивает.

— Оборотень. Он не заметил меня, а я не стал навязываться ему. О Пауке, думаю, больше расскажет наш гость, — старик кивнул на тихо застонавшего вампира, сейчас пытающегося убраться из-под пресса.

Саша подошла к лежащему Обращенному, рассматривая его. Насколько он был ее старше... И был ли? В Отражении колыхались его боль и страх.

— Я не знаю, кто ты. Но ты напал на меня, потерпел поражение — и теперь мой пленник. Ответишь на вопросы — и я отпущу тебя. Нет — тебе придется отвечать перед Законом.

Вампир только улыбается.

— Я не скажу ничего. Я ничего не знаю.

— Это ложь.

Саша хмурится. Почему Обращенный так уверен? Почему его взгляд столь нечеток и в Отражении от него веет чем-то странным?

— Я только играю — и все. Наша партия зашла в тупик, и мастер сказал, что мне нужно отправиться сюда и помешать другим игрокам пройти тот же сюжет, если мы хотим продолжить играть.

— Что за бред ты несешь?

— Что? Бред? Почему? Это все правда, клянусь... Я не знал, что ты маг, даже не понял

сначала, что меня оглушило... Мастер сказал, что ты придешь сюда, что будешь играть тут, и что мне нужно остановить тебя. А я хочу помочь партии...

Вампир улыбнулся. Радостно — и настолько безумно, что у Саши по спине второй раз за вечер поползли мурашки.

В Отражении все, что говорил вампир, было таким... настоящим. Искренним. Ясным.

Он совершенно точно верил в то, о чем говорил.

— Ему промыли мозги, — тихо шепчет Миклош на ухо. — Глубокая ментальная коррекция, я такое видел. Мы не сможем ему помочь. Только менталист на такое способен.

Саша тяжело вздохнула.

— Скажи мне — где вы собираетесь играть? Куда бы ты пошел после того, как остановил меня от участия в игре здесь?

Вампир чуть улыбается. И называет адрес знакомый Саше.

— Там проходят партии. По воскресеньям. Следующая игра уже завтра вечером. Я должен успеть...

На этом его глаза закрываются. Разглядывая в Отражении вампира, Саша совсем упустила слабое, тихое заклинание сорвалось с руки старика — и погрузила Обращенного в сон.

— Тебе запрещена магия, Ограниченный. Ты мало того, что не член Ордена, так еще и осужденный.

— Запрещена, — кивает Михаил. — Кроме бытовых чар, прошу заметить. А наведенный сон к ним относится. Я не хочу, чтобы Паук шпионил за мной дольше необходимого. Можете сказать спасибо, между прочим.

— И как Паук шпионил бы?

Старик только вздыхает и достает из-под кровати объемистую сумку, начиная собирать в нее книги.

— Как верно заметил «Василий», Обращенному промыли мозги. Он правда верит в то, что его мастер послал его сюда, желая остановить тебя и твоего товарища. Кровосос молод, хотя превращаться уже умеет. Но его разум в тенях чужой воли, и никто не даст гарантии, что сейчас через его глаза на мир не смотрел кто-то иной.

— Замещения сознания здесь нет, — Миклош рассматривает вампира с явным интересом.

— Нет. Но есть и иные пути превратить открытых разумом людей в свои глаза и уши, оплетя их сознание Паутиной и магии, и лжи. Я бы на вашем месте не стал принимать такое явное приглашение зайти в гости от Паука, но решать только вам. И уввы, вам же придется возвращаться через поля прямо сейчас, не дожидаясь первых петухов. Я уезжаю отсюда. Защита Новгородского привязана к моему дому, но этот, боюсь, больше не безопасен. Забирайте своего пленника и отправляйтесь восвояси. Если есть деньги — могу дать телефон человека, добирающегося в этот медвежий угол в любое время дня и ночи и не задающего вопросов. Но денег будет нужно немало.

— Телефон?

Бестужев усмехается и достает из сумки выдавшую виды Моторолу.

— Я не совсем отстал от жизни. Нужен номер?

Саша только кивает.

Через полчаса дом пустеет — Михаил закидывает на плечо собранную сумку и устремляется куда-то в поле, прочь от дачи, в ночь, усеянную звездами. А еще через полчаса

к опушке леса по раздолбанной грунтовке на побитом уазике приезжает пахнувший самогоном и прерванным сном толстяк в кепке, пришедшей прямиком из девяностых.

И он правда не задает вопросов, отвозя в город их троих. Ничего не спрашивает о спящем вампире, заклинание на котором теперь поддерживает Саша. Только заламывает цену такую, что приходится вывести часть своих накоплений на карту для того чтобы расплатиться.

Ничего не спрашивает и портье в отеле — просто потому, что Саша вешает на всю троицу отвлечение внимания.

Только по возвращении под утро в номер молчание прерывается.

Миклош нарушает его первым. Впрочем, и не удивительно — у Саши от постоянного поддержания блока, давление на который усилилось после того, как она закинула номер Серафима в черный список, и наведенного на вампира сна, порядком болит голова.

— И что мы теперь будем делать?

Саша обводит глазами их номер, спящего на кровати вампира, старается вспомнить все мелочи невероятно длинного дня... И только пожимает плечами.

У нее много вопросов. И нет совершенно никаких ответов. Ни на один вопрос, и тем более на этот.

Короткий предутренний сон, кофе и быстрый перекус в ресторане напротив отеля не приносят ясности мысли и не разгоняют усталость. Саше хочется свернуться и спать, спать и еще раз спать. А по пробуждению выяснить, что все самом собой разрешилось. Как-нибудь. Пожалуйста.

Вампир по-прежнему в отключке. И Саши нет никаких идей о том, что с ним делать. У нее вообще мало идей, пусть Миклош и явно хочет что-то придумать прямо сейчас. На смену злости пришла усталость. И один-единственный вариант дальнейших действий, медленно занимающий все внимание.

— Все, что я думаю — нужно идти в этот клуб. Я проверила по адресу еще раз. Вампир назвал то же самое место, куда ходил Дмитрий. Там свил гнездо Паук, и я думаю — нужно найти его. Если этот Михаил Бестужев прав и вампир был нужен, чтобы позвать нас, то будет невежливо как-то отказываться от такого предложения.

— Ты хочешь пойти прямо в ловушку, Саша. Если адрес Михаила еще мог быть просто адресом, да и сам Бестужев связан клятвами, то здесь все очевидно.

— А какие варианты? Ждать неизвестно чего? Еще одного агента? Или когда этот неизвестный Советник вмешается? Он ведь тут есть, в этой истории. Все сходится, только неясно, при чем здесь Паук...

— Я думаю вот что, — Миклош складывает руки на груди, — нам нужно связаться с Михаилом Новгородским. И с Серафимом. Рассказать им все и ждать указаний. Мы тут просто полевые работники. И мы в общем-то почти все выяснили из того, зачем нас посылали.

— Не все, а едва ли половину. Мы знаем только то, что, по мнению Михаила Бестужева, этот Григорий, твой знакомый, мертв. И все. Ни кто Анасталея из знакомых Дмитрия, ни даже правда ли он тут есть мы так достоверно и не выяснили.

— Паук и есть Анасталея, очевидно.

— И кто он? Что мы скажем сейчас? Видели, кажется, Паутину и подпитку ее? Вроде как что-то есть, а что — непонятно. Какие-то Обращенные... Какой-то Паук, какая-то очередная странная схема с местными орденами, которые не то ничего не знают, не то кого-то покрывают. Бестужев, не то рассказавший много, не то ни сказавший ничего. Нужно больше информации.

— И ты хочешь просто залезть в пекло вперед головой.

— Да, определённо.

— Никому ни о чем не сказав.

— О чем говорить? Мика, нам не о чем говорить, — Саша вслед за парнем складывает руки на груди, чувствуя вновь поднимающуюся злость. — Я не хочу получить обрывки информации, не хочу опять выяснить, что меня просто водят за нос, все равно из каких побуждений. Я хочу узнать все, касающееся меня напрямую. Из первых рук. Черт дери, моя семья отсюда. Здесь есть менгир, и он зовет меня. Мои бабушка и дедушка могли быть частью Паутины. Мой отец мог быть частью Паутины. Даже я ребенком могла быть ее частью... Здесь тот, кто охотится на тебя, здесь Аня, моя подруга, мой... враг, наверное, забывшая меня из-за прошлой истории, куда меня втянули без моего ведома. Что бы тут не происходило — это связано со мной, понимаешь?

— Ты так думаешь?

Саша кивает. Она не знает почему, но это ощущение крепнет с каждой проведенной в Пензе минутой.

— С тобой тоже. Наверняка — не просто так амулет отдала Муза мне. Но черт, Миклош, моя семья отсюда. Я в детстве видела этого Бестужева, он общался с родными отца! И что теперь — отказаться от истины и просто ждать, как бобик, указания хозяина? Нет уж. Я хочу пойти и узнать, что этот Паук замыслил. В конце концов я проводник силы менгира. Вроде как сильна и мощна, так что должна же быть от этого какая-то польза? Если понадобится, то просто обезвредим всех — и все.

— Переоценка своих способностей — кратчайший путь к поражению.

Саша только фыркает. Ей надоели недомолвки, надоело неприятное ощущение, что окружающие знают о происходящем больше, чем она сама. Отражение, словно встревоженное предстоящим чем бы то ни было, колыхалось рядом, обещая раскрыть все тайны.

Это может быть опасно. Это скорее всего будет опасно. Но она не наивный ребенок, которого можно кинуть в секту, как котенка, и ждать, когда выплывет. И если неспособного к магии парня отправили с ней чтобы связать по рукам и ногам — то не выйдет.

— Миклош, я не хочу, чтобы ты шел со мной.

— Что?

Саша обдумывала идею и поняла, что это будет самым верным решением. Надо было сделать так еще раньше, глядишь, вытянула бы из Бестужева больше информации.

— В номере стоит защита. Есть амулеты на тебе. Здесь тебя никто не тронет — я надеюсь на это. А я могу за себя постоять. Правда могу. В конце концов — должна быть польза от моей силы? Вампира заберу с собой. Надо встретиться лицом к лицу с Пауком. Пока он сам на нас не вышел.

— Саша... За Пауком может стоять Советник. Паук сам может быть Советником! Если это Анастасей, он мог сменить тело. Он знает обо мне. О нас — и уже попробовал убить однажды. Попробует вновь. Ты сильна, но опыта у тебя нет.

— Но и сидеть здесь я не буду, — в голосе Саши прорезается сталь. — И только попробуй мне помешать.

Несколько секунд Миклош смотрит на нее, а потом качает головой.

— Саша. Мне все это не нравится. Твой поступок опрометчив, продиктован желанием что-то кому-то доказать и решить все проблемы одним махом. Как мчаться в одиночестве на коне прямо на пехотное каре — яростно, быстро и безрезультатно.

Парень говорит довольно медленно, явно стараясь подобрать слова.

— Я при всем желании не смогу тебя остановить. Ни как человек — драться врукопашную у меня никогда особо не выходило, ни как маг, тем более что в последней ипостаси я вообще никуда сейчас никуда не годен. Но, пожалуйста, прислушайся к моим словам. В тебе говорит желание протестовать и сделать по-своему, нарушить все правила. Это понятно. Я когда-то... Не так давно, в общем, я тоже хотел показать себя и решить проблему, послав к чертям все существующие ограничения. И посмотри, к чему это привело.

Саша смотрит на Миклоша долгим и довольно жестким взглядом. Она научилась более-менее сдерживать свой язык, пусть нынешняя усталость и эмоции размывали самоконтроль. Она молчит, не желая выплескивать свой гнев. Без ее участия сидел бы Миклош в своем амулете и дальше. А теперь советовать лезет, даром что сам в начале всей поездки у нее идеи

и планы спрашивал.

На деле в его словах есть доля правоты — без злости и желания наконец прояснить хоть что-то в происходящем вокруг, без подозрений и опасений Саша едва ли бы решила сделать так. В тренировочных упражнениях ответ в таких случаях всегда ясен. Но теперь это вовсе не тренировка. Здесь и сейчас она наконец могла пойти и узнать ответы на свои вопросы. Если понадобится — вырвет их из этого Паука силой. Магия текла по жилам, требуя выхода.

— Спасибо за заботу.

— Но ты все равно намерена идти.

— Да, — лаконично отвечает Саша.

— И никого не извещать.

— И снова да. Заберу этого красавца с собой, — Саша кивает на вампира.

— Отвод внимания?

— Еще чего. Ногами пойдет. Эй, вставай, — Саша развеивает сон, становясь так, чтобы вампир видел только ее одну, — подъем.

Несколько секунд Обращенный никак не реагирует. Потом вздрагивает и открывает глаза.

— Ты поймал меня, и твой мастер наверняка захочет узнать об этом.

Вампир садится несколько дергано, судя по всему, из-за последствий наложенных заклинаний, и морщась, ощупывает голову.

— Где я?

— Неважно. Важнее то, что твое задание выполнено. Я не буду играть ни в какой другой партии, а хочу поговорить с твоим мастером и играть с вами.

Вампир разглядывает ее с явным сомнением — и кивает.

— Отлично. Насколько я понимаю, игра скоро начнется. Ты ведь поедешь на нее вместе со мной?

Еще один кивок.

— Вот и прекрасно. Идем.

Саша почти силой выволакивает Обращенного из номера, кожей чувствуя тяжелый взгляд Миклоша. Она успела возвести еще несколько защитных периметров. Ерунда, на деле — но амулеты парня должны выдержать любую гадость. Особенно вероятностный щит. Она же идет в логово Паука. Опрометчиво? Пожалуй. Но вся эта поездка сюда — одна большая опрометчивость. Неожиданность.

И ей надо пользоваться. Возможно, нынешнее решение не самое лучшее. Но отступить некуда. Надо схватить этого Паука за брюхо, вырвать из паутины и вытащить из него все его чертовы замыслы. Пока он не напал первым.

Вампир всю дорогу подозрительно тих. Не то вся эта «глубокая ментальная коррекция» делает из него марионетку с перерезанными нитями, не то Обращенный размышляет о чем-то своем. Саша больше уверена в первом — в Отражении она сейчас вообще ничего не чувствует. Словно рядом с ней не человек, а живой артефакт без мыслей и чувств. Артефакт, согласившийся проводить ее в логово Паука.

К добру или к худу?

Какая разница. Если идешь прямо в центр урагана — не стоит сомневаться, иначе сдует прочь.

Все пошло кувырком. Простой план: ей узнать о Бестужева, найти с его помощью Григория, Миклошу пойти играть с местными ребятами и осторожно выяснить у них о

знакомых Вернадского. Был простой план. Но все пошло прахом после того сна в поезде. После Музы и ее предупреждения. После слов Миклоша о Паутине, которую они толком даже и не нашли... Все изменилось.

Бестужев ничего не рассказал, и рассказал больше, чем кто-то мог представить. Этот Григорий непонятно где. Милош сидит в номере, подальше от проблем. А она сама идет к настольщикам вовсе не поиграть в «Подземелья и Драконы», а прижать к стенке того, кто устроил в Пензе сеть осведомителей из игрушек-бехолдеров и плетет свою паутину, используя странный полументальный артефакт, и прячась на самом виду в старом парке аттракционов. Ах да, и еще Аня, позабывшая ее, где-то здесь.

Все планы хороши до столкновения с реальностью.

Игровой клуб с прозаичным названием «Счастливым дайс» располагался на первом этаже в одном из домов напротив парка Белинского. Сашу это не удивило. Пожалуй, ее бы удивило, если бы этот клуб был где-то еще. Когда-то на его месте явно была обычная квартира, но кто-то из ее владельцев постарался, сделал еще один выход на улицу, перевел в нежилое, и даже сумел сдать в аренду или и вовсе продать под коммерцию, несмотря на то, что расположено помещение было в совершенно непроходимом месте.

Никакой магии не было вокруг клуба. Никаких защит. Вообще никакого намека на то, что внутри какой-то таинственный мастер подземелий делает из вампиров идиотов, неспособных отличить события, происходящие за игровым столом, и просьбы организатора к участникам партии, от реальных событий и реальных приказов.

На удивление, дверь не заперта. В крошечном фойе нет никого, а молчаливый провожатый ведет Сашу вглубь перестроенной квартиры, к дальней пластиковой двери. Она почти не удивляется, обнаруживая в небольшом помещении длинный стол с лежащей на ней расчерченной на квадраты картой, места для игроков с заполненными листами персонажей около каждого, наборы кубов и моделек в середине. Почти не удивляется Саша и когда обнаруживает, что партия уже собралась. Что за столом сидит из игроков Аня и ее дважды виденный спутник, а остальные три места пусты. Вампир без раздумий садится на одно из них.

Наверное, нужно удивиться тогда, когда сидящий на месте мастера длинноволосый парень поднимает руку в приветствии, показываясь из-за ширмы. Самый обычный парень, достаточно гиковатый на вид чтобы быть мастером подземелий, и недостаточно яркий в Отражении, чтобы быть Пауком. Он, казалось, вообще был просто человеком. Или?..

— Приветствую. Наконец-то мы все в сборе. Я рассчитывал, что сегодня игроков будет пять, и просил Эдика не дать части нашей нынешней партии начать играть самостоятельно. Ему это удалось, но, как я смотрю, только частично, — длинноволосый лишь улыбается.

Саша все еще не чувствует в нем ни капли магии. И это пугает. Не удивляет — на деле она ждала чего-то подобного. Но пугает до жути. Какова тогда его сила? Или искусность? Мог ли он скрыть свое присутствие от нее еще в прошлом, или это вообще не Паук, а кто-то из его помощников?

— Жаль, мой модуль рассчитан на пятерых, — продолжает мастер, — но буду верить что вы и вчетвером его осилите.

— Ты рассчитываешь, что я буду играть? — Саша поднимает бровь, в упор смотря на длинноволосого.

На шее которого, как она замечает лишь сейчас, висит кусок немного потухшего янтаря.

— Разумеется. Ты ведь за этим сюда пришла. Как и остальные. К тому же если ты, или

кто-то еще захочет задать мне вопросы, по этой партии или любой другой, то вы можете остаться после игры. Я всегда рад обратной связи от своих игроков. Всегда рад.

Саша колеблется. Взять, надавить, заставить отвечать...

Но Аня здесь. И ее спутник-человек. Вампир. Любой из них скажет, что она затеяла свару. Хорошая страховка... Или они здесь за чем-то еще?

— Прощу, садись. Пора начинать. Выбирай любое из оставшихся мест. Играем прегенами, так что даже ничего не нужно заполнять. Вы все знаете правила, пусть кто-то возможно и весьма поверхностно. Правда, учтите — если в течение модуля ваш персонаж погибнет, то нового создавать не будет возможности. Вы всегда можете прийти еще раз. Но после смерти персонажа вам придется покинуть партию и подождать окончания за дверью.

Саша колеблется еще несколько минут, но все же занимает место за столом. Аня и ее спутник кажутся несколько удивленными появлению Саши и ее общению с длинноволосым, и только. Никаких вопросов и разговоров.

Ей достается варвар-орк с уже распределенными характеристиками и навыками. Стул рядом остается пустым. Почти наверняка тут ждали Миклоша. Незанятый персонаж — волшебник-эльф. Аня играет за плуга-тифлинга, ее спутник — воин-человек. Вампир, как Саша понимает, взял рейнджера-полуэльфа.

Сюжет этого настольного приключения банален. Они вчетвером были самыми обычными наемниками, ищущими по заданию одного влиятельного человека волшебника-предателя, которого надо было пленить, а не убивать. Зацепок было не слишком много, но, тем не менее, поместье мага они нашли довольно быстро — хватало пары удачных проверок на внимание и одного допрошенного злодея, попытавшего напасть на их партию после длительного отдыха в небольшой таверне. Злодей оказался околдованным наемником, работавшим на мага-предателя, и выдал его местоположение довольно быстро.

Увы, путешествие по жилищу мага оказалось достаточно сложным.

Длинноволосый мастер, чьего имени Саша так и не узнала, был явно довольно опытным и довольно жестким с игроками, не щадя никого. Смертельные ловушки наносили действительно много крона на их первом уровне персонажей, а несколько прислужников злодея были весьма опасными противниками. А еще опаснее был сам маг-предатель, битва с которым венчала все приключение.

Первым на тот свет отправился персонаж вампира, не сумев побороть заклинание контроля разума. После злодей приказал ему замереть — и столкнул вниз с широкого моста в глубокий ров, ведущий к поместью. Вторым погиб воин спутника Ани, закрыв ее плуга собой от выпущенного огненного шара. И это принесло свои плоды — в ответ выстрел из скрытого арбалета уничтожил последний чародейский щит, висевший на маге. Еще один контроль разума — и вновь успех, подчиняющий плуга.

Саша ругается про себя, видя, как маг-предатель заставляет персонажа Ани избавиться от оружия и замереть, и протыкает бойца подруги из прошлого насквозь шпагой. И с запозданием поднимает, что осталась сидеть за игровым столом в гордом одиночестве, как и ее персонаж варвар в боевой ярости стоит на клеточном поле брани напротив оставшегося, как Саша надеется, без ресурсов мага тоже в одиночестве.

— Интересная ситуация, — длинноволосый мастер поднимает глаза над ширмой, смотря на Сашу в упор. — Сейчас ход варвара. Маг остался в одиночестве. Варвар может нанести удар, и, скорее всего, злодею достанется немало урона. Но ведь тогда никто не узнает, почему маг стал предателем, какова его история и почему он в этом поместье.

— На краю смерти злодей хочет толкнуть злодейскую речь?

— Смерти? — мастер поднимает бровь. — Варвар хочет нанести удар, но знает ли он, что будет после этого удара? Может ли варвар быть уверен, что убьет? К тому же ведь задание было — поймать и пленить. Конечно, никто не узнает, ведь нет свидетелей... Но все же, все же... Да и как знать — может у мага-предателя есть в рукавах козырь? Например, друг варвара, который должен был прийти на это задание, но так и не появился. Может быть, этот неудачливый волшебник спрятан в глубинах поместья, и стоит умереть магу-предателю, как никто и никогда не найдет друга варвара? Того самого друга, который некогда запятнал свое имя... когда вместо него действовал двойник, занявший тело...

Саша сжимает кулак. И в упор смотрит на длинноволосого, изучая его в Отражении, рассматривая, сканируя...

Ничего. Вообще ничего.

— Каков твой ход, варвар? Только тебе решать.

Саша делает несколько глубоких вдохов, чувствуя, как колотится сердце. Это... могло быть просто совпадением так? Или могло...

Мастер. Режиссер. Паук ведь спрашивал вовсе не об игре. Во все не о ней. Но и об игре тоже, и нужен был тот, кто понимал, как писать сценарий.

Саша на секунду прикрыла глаза, ощупывая в кармане амулет. Тот, что вернет Анасталея в настоящее тело. Тот амулет, что победит Паука.

Вопрос. Один вопрос... И у нее была идея о том, у кого спрашивать. Для начала.

Образ маэстро в Отражении отыскался быстро, стоило только коснуться нити клятвы, что связывала их. Саша просто поняла как именно это сделать. И сделала.

Если бы вы писали сценарий, в котором поверженный злодей предлагает герою остановить удар потому, что у него есть друг героя в руках, был бы это блеф... или правда?

Ответ приходит спустя секунды. Маэстро, единожды видимый, явно понимает, кто задает вопрос — и как.

Я б сказал, что весь вопрос в том — повержен ли злодей на деле, или все что происходит все еще часть его плана. В первом случае — точно блеф, ведь иначе злодей бы уже разыграл эту карту. Во втором же выходит, что герою стоит выбирать между вариантами, каждый из которых уже предусмотрен сценарием. И тогда выбор будет продиктован лишь его совестью.

Саша открывает глаза. Длинноволосый все это время рассматривал какие-то собственные записи.

— Варвар принял решение?

Она только кивает.

— Какое завершение истории без финальной речи злодея? Пусть и не все ее услышат.

Мастер чуть улыбается из-за ширмы и произносит какое-то длинное, странное слово на незнакомом языке.

Отражение вокруг резко меняется, но Саша не успевает ни выставить щит, ни даже понять, от чего защищаться, до того, как мир исчезает в темноте.

Саша медленно приходит в себя, сидя на полу. На холодном полу в явно холодном месте.

— Иронично, насколько же бесполезна любая сила в руках неспособного совладать не просто с магией, но даже с собственными чувствами, — раздается рядом насмешливый голос длинноволосого.

Саша открывает глаза, понимая, что сидит на полу в круге рун. Рядом в таком же круге находится связанный Миклош. В помещении царит и темнота, только свечение рун дает понять, что, судя по всему, их занесло в какой-то не слишком презентабельном на вид подвал. Больше нет никакого света, и лицо длинноволосого, присевшего около них на корточки, странным образом словно бы отмечено чернильными тенями, прячущимися где-то рядом.

— Насколько легко бросить кошке фантик на веревочке и потянуть за него, притаскивая в нужное место. Хотя, надо признать, найти твоего товарища было непросто... Он ведь сообразил, что не стоит оставаться в месте, где побывал прихвостень главного антагониста этой истории. Но человек с таким количеством амулетов на шее привлекает нужное внимание. Осталось только подбросить уважаемому Ордену наводку и потом пожинать плоды.

— Отпусти его, — Саша морщится, понимая, что круг из рун почти полностью изолирует ее от Отражения. По крайней мере, все вокруг сливается в какую-то непередаваемую кашу образов: и ощущение от вязи символов, и от длинноволосого, и от места, и от связи, и еще от множества других, до того привычных вещей. К тому же сейчас еще и голова кажется набитой ватой, а тело ноет так, словно его прокрутили через гигантскую мясорубку. — Я тебе нужна, а не он.

— Ну уж, — усмехается длинноволосый, — вы оба. Оба. Знание — сила, это верно. И вы оба многовато знаете. Конечно, вообще-то планы были несколько другие. Но твоей дружок-экспериментатор влез и все испортил. Так что придется переходить к запасному варианту. Увы — я ведь столько вложил в тебя сил, Александра.

— Ты — Паук.

— Да. Определённо. Хорошее, кстати, имя — нужно запомнить и никогда больше не использовать.

— Свое настоящее ты не скажешь, — Саша поморщилась, разглядывая янтарь на шее длинноволосого парня.

— Нет, разумеется. Да и зачем? Я думаю, не вы, так ваши более опытные товарищи разгадают загадку, а это значит, что имя мое ненужно, да и неважно. Совсем скоро это тело будет найдено мертвым. Как и иные. Увы, даже таким как я за ошибки нужно платить. К сожалению, моя пешка не сумела помешать возвращению из небытия того, кому стоило оставаться заключенном в амулете во веки веков. К сожалению, некоторые смерти бережат слишком много нитей судьбы... Так что приходится рисковать. А риск есть риск. Хотя, надо признать, прислать вас сюда было смелым ходом. Не отправить подальше, не скрыть под заклинаниями, не смотреть за каждым вдохом... Умно. До меня не сразу дошел смысл и суть происходящего, а это уже много стоит. Правда, посылая к истокам, стоит спрашивать, что же в них было... Если давно плетешь сети, то умеешь их раскидывать под носом у самых ловких

охотников. Жаль, что не удалось сразу поймать бывшего жителя амулета... Это, кстати, тело моей пешки, так? Неплохо, неплохо. Интересно. Вы мне немало поломали планов. Но в долгой жизни есть свои плюсы — можно строить планы, и планы на случай их срыва, и планы на случай срыва планов на случай срыва планов...

— Зачем ты все это рассказываешь?

— Ну как же, — Паук улыбнулся. — Варвар же хотел узнать, почему маг стал предателем. Увы, жизнь не игра, и о причинах своих поступков распространяются лишь глупцы. Можете выбрать любой вариант — тщеславие, желание указать на вашу глупость и мой ум, подчеркнуть ваше подчиненное положение, раскрыть кому-то часть сценария, который и пишешь в одиночестве, и реализовываешь сам, ведь в кресле режиссера лишь один человек... Ну или просто мое переменчивое настроение. К тому же мне пришлось потратить прорву сил и на то, чтобы в свое время оплести паутиной нужных людей, и на то, чтобы затянуть узлы, вмешаться в становление одного-единственного мага, дать ему силу куда быстрее, чем он получил бы ее на иначе... И из всей благодарности — только отчаянное сопротивление разума этого самого одаренного возможностями. Чтобы притащить тебя сюда, пешка, решившая сесть за игровой стол, пришлось потратить прорву сил. И это делает разговорчивым. При том, что я дал тебе столько... И никакого, даже крошечного, спасибо.

— Ты вмешивался в мою жизнь?!

Паук отмахивается.

— Нет. Разумеется нет. Иначе пришлось бы иметь дело с ненужными проблемами, и ученик Буревестницы расстроил бы все, ведь как ни посмотри — вероятности все равно не изменишь. Но чтобы получить нужные всходы вовсе не обязательно сажать именно их. Часто достаточно посадить то, что даст эти всходы. Или то, что даст всходы, которые потом дадут всходы... Сила — это еще не все. Круги по воде расходятся куда дальше, чем видно глазу. Но, увы, даже от перспективных проектов приходится отказываться. К тому же времени у меня не слишком много. Что ж, прощайте, господа. Огромное преимущество долгого проживания в одном городе подальше от столицы — можно найти нужные места и подготовить нужные возможности. Увы, после того, как все закончится, от вас не останется ни отпечатков смертей, ни тел, так что не думайте, что вам удалось слишком сильно испортить мои планы. Так, небольшое недоразумение.

С этими словами Паук развернулся — и просто пошел прочь, скрываясь где-то в темноте. Шаги загрохотали по лестнице, а после и вовсе исчезли, оставив за собой тишину и темноту, в которой лишь слабо светились руны, освещая каменную клетку.

Саша чувствовала, как пульсация магии в вязи вокруг, до того едва заметная, начала усиливаться, и в реальности, изменив цвет символов на полу, и в Отражении.

Несмотря на странный туман в голове, на страх, сейчас медленно перерастающий в ужас, на все происходящее — она еще могла соображать. Странное свойство ее личности, иногда проявлявшееся в сложных ситуациях. Даже не упорство, а просто-таки баранье упрямство, желание идти до конца, чего бы это не стоило.

Черта с два она спустит этому недоржиссеру все просто так.

Саша стиснула зубы, поднимаясь на ноги и пытаясь выйти из круга рун. Без успеха. Еще раз — ничего. Словно стена окружала ее, невидимая, неосязаемая — но существующая.

— Так не выйдет.

Миклош с заплывшим глазом сам поднялся на ноги.

— А есть другие идеи? Ты знаешь что это?

— Какой-то древний ритуал с использованием, кажется, архаичной датской вязи, — хладнокровию Миклоша сейчас можно было позавидовать. Он изучал руны вокруг себя с исследовательским интересом. — Сложно сказать, что это. Но, думаю, судя по расположению символов в кольце, третийским завиткам...

— Мика. Как. Это. Убрать? — Саша перебивает парня.

Но тот не сдаётся:

— Думаю, после активации огражденный рунами контур реальности и Отражения схлопнется сам в себя, уничтожая все, что находится внутри, на событийном уровне. Полное распыление на уровне вероятностей, это...

— Миклош. Как это сломать?

Парень несколько секунд рассматривает руны. Потом качает головой.

— Я не знаю какого-то способа.

— Но...? Всегда ведь есть «но», — в этом было столько надежды, что Саша устыдилась. Голос дрожал.

Миклош несколько секунд молчит. На самом деле он молчит настолько долго, что Саше уже кажется, что парень ничего не скажет. Руны пульсируют все чаще и чаще, и на миг ей кажется, что ритуал закончится раньше, чем Миклош скажет хоть что-то. Но потом парень поднимает глаза, и в его взгляде есть что-то настолько отстранённое и пугающее, что невольно холодеет внутри.

— Есть, Саша. Сила. У всего существует предел дестабилизации, и какими бы ни были древними и неизвестными чары, их можно сломать. Ты чувствуешь Отражение за рунами?

— Да. Только смазано.

Миклош кивает сам себе.

— Значит в теории для тебя это возможно.

— В теории?!

— Никто не измерял сил носителя менгира. Никто и никогда.

Саша тяжело выдыхает.

Все слишком смазано. Но Отражение ведет ее, Отражение помогает творить магию, повинаясь чувствам и желания, без слов и заклинаний, без формул и букв. И сейчас этого недостаточно. Саша может уничтожить расплывчатость, может сделать мир четким, может пережечь стены клетки. Об этом Изнанка говорит громко. И добавляет тихо, то, чего стыдиться. Что так Саша сможет сделать сейчас только раз. А во второй будет поздно.

На деле, конечно, это не слова. Не образы, но что-то иное. Интуиция, обострившаяся до предела? Но так или иначе она уверена, что все именно так. Саша чувствует, знает, догадывается — ее сил хватит. На один круг.

Решение очевидно. Слишком очевидное. Очевидно, продиктованное не выбором, а обстоятельствами. Но оно может помочь. Единственный выход, который приходит в голову.

Даже если этот выход продиктован кем-то другим... Плевать, с этим она разберется потом.

Саша закрывает глаза. Не так давно она через Отражение связалась с Маэстро через, кажется, больше чем полстраны... Теперь же надо прикоснуться лишь к местному менгиру, к еще одному каменному сердцу, бьющемуся совсем рядом, где-то под городом, под слоем земли и камней. Но на деле это было легко — стоило лишь захотеть. Стоило захотеть — и присутствие камня из Свободы словно усилилось, приблизилось, и позволило коснуться его собрата. Не телом, но разумом. Получая этим прикосновением силу, и разрушая этой силой

круг рун, разрушая ловушку, руша планы и вероятности, вздымая энергию и ломая второй круг, высвобождая замершего не от страха, не то от радости Миклоша. Ломая и при том четко ощущая, что обе ловушки уже были истончены кем-то извне, кем-то, желающим того же, что и сама Саша.

Сила ломает мир вокруг. Сила. Стремление, желание вырваться из оков. Исступлений, столь желаний образ разбитых рун застигает разум.

На мгновение она-Саша исчезает, растворяет на Грани, исчезает в Отражении.

Камень. Камень знает все — и то, что под его прикрытием Паук, один из многих, марионетка, лишённая души, плела свою паутину. И то, что иной маг сплетал сети, сидя в отдалении и засылая на городские улицы своих друзей, Ограниченный в магии, но не в амбициях. И что сейчас так легко стереть все узлы и паутинки, опутывающие город, и так нужно сделать это. Камень знает и то, что сети тянуться, тянуться и тянуться, тянуться из времен, еще не родились родители нынешних стариков. Тянутся сети — и огибают менгир, никогда не прикасаясь к нему, не желая и не стремясь контактировать ни с кем. Тянуться, вовлекая смутно узнанную семью, вовлекая иные образы словно не чужих людей... Вовлекая в паутину знакомых людей. Знакомые места.

Мужчина и женщина есть в сетях. Их сын и его жена. Их ребенок... Ребенок, к которому тянется и не тянется сеть.

Образы. Дача. Ребенок. Даль, юг, лица, игры, имена, сражения, истории, детские лица, круг огня у костра, боль потери, вновь лица...

Образы все быстрее и быстрее меняются, и в один миг словно собираются во что-то... Иное. С резким щелчком картинка меняется, как будто кто-то ударил по калейдоскопу и новый узор появился перед взором. Она превращается из камня, видящего лишь паутину и сети, в человека. В девушку. В дочь своих родителей. В ролевика, настольщика, бунтаря и иногда глупца... В Сашу Неродову.

Саша глупо моргает, чувствуя, как болит на щеке отпечаток руки. Жгучий, неприятный...

— Ты ударил меня.

Странно слышать слова, сказанные собственным голосом. Странно ощущать себя собой, а не частью паутины... Странно. Но возможно. Потому что щека горит, потому что она стоит на коленях, на холодном полу, в полной темноте, усталая, вымотанная до предела и... живая. Не какой-то придаток камня, не часть сети, не разум, затерянной в мириадах ощущений и образов, а она сама. С болящей щекой и слабостью во всем теле.

— Да. Извиняться не буду, — Саша с трудом, но понимает, что рядом сидит Миклош. Ощущает его присутствие в Отражении, которое бурлит, наполненное энергией, ясное, а не спутанное, как раньше.

А еще она чувствует, что больше не держит нет блока на связи, и что через эту связь чужая, но знакомая воля отгоняет в сторону давящую образность камня, Паутины и бесконечных эпох и поколений.

— Наверное и не надо извиняться. Только зачем ты это сделал?

Миклош, кажется, потрясен не меньше нее. Своим поступком... Или чем-то еще? Он неопределенно пожимает плечами.

— Ты разрушила ритуал.

— Кажется.

— Ладно. Ладно, давай уйдем отсюда, хорошо? Ты можешь идти?

— Могу, — Саша с трудом, но поднимается.

Она чувствует странное ощущение в связи. Не контакт но... близость? Никаких отдельных слов, только смутные, пока неясные образы. Или она не хочет, что бы они были яснее? Весь мир вокруг все равно не до конца четок.

Напряжение последних двух суток исчезло, не оставив после себя ничего кроме запредельной усталости и сотен вопросов.

Саша поднимается, с трудом нащупывая руку Миклоша. Ей на деле все равно, куда идти и как идти. Но парень непреклонен в своем желании выбраться из темноты, пусть и продвигается он на ощупь, вытянув руку вперед. Саша не видит ничего после того, как потухли руны на полу. Использовать магию, концентрироваться на том, чтобы преодолеть темноту, нет никаких сил.

Даже когда впереди показывается выход, радоваться этому не слишком получается. Вопросы остаются вопросами, а усталость — усталостью.

Саша с Миклошем поднимаются из подвала какого-то заброшенного здания. Кажется, что-то двухэтажное и старое. Оказываются в маленьком подъезде, много лет как не используемый, почти одновременно с тем, как сюда же через парадную дверь входят еще люди. Они кажутся смутными тенями, несущими беду, и Саша на миг замирает. Пока один из вошедших, в темной одежде, не приближается почти вплотную, и чувство присутствия в связи не увеличивается во много раз, обретая четкость.

Рядом с Сашей оказывается наставник, освещая ее лицо появившимся из ниоткуда сгустком неяркого света, висящим около плеча. Несколько смущенный Миклош стоит в стороне, и, кажется, даже переминается с ноги на ногу, словно провинившийся в чем-то кадет перед начальством.

— Место внизу, — Серафим бросает пришедшим с ним и кивает на подвал.

— Пострадавшие?.. — один из мужчин явно адресует магу вопрос о них.

— Они со мной. Без моего ведома — ничего и никому по этому делу. Доступно?

— Да, Александр Николаевич.

— Тогда марш на осмотр.

Маги Ордена, а до Саши с запозданием доходит, что это были они, удаляются в темный проем подвала. В подъезде остаются только она, Миклош и Серафим, цепко осматривающий их обоих. Через минуту парень уходит, кивнув на какой-то невысказанный вопрос наставника, хотя Саша и чувствует, что он остается за дверью, совсем недалеко, под раскинутой защитой Серафима.

Слов у нее нет. Злость выгорела. Миклош был прав — это было глупо. Все было глупо в последние сутки. Как бы то ни было, именно ее злость едва не убила их обоих. Что было говорить?

Но ничего и не понадобилось. Наставник подошел еще ближе, пристально смотря на нее. Пристально и... обеспокоенно?

— Саша, сядь. Сядь, — Серафим надавливает на ее плечи и буквально заставляет опуститься на холодный пол.

На деле — так легче. Саша не знает, сколько могла бы еще стоять ровно до того, как просто рухнула бы на пол. Ее бьет нервная дрожь. Не потому, что ритуал едва не завершился, а завершился бы он плохо для всех. Не из-за близости смерти. Не из-за кучи сил, совсем прошедших через тело и не из-за еще одного камня, теперь ощущаемого еще одним бьющимся сердцем где-то в бесконечных лабиринтах Отражения. Сердцем, от которого к ней тянулась нить силы.

Она едва не убила Миклоша. Решила, что может победить Паука, решила, что все может. Что сила справится со всем. Что она тут самая крутая...

Серафим сел на колени напротив. Саша очень четко понимала, что маг в Отражении буквально ощупывал ее тело, разум и душу. Ища что-то. Чего-то... опасаясь? Или нет? И передавая силу. От наставника исходило спокойствие, тепло и сила.

Достаточно долго они оба молчат. Постепенно в Сашиной многострадальной голове проясняется. Окончательно отдалается мещанина образов, отдалаются менгиры, уходят ее

собственные рвущие на части душу эмоции. На удивление, здесь и сейчас, сидя на холодном грязном полу заброшенного дома, она почти спокойна.

— Я идиотка... — что она могла еще сказать?

— Самокритично. И ты неправа. Ты — не идиотка, но твой поступок — вершина идиотизма. Вы чудом спаслись с Миклошем.

— Кто-то помог...

Серафим кивает.

— Когда Миклош написал о твоих планах, я прилетел сюда, как только смог. И привлек местных через Мишу. Мы успели сломать часть защиты вовремя. Тебе хватило сил уничтожить остальное, и развеять чары. Завершился ритуал — от последствий Черного Круга вас обоих не спас бы никто и ничто в этом мире.

Серафим говорил на удивление спокойно. Не равнодушно, но спокойно.

— Миклош... написал тебе?

— Да. В отличие от тебя он понимает, когда нужно перестать бороться с тем, что не под силу победить, и обратиться за помощью, — мягко, но с явной укоризной говорит Серафим, — даже если для этого приходится преодолеть свой страх.

Саша сглатывает. У нее много вопросов. Да сейчас не время, да, это все ерунда. Но... Но она не может не задать их. Здесь и сейчас, пока маг рядом. Просто потому что иначе как она вообще может верить... хоть чему-то?

Серафим продолжает, чуть склонив голову.

— Я знаю, что ты устала. И также знаю, что есть вещи, которые нужно прояснить. Я в курсе о том, что именно Миклош рассказал тебе. И хочу обозначить сразу — есть важная причина, по которой я не стал говорить тебе многих вещей. Большая сила порождает большое искушение ощущать себя властелином всего вокруг. И большую опасность оказаться в чужих сетях. И гордыня, и страх — не лучшие спутники жизни. Я хотел дать тебе возможность жить без всего этого и надеялся, что ты сможешь понять, что ты сама — больше, чем носитель силы менгира. Больше чем просто маг. Больше, Саша. Ты человек, ты чувствуешь, думаешь, воспринимаешь мир. Помнишь. И это больше, чем просто произносить заклинания и поднимать Отражение навстречу своим желаниям. И я не знаю, удалось ли это. Решать только тебе. Все, что я могу сказать — сегодня что тот, кто охотиться за тобой и этой силой потерял возможность разыграть часть своих карт. Но теперь может набрать новых и сыграть в новую игру.

Саша выдыхает. До того она, кажется, и вовсе задержала дыхание. Почему? Может, потому, что ждала от Серафима чего-то другого, особенно сейчас? Ругани, наказания, презрения? Но, по крайней мере, наставник говорил искренне.

Она чувствует, как на щеках загорается румянец стыда и опускает глаза.

— Я подвела Миклоша. И тебя.

Серафим только качает головой.

— Я довольно хорошо понимаю, кто ты, Саша, и на что способна. Так что — совершенно точно нет. Хотя и совершенно не одобряю твои поступки в последние дни. Мне жаль, что подозрительность перевесила доверие, а влияние одного мига оказалась важнее, чем все иное. И еще больше я сожалею о том, что ты не захотела говорить со мной и узнать мое видение ситуации, просто отгородившись от всего и вся. Но это значит и то, что я не смог убедить тебя доверять. Не смог сам приложить достаточно усилий, чтобы это доверие существовало, вот и все. С операцией в Свободе я с самого начала поступил некрасиво, пусти

и имел на то причины. Но я сожалею о том, за прошедшие три года так и не сумел завоевать твое доверие.

— Пойти к Пауку, в его сеть — это было мое решение.

Серафим кивает.

— И ты видишь его последствия.

Саша вздрагивает. Стоит говорить обо всем неприятном сразу. Не тянуть.

— Прости. Из меня не получилось хорошего ученика. Думаю, с Миклошем будет проще.

Спасибо за все, что ты сделал для меня.

Она пытается подняться и уйти — но Серафим не дает.

— Саша, прекращай бессмысленное самобичевание. Твои действия привели к не самым лучшим результатам. Сделай выводы и идем дальше. Я, ты и Миклош. И все те, кто хотят быть с нами.

Несколько секунд Саша пытается осмыслить услышанное. Потом поднимает глаза на мага.

— Я в курсе, что все отношения рано или поздно омрачаются ссорами, и отношения учителя и ученика — не исключение. Я расстроен из-за того, что ты предпочла замкнуться и действовать в одиночестве, не слыша никого и ничего. И не пытаюсь услышать. Но ты — мой ученик. И остаешься им, как и Миклош. Я на твоей стороне, помнишь? И это не изменится. К тому же доверие — вещь обоюдная, и признаю, я сам с благими намереньями в некотором роде отказал тебе в нем, пусть и желая оградить от трудностей. Но, очевидно, вышло наоборот.

Саша только кивает и закрывает глаза, переживая момент странной, захватывающей разум эмоциональности. Серафим ничего не говорит. Хотя сейчас его присутствие в связи осязаемое и явственное. Несмотря ни на что.

Проходит несколько минут, пока слезы, зачем-то появившиеся под веками, не отступают.

— Пойдем отсюда, Саш, — Серафим говорит теперь совершенно обыденным тоном, словно она просто сидит перед ним на каком-то уроке. — На самолет и домой. Учиться обращаться с полученным, подводить итоги, решать и думать. К тому же тебе Екатерина передала приглашение.

— Приглашение?..

— На свадьбу. Через два дня. Так что пора возвращаться в Краснодар.

Саша кивает и поднимается на ноги.

Она чертовски устала. И очень о многом хочет поговорить. Но пока — самолет и спать. Или самолет и вопросы. Но самолет будет потом, а пока Саша просто переставляет ноги вслед за наставником, рядом с Миклошем, не меньше нее уставшим, но, по крайней мере, живым.

Уже в самолете, каком-то мелком борту, летящему по частному разрешению только с ними троими в качестве пассажиров, Саша, подремав буквально с полчаса, все же, пусть с некоторым сомнением, подсаживается к смотрящему куда-то в ночную темноту по ту сторону иллюминатора Миклошу.

Серафим, кажется, спит. По крайней мере, глаза мага закрыты, а тело расслаблено. Хотя Саша четко чувствует его присутствие в связи. Но пока не похоже, что он собирается вмешиваться в происходящее, хотя и рекомендовал им обоим выспаться, предлагая даже усыпить магически. Впрочем, и Саша, и Миклош отказались наотрез.

Парень поднимает глаза. Без укора — хотя имеет полное право злиться и ненавидеть.

— Прости, Мика. Я тебя едва не убила своим высокомерием.

— Я жив, — чуть пожимает плечами парень, слабо улыбаясь. — Но больше так не делай. Несмотря ни на что, думаю, быть живым все-таки лучше, чем мертвым. Даже в вашем безумном мире.

Саша качает головой.

— Я перед тобой виновата.

— Без тебя я бы торчал в амулете, или чего похуже, так что расслабься по этому поводу.

Я твой вечный должник, и я от этого не отказываюсь.

Достаточно долго Миклош молчит, хотя Саша ощущает, что парень не против продолжить разговор.

— Знаешь, мне иногда кажется, что я что-то упускаю в людях и их отношениях. Признаюсь, это всегда меня интересовало. Вот я смотрю на тебя и просто не могу понять: почему для тебе довериться человеку, который сидит у тебя в голове и которого ты знаешь несколько часов в непонятно каком ритуале — возможно, а спросить наставника, у которого ты три года учишься и который тебе уже помогал — нет?

Саша чуть пожимает плечами. Странно, Миклош не злится, не пытается обсудить произошедшее, ничего такого. Спрашивает о причинах ее поступков. Саша усмехается, прокручивая в голове слова Паука. Она глупец — пожалуй.

Ответ приходит после короткого раздумья.

— С тобой... Я была главнее.

— А. Тебе сложно потерять контроль над ситуацией, — понимающе усмехается Миклош. — Воистину, люди не меняются, столько бы поколений не народилось... Но, Саша, правда, Серафим может ошибаться. Но он никогда не откажет в помощи и сделает все, чтобы сохранить жизнь тем, кто ему дорог. Даже если «эти» ему пытаются в этом помешать. Я знаю его чуть дольше, и понимаю что все, что случилось со мной — результат моей глупости. Моей веры в то, что я со всем справлюсь сам, даже в тех местах, где я объективно не мог справиться. И вот результат. Погибли люди. Погибли близкие мне люди.

Саша вздыхает. Она едва сама не стала причиной этого. Как раз потому, что возомнила себя Владычицей Морской. Всесильный властитель менгира, как же... Решил Паук что-то сделать — она и дернуться не успела. Даже если он и правду готовился к этому годами, все равно. Никак ее сила не помогла.

— Сегодня я и сам сглупил, — Миклош чуть разводит руками. — Понял, что вампир может навести на наш отель, ушел оттуда. Сообразил, что лицо-то мое можно спрятать в таком большом городе, а вот что амулеты любой Затронутый издали заметит, я-то ими был увешен с ног до головы, и теми, что у меня с самого начала были, и теми, что ты отдала, не подумал. Забери их, кстати.

— Я не...

— Забери. Я знаю, ты отдавала мне это с чистым сердцем, но сейчас они точно не нужны. К тому же вероятностный щит все равно выгорел, а перезаряжается он от твоего энергетического контура, для меня он бесполезен.

Саша подняла полные удивления глаза на Миклоша.

— Ты не видишь этого?

Ей только и остается, что помотать головой.

— Надо же. Впрочем, наверное, со стороны виднее, к тому же год учился на

специалиста-артефактора, до того как в ритуалогию ударился.

— Выгорел. А в итоге...

— А в итоге я жив. И ты. Ты хоть понимаешь, что выжгла Черный Круг на чистой силе за несколько секунд?

Саша чуть пожимает плечами.

— Я мало знаю об этом ритуале. Да и на его течение все равно давили, подтачивая плетение. Наставник пришел, потому что ты ему написал.

— Ну я решил, что даже если ты меня не слышишь, то нужно все-таки действовать, а не ждать. У меня было надежда, что Серафима ты все-таки сможешь услышать. Но вышло что вышло. Все равно — Черный Круг сломать дорого стоит. Я не смог бы даже с поддержкой концентратора, когда в своем теле был. А я неслабый был маг для своего времени.

— Ты словно удивлен тем, что у меня получилось.

— Не «словно». Я... В теории считается, что в менгире заключены огромные силы, и что получивший к ним доступ черпает даже не из озера воду, а из моря или океана... В Великой Войне их вычерпывали до дна, но даже это случалось не сразу. Годы требовались, чтобы высушить менгир. Годы войны. Но все же, все же... К тому же, создавая или разрушая так чары одним усилием воли, можно стать заложником этой воли... И утратить себя.

Саша склонила голову, вновь словно чувствуя удар по щеке.

— Ты дал мне пощечину.

— Да, — Миклош чуть улыбается. — Я не бью женщин. Обычно.

— Но для меня сделал исключение. Достала тебя?

— Вроде того. У меня возникло четкое ощущение, что с тобой что-то происходит, и это что-то надо быстро прекратить. Больше ничего на ум не пришло.

— А говоришь, что магией не пользуешься.

Миклош качает головой.

— Не пользуюсь. Пока не закончится адаптация, иначе велик шанс разрыва связей между сознанием и телом и смерти. Но я... в некотором роде я могу ощущать отголоски твоих мыслей и эмоций.

Саша хмурится.

— Поясни.

— Не могу. Не потому что не хочу — я не знаю, как это объяснить. Дело не в каком-то моем желании, на самом деле. Сначала я думал, что это как-то связано с моим, хм, статусом в этом теле. Но — нет, это просто какой-то вид ментальной связи. Он почти всегда неактивен, но если ты испытываешь сильные чувства, то я могу ощущать их словно бы как свои, только в разы слабее и как через толщу воды. До этого мне удавалось такое только с Отголосками Отражения, образами, запечатлёнными Изнанкой. Да и то — не самый приятный опыт. И никак не с живыми людьми, даже с Затронутыми.

— Ты — эмпат?

Миклош медленно кивает.

— Возможно в этом дело.

— Или в том, что я в некотором роде побыл частью тебя, пусть и недолго. Не знаю. В общем, именно поэтому я решил вмешаться в происходящее с тобой. Грубо, согласен, но других идей у меня не возникло.

— Спасибо. Это было... своевременно.

Миклош чуть усмехается.

— Если вы оба не настроены отдыхать, то, может быть, тогда подробно расскажете, что именно произошло?

Саша оборачивается. Серафим больше не спит. На деле она не знает, сколько он не спит и что именно слышал...

— Я не вижу никакого смысла в том, чтобы подслушивать чужие разговоры, — довольно мягко говорит наставник, словно отвечая на ее взгляд. — Но, пока есть время, я хотел бы узнать то, что вы готовы мне рассказать. Сейчас. Разумеется, Миша и близнецы захотят повторения. И не только они. Но тем не менее.

Саша вздыхает и на секунду переглядывается с Миклошем. Он явно не очень уверенно чувствует себя рядом с Серафимом, который, напротив, реагирует на своего невиновного, как оказалось, ученика, довольно спокойно.

— Я не принуждаю вас. Но часто то, что рассказано сразу, позволяет заметить детали, которые забудутся после.

Саша облизывает губы.

— В Свободе... У менгира, и раньше. Тогда. Вы... ты и сам все знал.

Серафим чуть склоняет голову.

— Тогда у меня не было возможности спрашивать, а у тебя говорить. Магия могущественна. Но не зря даже маги разговаривают между собой больше, чем общаются ментально. Я не принуждаю, ни в коей мере. Но, просто по опыту, так будет проще. И вам в том числе.

Саша тяжело вздыхает. Она словно бы не до конца осмыслила все, что произошло. Слишком много всего. И говорить — значит вернуться к произошедшему. В произошедшее.

Серафим смотрел довольно спокойно, и почему-то Саша была уверена, что маг прекрасно знал об этом свойстве слов — увлекать за собой. Знал и подталкивал к разговору. Она могла отступить. Саше казалось, что если она откажется, то принуждать к разговору маг не будет.

Саша делает глубокий вдох, словно так может набраться смелости. Идти, значит, прямо в ловушку не боялась, а говорить об этом боится? Словно если молчать, то что-то изменится...

— После того, как я отправила отчет, мы решили пойти в парк развлечений...

Она рассказывает не так долго, как предполагала. Станным образом то, что сейчас она говорит о прошлом, заставляет картины перед глазами потускнеть, утрачивая часть красок. Это — прошлое. Она говорит о нем, сидя в самолете, вместе с Миклошем и Серафимом. Просто говорит. О том, что уже случилось и больше никак не повлияет, никак не затронет ее.

Наставник не перебивает Сашу. Как не перебивает и Миклоша, берущего слово после ее рассказа. Как выясняется, парень ушел из отеля почти сразу после нее, но в итоге был остановлен кем-то из Ордена, задержан, доставлен в этот самый необитаемый дом, кинут там в рунный круг, предварительно получив в глаз при попытке побега, и дожидался Сашу там, сидя на холодном полу.

— Напомни, Мика, мне по приезде домой тебе картаинскую лилию выдать, пока ты без магии полноценной, это все может и не пройти даром, — Серафим кивает по окончании рассказа.

Несколько секунд в салоне самолета устанавливается тишина. Старший маг сидит, сведя кончики пальцев и глубоко задумавшись. Потом он словно встряхивается, отодвигая в

сторону поглотившие разум образы.

— В общих чертах многое начинает проясняться... Но давайте начну с простого. Я рад что вы оба живы. Это первое и главное. На этом в целом можно и закончить, если бы не страстное желание взять каждого за ухо и тягать, пока не поумнеете. Не сказать никому про подозрения о Паутине. Лезть без защиты и понимания к неизвестному артефакту полументального толка. Ехать ночью по адресу военного преступника в приступе злости, в нем же таскать с собой ментально обработанного Обращенного, в том числе и туда, где живете, а потом вместе с ним лезть к предполагаемому виновнику произошедшего... Я надеюсь, что вы оба сделаете выводы. Да, Миклош, я понимаю, что за две недели ко всему не привыкнуть, как бы Миша тебе не помогал. И что тебе, Саша, не вытравить свое хроническое недоверие к тем, кто может иметь над тобой власть ни за год, ни за три, ни за непонятно сколько. И об экспериментах в одиночестве или непонятных ритуалах по наущению голоса в голове мы еще поговорим.

На несколько секунд вновь воцаряется тишина. Потом маг продолжает.

— Вы уцелели. Анастaley исчез, тело Замещенного нашли Орденцы — это из того, что я знаю.

— А... Аня? — робко осведомляется Саша.

— В момент уничтожения Паутины, а ты ее выжгла дочиста, взаимодействуя с пензенским менгиром, контроль над Анной исчез. Сейчас выясняется, кто именно подписал перевод Александровой в Пензу год назад и что за этим стояло. Увы, того вампира, что напал на вас у дач и чье сознание скорректировал Анастaley, уже нет в живых. Спрыгнул с крыши многоэтажки, скорее всего, из-за какой-то из ментальных закладок до того, как мы успели вмешаться. Бестужев смылся в неизвестном направлении. В Пензу направили в том числе и несколько независимых менталистов для проверки местного отделения Ордена, не из российских. Бестужев намекал, так что сейчас и Советников проверяют. Что бы в Пензе не затевалось, после разрыва Паутины контроль за ее нитями был утрачен, хотя сколько она там висела — выясняется. Менгир, что иронично, так и не нашли. Кажется, он вообще закопан где-то глубоко под старой крепостью, и дотянуться до него физически в принципе невозможно.

Саша кивает. На деле, у нее есть еще вопросы. Точнее, только один вопрос.

Несколько секунд она смотрит в пустоту. Но потом все-таки рискует перевести взгляд на наставника.

— Это все из-за меня, верно? Кому-то зачем-то понадобилась я. Из-за моей крови, наверное, из-за моей... возможности взаимодействовать с менгирами, так? Именно поэтому все это устроили со Свободой, именно поэтому менгир так под меня адаптировался, и все это... Из-за меня.

Серафим качает головой.

— Сашка. Хочу, чтобы ты понимала — нам противостоит кто-то из старых магов. По многим оговоркам, по речи... По всему. Я потом попрошу тебя показать все это образами, еще раз. Это может помочь разобраться в произошедшем. Но уже сейчас могу сказать наверняка, что речь идет о ком-то из опытных магов и политиков. А у таких людей не просто один план или вероятность, а десятки, сотни, тысячи планов. Да, ты участвуешь в одном из них. Это правда. Ты. Я. Миклош. Еще бог весть кто, на самом деле. И это неприятно, но вовсе не трагедия. Что бы кто бы для тебя не придумал — выбирать, что с этим делать и как вообще жить только тебе. Только. Так, как ты хочешь.

— У меня, — Саша сглотнула, — у меня за игровым столом, там, в конце, было ощущение, что что бы я ни выбрала — это часть его плана.

— Ни один план не может включать все. Каждый из нас сам создает сценарий своей жизни, Саша. Каждый. И тот, кто считает, что может управлять всеми вокруг — глупец и гордец, лишь тешащий себя мечтами о всемогуществе. Мы сами принимаем решения, мы сами делаем выбор, мы сами реагируем так или иначе на то, что происходит. Нельзя сказать, что каждому из нас подвластна наша жизнь от и до — потому что мы живем не в одиночестве, и окружающее влияет на нас. И это не только люди, но и животные, и сама природа. Но мы остаемся собой, меняясь, но в то же время и продолжая быть неизменными, и из этой точки никто не способен управлять нами. Ты выбрала помочь Милокшу просто потому, что ему могла угрожать опасность. Потому что ты считала это правильным.

Саша кивает.

— Потому что помогать другим тогда, когда ты можешь помочь — это часть тебя. Как и недоверие. Как и прошлое. Как и игры, и дача, и семья, и увлечения, и любовь к котам в квартире, и много чего еще. И это никто не способен забрать. А что касается планов мятежных магов... Знаешь, не первый и не последний раз. Справимся. Я прожил долгую жизнь, и ответственно заявляю — идиотов с манией величия в нашем мире побольше, чем в иной психбольнице. Но никто еще так и не смог этот мир, собственно, захватить. Не бери на себя слишком много, Саш. Теперь ты знаешь, что тобой интересуются, и это из гипнотической возможности стало реальностью, только и всего.

Саша смотрит на наставника, пытаясь что-то понять по его лицу. Но Серафим только неожиданно усмехается и треплет ее по волосам.

— И даже сейчас ты мне до конца не веришь.

— Я... просто... Это все слишком. Наверное. Пока.

— Понимаю. Тебе нужно отдохнуть. Вам обоим. К тому же, Саша, приглашение тебе передали на тебя и кавалера. Мика, а тебе нужно выбраться в люди.

— Кавалера?! Нет, мы не... — два голоса почти слились в один.

— Да знаю я, не возмущайтесь. Эмпаты в частичном наложении после Слияния, мда. Ладно, разберемся потом с этой связью, ученички. Но я все же настаиваю, чтобы вы пошли на свадьбу оба. Во-первых, там буду я сам. Во-вторых — вам обоим не нужно замыкаться в себе после всего этого. В-третьих... В-третьих вечером после торжества приезжает Карина, и, боюсь, эта свадьба — последний ваш шанс на совсем уж беззаботный кутеж. И мой последний шанс, между прочим.

Миклош испустил страдальческий вздох. А Саша перевела настороженный взгляд с его на Серафима и обратно, пытаясь понять, что так тревожила парня.

— Карина, Саша, это... в общем, это будет тяжело.

— Почему?

Теперь вздыхает уже Серафим.

— Потому что она моя наставница. И последние триста лет проводит время где-то на Бермудах, выращивая виноград и наслаждаясь жизнью. И почти не появляется здесь, что, наверное, все же благо.

Саша смотрит теперь уже на Миклоша.

— Скажем так — я с ней познакомился, когда начал свои изыскания и... в общем, мы не договорились. И теперь есть что есть. Сама увидишь.

Серафим кивает.

— Увидишь. Карина — прекрасный человек и не побоюсь этого слова — великая волшебница. Но с весьма сложным характером. Она приехала по делам Совета, в том числе и по нашему делу. Ненадолго, надеюсь. Но в любом случае нам предстоят интересные времена. Так что развлекайтесь пока можете.

— Ты думаешь, это будет настолько плохо?

Саша, выпив три бокала вина, уже чувствовала легкое опьянение. Может, из-за общей атмосферы, может, из-за усталости — как объяснил наставник, пусть запорогового истощения уничтожение магии ритуала и не вызвало, на разум и тело такой большой поток силы все же повлиял. Амулетов, выданных Серафимом, на этот раз было куда меньше, но все же нельзя было сказать, что все пришло в норму. Особенно после того, как Саша отказалась ехать ночевать к наставнику, в пусть безопасный, но чужой дом, и проснулась от тягостного ощущения смыкающегося вокруг кровати круга из рун. Кошмар, впрочем, быстро истаял, но нормально спать она все равно толком не смогла. После целого дня разговоров и рассказов о произошедшем она даже после того, как наставник считал еще раз напрямую образы из разума, все равно чувствовала себя как-будто не до конца вернувшейся из Пензы, а кроме того усталой и словно бы более искренней.

Впрочем, Саша и без этой убирающей контроль за мыслями и проявлениями чувств усталости была рада за товарищей. Коля и Катя так и не стали друзьями для нее, но все же были хорошими приятелями. И как не скрипела она зубами два года назад в санатории, сейчас радость за решившихся создать новую семью и быть вместе перевешивала бывшие обиды. Они развлекались втроем, проводили время, учились и влипали в истории. В разные истории. Да, в последнее время она старалась не мешать ребятам, ощущая себя третьим лишним совсем уж сильно. Но они были счастливы, а это было важнее всего.

Сейчас праздник, проходивший в Колином загородном доме, плавно перерос в стадию, когда все разбредались по отдельным комнатам и общались на темы, общаться на которые можно сначала неплохо выпив и хорошо повеселившись. Саша, правда, говорить ни с кем ни хотела. Просто стояла на балконе и смотрела на зелень леса, начинавшегося прямо за территорией коттеджа.

Миклош материализовался сам, с бутылкой вина и загнанным взглядом. Кажется, приезд мифической Карины, наставницы Серафима, пугал его до чертиков.

— Я не думаю. Я знаю. Саша, я с ней поругался. Я такого наговорил... Думал — убьет. А она просто ушла, сказала, чтобы я сам пенял на себя... И вот. Как я ей в глаза посмотрю? Заупрямился, потерял... всех потерял. И что? Как мне быть? Стою тут, жалею тебе. А больше и некому — нет никого. Дурак потому что. Кретин самовлюбленный.

— Ну. Успокойся.

Пьяный Миклош был грустным зрелищем. Впрочем, за прошедшее столь небольшое время он мало с чем мог свыкнуться.

— Все хорошо будет, — неожиданно для себя говорит Саша. — Ты вон сам мне говорил, что Серафим в помощи не откажет. Значит и на растерзание этой Карине тебя не отдаст.

— Да она с нами жить будет... С наставником. Я то что — ни кола, ни двора, голь подзаборная.

— Все разрешится. Наверняка. К тому же тебя оправдают, как только поймаем того, кто все это устроил.

— Это никого не вернет.

Саша только кивает.

— Да. Это правда. Но боль все же станет терпимой. Прошлого не изменить и не

исправить, но жизнь есть, и ее нужно жить.

Саша говорит с уверенностью. Она так думает. Она так живет... Сколько? Долго. Сс смерти отца, пусть иногда эмоции все же заглушают разум. Но все же этот принцип выручает ее из года в год.

Миклош поднимает на Сашу глаза. Долго смотрит, словно ища что-то, и после кивает, неожиданно расслабляясь.

— Спасибо.

В кармане Миклоша пиликает что-то. И это, неожиданно, телефон, причем из современных.

— О, уже одиннадцать. Я пойду найду Серафима, он просил.

Саша кивает. И остается на балконе в одиночестве. Ненадолго, ведь пора уходить. Катя и Коля на самом деле уже ушли к себе, оставив гостей отдыхать и веселиться. И правильно. Ей пора домой. К Боне. К своей привычной квартире.

Хотя на деле Саша чувствовала укол грусти, садясь в такси. Было любопытно встретиться с этой Кариной. Да и... Миклош теперь здесь. Кажется, они уладили, по крайней мере пока, свои проблемы, и вполне тепло общались с Серафимом. И пусть так и будет.

Она ведь хотела, что бы все вокруг были счастливы, так?

Алкоголь размывал привычные барьеры, и за них просачивалась грусть. Сила бесполезно, пока не взяты под контроль эмоции, так?..

Ей самой решать, как поступать и что делать. И возвращаться домой к Боне правильно. Она и так слишком часто оставляет питомца то на одного, то на другого знакомого. Правильно. Это ее жизнь. Только ее. А остальные пусть живут свою.

Уже заходя домой, Саша получает сообщение. От Ани.

Ани, которой написала вчера украдкой, напомнив о настольной игре и о том, что не против пообщаться с любительницей подземелий и драконов. И Аня ответила! Хотя и не помнила ее, да и переписка старая вся почему-то стерлась. Но бывшая подруга согласилась продолжить общение. Согласилась! Спросила о том, какой у нее любимый класс, признавшись, что новичок в правилах. Одни только вопросы про Подземелья и Драконов, ничего больше.

Кажется, Аня по-прежнему ничего не помнила. Даже то, что Саша использовала старую страницу, ничего не изменило. Но, наверное, и к лучшему.

И еще одно сообщение. От Серафима.

Где тебя черти носят? Не заставляй меня себя искать.

Я дома.

Ладно. Через десять минут буду.

Что опять не так? Ладно, какая разница. Или все-таки разница есть? Саша с удивлением обнаруживает непрочитанное сообщение. Час назад или два Серафим отправил его. Когда она ушла со свадьбы, что ли? Или раньше?

Саш, я ценю твою самостоятельность. Но сейчас, прости, не лучшее время для ее демонстрации. Жду у себя с вещами и котом, обещаю отдельную квартиру и приятных соседей (только насчет Кары никаких гарантий не дам). Не беспокойся, нынешнее жильё Орден оплатит отдельно.

П.С. Не приедешь сама через час — притащу за ухо. Времена изменились. Да и я не способен объяснить Миклошу, почему в нынешнем мире так популярен Инстаграмм и

коты в нем, а кто-то должен это сделать.

П.П.С. Ихвати приставку и гитару.

Какого черта? Ладно, с этим она разберется потом. Возможно, настойка после вина была лишней, но оно того стоило. А теперь не хочется думать, а хочется спать, спать и спать. А потом проснуться и понять, что ничего не было и все продолжается так же, как и раньше. Мда, некоторые желания не изменились. Но сейчас у нее нет никаких важных дел.

Саша даже успевает задремать, когда в дверь раздается стук. На пороге оказывается Серафим собственной персоной.

— Саша, вот зачем убегать? Уехали бы все вместе. Я нормально отношусь к переписке, но все же не в восторге от необходимости набирать кучу слов там, где можно обговорить все за минуту. Вещи твои где?

— Что? Какие вещи?

Он, что, говорил серьезно о переезде?

— Твои. Я понимаю, что тебе много не надо, у меня почти все есть, но все-таки. Да и коту твоему там миску и это все нужно. Где это?

— Что? Куда нужно ехать? Я не хочу...

— Саша, это не обсуждается, — Серафим произносит эти слова куда мягче, чем обычно, но парадоксальным образом намного более непреклонно. — Эти сутки я присматривал за тобой на расстоянии, но все время я так делать не могу. Я понимаю, что ты привыкла к этому месту, и квартира за тобой останется. Но пока мы не разберёмся с нынешней ситуацией, ты будешь жить у меня. Как ты знаешь, мне принадлежит весь дом, и квартир там хватает. Со всеми удобствами и абсолютно бесплатно.

Саша только хлопает глазами.

— И к тому же — во-первых, кто-то должен объяснить Мике, как играть в Героя Гитары, моих педагогических талантов не хватает, как выяснилось, да и две гитары интереснее. А во-вторых — кто-то должен спасти нас от Карины, которая вот-вот прилетит. И третье — про котов в Инстаграмме я серьезно.

— Спасти... вас?

— Саша, — Серафим вздыхает, — Карина, кажется, жалеет в своей жизни только об одном — что я, ее последний ученик, мужского пола. И ей не с кем обсуждать юношей, нравы, ходить по магазинам, на маникюр, и примерять наряды. Я уверен, ты в торговом центре...

— Но я не... не... в общем, я все это не умею! И не хочу! Все это ужасно, и...

Саша в ужасе попятилась назад, представляя себя на шопинге в торговом центре с кучей пакетов в какой-нибудь «Меге», как когда-то в детстве, когда они с матерью семь часов подряд расхаживали в подобном месте.

— Отлично, Ксандр, запугиваешь мной детей еще до знакомства, — раздался насмешливый голос из-за спины Серафима с несколько непривычным акцентом.

Саша рефлекторно едва не бросила в появившуюся прямо за плечом мага женщину глушилку. Даже наставник вздрогнул, разворачиваясь к подошедшей. Теперь женщину лучше было видно, и Саша поняла, что у нее явно были испанские корни. Или что-то похожее — смуглая кожа, темные волосы, черные глаза. И прекрасно сидящий брючный костюм с немаленьким декольте.

— Кара. Я не знал, что ты придешь сюда.

— И поэтому пользуешься временем до моего приезда, чтобы запугать ни в чем не

повинных котят. Вон твой переселенец, когда я на пороге появилась, и вовсе чуть через Отражение не сбежал.

Серафим только выдохнул.

— Дурак.

— Да, я ему то же самое сказала. Кстати, а все эти красивые торговые центры сейчас получше, чем та ярмарка, на которую ты меня водил в прошлый раз, я надеюсь? Пока ехала с самолета — видела парочку таких. Может, сходим? Кажется, твоя протезе точно не в восторге от такой перспективы, так что придется тебе самому этим заняться. Да и гардероб вой опять совершенно никуда не годится. Кстати, как зовут-то тебя, воинственный котенок?

— Александра.

— Карина. Будем знакомы. Я так понимаю, тебя запугивают перспективой жить со мной в одном доме, так?

— Нет. Все в порядке, просто... Все нормально.

Женщина только качает головой.

— Вот и отлично, скоро познакомимся получше. Занятный котенок. Ладно, я просто поздороваться, Ксандр. У тебя дома шаром покати, ты знаешь? И вообще, редкостная конура. Но квартиру наверху я заняла, так что не напрягайся с поисками лучшего места. Пришлось конечно прогулять по круглосуточным магазинам и купить много чего вместо твоего барахла, но что поделать. К тому же, сейчас, я смотрю, продают вместо алкоголя и закусок какую-то дрянь... Ладно, я побежала, через час надеюсь на приветственный ужин, Ксандр. И только попробуй опоздать.

Женщина исчезла так же бесшумно, как и появилась.

— Час... Ладно, Саша, боюсь, на сборы больше десяти минут я не дам. Кара не любит опозданий. Даже в чужом доме. Потом заберу что еще понадобится. Хватай рюкзак, ноутбук, кота, и поехали. Пока Кара мне домой какой-нибудь уродский сервант из красного дерева не заказала по каталогу.

Саша несколько секунд смотрит на мага.

— Я точно не помешаю?

— Нет. Совершенно точно нет. К тому же, Саша, насчет Героя Гитары я не преувеличивал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net